

Эстерион: Нити Сомкнутой Завесы

Зеркало без будущего

— Книга вторая —

Алекс Куверн

Алекс Куверн

Зеркало без будущего

<https://litres.ru/74414619>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Астрарии умеют видеть будущее. Обычно - тысячи его вариантов. Теперь все зеркала показывают один.

Через десять недель после событий в Риверфолле Эллиан, Каэл и Тарен получают приглашение в Астрарий Зеркал Времени - академию, где Эллиан провёл два года своей жизни.

Там происходит невозможное. Независимые прорицания дают одинаковые результаты. Люди всё чаще принимают одни и те же решения - и почти перестают замечать, что могли поступить иначе.

Сначала это кажется мечтой любого прорицателя: будущее наконец стало точным. Потом становится ясно, почему будущее никогда не должно быть единственным.

Троим друзьям предстоит понять, что происходит с Астрарией, прежде чем выбор превратится в иллюзию — и решить, насколько далеко они готовы зайти ради права ошибаться, менять решения и выбирать собственную дорогу.

Магическая академия, тайны зеркал и вероятностей, приключения, дружба и будущее, которое становится слишком предсказуемым.

Содержание

Часть I. Отражение, которого нет	4
Глава I. Письмо с серебряной печатью	5
Глава II. Дорога к туманному озеру	63
Глава III. Академия, которая помнит Эллиана	107
Глава IV. Семь зеркал	157
Глава V. Лунные купальни	199
Глава VI. Слишком точное предсказание	222
Конец ознакомительного фрагмента.	226

Алекс Куверн

Зеркало без будущего

Часть I. Отражение, которого нет

Будущее существует, пока у человека остаётся выбор.

*Но что, если зеркало уже знает твой следующий шаг —
и больше не показывает ни одного другого?*

Глава I. Письмо с серебряной печатью

Письмо из Астрария пришло утром, которое не обещало ничего необычного.

За последние десять недель Эллиан успел заново привыкнуть к таким утрам. Риверфолл просыпался под грохот колёс на мостовой, крики торговцев и размеренные удары молотов в кузнечном квартале. Из пекарни через улицу тянуло горячим хлебом, от Сарвена — прохладной водой и мокрым камнем, а из открытого окна городского архива — пылью, старой кожей и составом, которым Арден защищал рукописи от сырости. В начале лета этот запах означал для Эллиана возвращение домой. Теперь он снова стал настолько привычным, что замечался лишь тогда, когда к нему примешивалось что-нибудь постороннее: дым, испорченные чернила или, как сегодня, резкий аромат яблочной кожуры.

Лорен сидел на краю большого стола, несмотря на то что отец уже дважды попросил его воспользоваться стулом, и пытался очистить яблоко одним непрерывным движением ножа. Длинная красная спираль свисала почти до пола, раскачиваясь возле его сапога. Рядом лежали четыре раскрытые книги, стопка восстановленных свидетельств жителей Старого Брода, деревянная линейка, три пера и маленькое зеркальце, которое время от времени показывало Лорену не его

собственное лицо, а неодобрительное выражение Ардена.

Арден пока не замечал. Или делал вид, что не замечает.

Эллиан склонялся над копией карты узлов, найденной под старым пограничным знаком. Оригинал хранился в запечатанном ящике магической башни, под тремя защитными контурами и постоянным надзором людей, которые по очереди подозревали друг друга в недостаточной осторожности. Копию изготовили на плотном сером пергаменте, перенеся не только линии и знаки, но и слабые остаточные следы магии. Большинство нитей на ней оставались неподвижными. Несколько едва заметно меняли яркость, когда Эллиан проводил над ними диагностическим кристаллом. И лишь линия, соединявшая Риверфолл с Астрарием, продолжала светиться ровно и упрямо, словно прошедшие недели не имели для неё никакого значения.

— Она стала ярче, — сообщил Лорен, не отрываясь от яблока.

— Ты говорил это вчера.

— Вчера она тоже стала ярче.

— По сравнению с чем?

Лорен на мгновение задумался, удерживая нож у самого конца спирали.

— С позавчера.

— А позавчера?

— По сравнению с днём до этого.

Эллиан опустил кристалл и внимательно посмотрел на

младшего брата. Лорен выдержал его взгляд с выражением полной научной добросовестности. Только уголок его рта слегка дрогнул.

— Следовательно, — продолжил Эллиан, — за десять недель линия должна была стать настолько яркой, чтобы её можно было увидеть из Астрария без карты.

— Это объяснило бы, почему они до сих пор не ответили, — заметил Лорен, осторожно срезая последний кусок кожуры. — Возможно, там все ослепли.

Арден перевернул страницу лежавшей перед ним книги и, не поднимая головы, произнёс:

— Лорен.

— Да?

— Стул.

Лорен посмотрел на свободный стул, затем на край стола, на котором сидел.

— Я почти закончил.

— Ты чистишь яблоко уже пятнадцать минут.

— Я стараюсь не порвать кожуру.

— Это не относится к работе архива.

— Пока не относится.

Арден снял очки и спокойно взглянул на сына. В зеркальце рядом с Лореном возникла уменьшенная копия того же взгляда, только с преувеличенно поднятой бровью.

Несколько мгновений отец и иллюзия смотрели друг на друга.

Лорен проследил за их взглядами, поспешно накрыл зеркальце ладонью и спрыгнул со стола.

— Стул, — согласился Лорен и наконец перебрался на положенное ему место.

Эллиан снова склонился над картой, пряча улыбку. Утро и в самом деле было самым обыкновенным — настолько, насколько обычным вообще могло считаться утро в городском архиве после событий с колоколом. За окном двое торговцев громко и обстоятельно спорили о цене двух бочек соли. Снизу доносились голоса писцов, разбиравших новые показания жителей, вернувшихся вместе со Старым Бродом, а в дальней комнате привычно скрипела лестница, которую обещали починить ещё при деде Ардена. За прошедшие годы скрип успели признать исторической особенностью здания, что оказалось значительно дешевле ремонта.

После событий начала лета работы в городе по-прежнему хватало. Архивисты восстанавливали документы и сверяли прежнюю редакцию хартии с исправленной, землемеры заново уточняли границы участков, а мастерские и дома возвращали семьям, чьи имена ещё недавно отсутствовали во всех записях Риверфолла. Дело продвигалось медленно, неизбежно порождая споры, ошибки и стопки новых бумаг, но эта работа хотя бы подчинялась понятным правилам. Она не перестраивала улицы за спиной, не стирала людей из памяти и не заставляла древние дороги измерять путь годами вместо километров.

Эллиан не сразу признался себе, насколько ему нравится эта предсказуемость. Не как обещание мира, в котором всё однажды встанет на единственно правильное место, — он слишком хорошо знал, во что может превратиться подобная мечта, — а как редкая возможность спокойно закончить уже начатое и обнаружить наутро, что результат никуда не исчез. Утром прийти в архив. Днём помочь в башне проверить очередной фрагмент карты. Вечером встретиться с Каэлом и Тареном, выслушать, как Каэл в очередной раз объясняет, почему двухнедельный ремонт охотничьей тропы следовало поручить ему с самого начала, а Тарен сообщает, что тропа, по его впечатлению, предпочла бы остаться без ремонта. Вернуться домой до того, как Серелия начнёт отправлять поисковые чары. Проснуться и повторить всё снова.

Ни одна древняя магическая система не требовала спасения каждое утро.

Это оказалось неожиданно приятным.

— Ты опять смотришь на линию так, словно она должна извиниться, — раздался голос Каэла от двери.

Эллиан поднял голову.

Каэл стоял на пороге архивной комнаты, придерживая плечом дверь и держа в обеих руках большую плетёную корзину. За десять недель загар на его лице стал темнее, а светлый шрам через бровь резче выделялся на коже. Одежда была дорожной, хотя до ближайшего лесного дозора отсюда было не меньше часа пути: тёмная рубашка с закатанными ру-

кавами, кожаные наручи, пояс с ножом и высокие сапоги, на которых сохранилась засохшая грязь. По его собственному объяснению, человек никогда не знает, когда ему внезапно потребуется выйти за город. По мнению Элины, Каэл просто чувствовал себя незащищённым без возможности носить не меньше трёх ножей одновременно.

Следом за ним вошёл Тарен. Он нёс свёрнутый плащ Каэла, небольшую сумку с травами и выражение человека, уже смирившегося с чужими решениями, но не одобрявшего ни одного из них. Его чёрные волосы были собраны в низкий хвост, несколько тонких прядей у висков выбились и шевелились от сквозняка. Серебряная бабочка последние недели не появлялась, однако магия Лирантэль оставалась рядом с ним в мелочах: листья в сумке не увядали, пыль под сапогами собиралась в едва заметные спирали, а утренний свет на мгновение задерживался в янтарных глазах дольше, чем позволяли обычные законы отражения.

— Она не способна извиняться, — ответил Эллиан, наблюдая, как Каэл ставит корзину на свободный край стола. — У неё нет разума.

— Это не мешает тебе выглядеть оскорблённым.

— Меня раздражает не линия, а отсутствие объяснения.

— Значит, всё-таки не извинилась, — заключил Каэл и начал доставать из корзины хлеб, сыр, копчёное мясо и небольшой глиняный горшок. — Мать решила, что люди, работающие в архиве, могут забыть поесть.

Арден снова надел очки.

— Мы не забываем.

Тарен положил плащ Каэла на спинку стула и посмотрел на давно остывшую кружку возле локтя Ардена.

— Вы забываете выпить чай, пока он горячий.

— Это другое.

— Каким образом? — спросил Каэл, развязывая ткань вокруг хлеба.

Арден на мгновение задумался.

— Чай можно подогреть.

— Еду тоже, — заметил Лорен.

— Не помогай им.

Каэл тем временем снял крышку с горшка. Комнату сразу наполнил запах тушёного мяса, лука и пряных трав. Эллиан почувствовал, что последний раз ел рано утром, а затем слишком долго изучал карту. Судя по довольному выражению Каэла, тот заметил его реакцию.

— Вот, — произнёс следопыт, указывая деревянной ложкой на горшок. — Научное доказательство.

— Чего именно?

— Того, что моя мать знает тебя лучше, чем ты сам.

Эллиан закрыл карту защитным листом.

— Мара знает, что любой человек рано или поздно захочет есть.

— Не любой, — возразил Тарен, устраиваясь у окна. — Только живой.

— Это существенно сужает выборку, — согласился Эллиан.

Каэл подал ему миску. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. За прошедшие недели подобные жесты снова стали привычными: рука на плече при переходе через скользкие камни, локоть рядом за общим столом, Каэл, без разрешения заглядывающий через его плечо в карту. После двух лет разлуки Эллиан всё ещё иногда замечал такие мелочи слишком отчётливо — не потому, что они были неловкими, а потому, что когда-то успел забыть, насколько естественно Каэл занимал место рядом с ним.

Он взял миску и отодвинулся ровно настолько, чтобы Каэл не решил проверить, сколько тот съел за день.

Каэл ничего не сказал, лишь окинул Эллиана коротким оценивающим взглядом, словно проверяя, достаточно ли тот получил, после чего повернулся к Тарену и протянул ему вторую порцию.

Тарен принял её без единого замечания. Эллиан посмотрел на него с подозрением: подобная сдержанность обычно означала, что комментарий не отменён, а лишь отложен до более подходящего момента.

— Как тропа? — спросил Арден, возвращаясь к документам.

Каэл сел на край соседнего стола. В отличие от Лорена, он даже не попытался сделать вид, что не заметил неодобрительного взгляда хозяина архива.

— Теперь ведёт туда, куда должна, — сообщил он. — Мы заменили два сгнивших настила, укрепили склон и перенесли пограничную отметку на двадцать шагов западнее.

Эллиан поднял взгляд от миски.

— Вы перенесли пограничный камень?

— Обычный дорожный знак, — уточнил Каэл. — Без древних надписей, магических линий, забытых имён и попыток отправить нас в другой год.

— Мы проверили, — добавил Тарен.

— Дважды, — сказал Каэл.

— Трижды.

Каэл повернулся к нему.

— Последний раз не считается. Ты коснулся его уже после того, как мы закончили.

— Именно поэтому считается.

Лорен перестал жевать яблоко и с интересом посмотрел на них.

— Он что-нибудь сделал?

— Остался камнем, — ответил Каэл. — Редкое и достойное уважения поведение.

— Возможно, он просто ждал, пока вы уйдёте, — предположил Лорен.

— Твой брат за последние недели стал значительно тревожнее.

— Он общается с нами, — спокойно заметил Тарен.

— Это не оправдание.

Снизу донёлся быстрый стук входной двери. Через несколько секунд слышались голоса, шаги на лестнице и негромкое ругательство человека, столкнувшегося с исторической особенностью архива. Лорен соскочил со стула, но Арден остановил его одним движением руки.

— Ты ешь.

— Я могу есть и идти.

— Именно поэтому ты уже дважды уронил яблоко.

— Один раз.

Все посмотрели на красную спираль кожуры, часть которой лежала на полу.

— Второй ещё не закончен, — исправился Лорен.

Дверь открылась.

На пороге появилась Тесса Орн. За прошедшее лето она окончательно превратила работу городской посыльной в разновидность скоростного передвижения по Риверфоллу, при котором улицы, лестницы, крыши и чужие дворы считались равно допустимыми частями маршрута. Короткие тёмные волосы растрепал ветер, синяя куртка была расстёгнута, а на одном колене виднелось свежее пятно мела. В руках Тесса держала длинный узкий футляр из светлого дерева, перевязанный серой лентой.

Увидев собравшихся, девушка остановилась.

— Хорошо, — выдохнула она, переводя дыхание. — Все трое здесь.

Каэл поставил миску.

— Это редко бывает хорошей новостью.

— Иногда бывает.

— Назови один случай.

Тесса задумалась, всё ещё тяжело дыша после бега.

— Когда вас нужно найти одновременно.

— Это не случай, а формулировка происходящего.

— Каэл, — произнёс Эллиан.

— Я пытаюсь установить степень опасности.

Тесса подняла футляр.

— Письмо из Астрария.

В комнате стало тихо. Не полностью: с улицы продолжали доноситься голоса, на первом этаже скрипело перо, где-то в глубине здания упала книга и писец раздражённо потребовал выяснить, кто опять сложил хроники слишком близко к краю. Но все эти звуки словно отступили от стола, оставив в центре комнаты только светлое дерево, серую ленту и серебряный знак на крышке футляра.

Эллиан узнал печать раньше, чем успел встать.

Семь узких зеркал окружали открытый глаз. Под ними проходила тонкая горизонтальная линия — знак Совета старших магистров Астрария. Печать была не личной, не учебной и не предназначенной для обычной переписки. Её использовали для постановлений, официальных приглашений, решений о допуске в закрытые хранилища и сообщений, достаточно серьёзных, чтобы каждый получатель позднее мог пожалеть, что открыл футляр без свидетелей.

Каэл медленно подошёл ближе.

— Судя по твоему лицу, это не поздравление с окончанием лета.

— Совет не отправляет поздравлений, — ответил Эллиан.

— Никогда?

— В прошлом столетии один раз поздравили магистра с двухсотлетием.

Тарен слегка приподнял бровь.

— И что произошло?

— В поздравлении содержалось уведомление о прекращении его полномочий по возрасту.

Каэл посмотрел на серебряную печать.

— Очень тёплая традиция.

Тесса протянула футляр Эллиану, но тот не сразу его взял.

— Кто доставил?

— Академический курьер. Приехал через северо-западные ворота примерно четверть часа назад, передал футляр в Дом Хартии и отказался от еды, комнаты и разговора. Сказал, что должен отправиться обратно до полудня.

Арден снял очки.

— Один?

— С двумя сменными лошадьми. На плаще знак Астрия, бумаги настоящие. Капитан проверила.

— Мирена где? — спросил Каэл.

— В Доме Хартии. Хотела прийти сама, но получила ещё три сообщения с северных ферм и сказала, что город пока не

может прекращать существование только потому, что Астарий прислал письмо.

— Разумно, — произнёс Эллиан.

Тесса посмотрела на футляр в собственных руках.

— Она также сказала передать, что, если внутри требуется немедленно спасти академию, вы сначала сообщите ей, а потом уже побежите.

Каэл недовольно нахмурился.

— Мы не бегаем без предупреждения.

Четыре человека одновременно посмотрели на него.

Он выдержал паузу.

— Больше не бегаем.

Эллиан принял футляр. Дерево оказалось холодным, хотя Тесса несла его под курткой и сама заметно разгорячилась от бега. Серебряная печать едва слышно отозвалась под пальцами — не звоном, а тонкой вибрацией, похожей на звук боккала, по краю которого провели влажной рукой.

Над глазом последовательно вспыхнули три маленькие точки.

Эллиан замер.

— Что это? — тихо спросил Тарен.

— Проверка получателей.

Каэл подошёл ближе.

— Почему три?

Ответ Эллиан уже знал, но всё равно перевернул футляр и увидел надпись, проступившую на светлом дереве сереб-

ряными буквами:

Эллиану Торвису, Каэлу Ривену, Тарену Вейлу. Совместно и без замены свидетелей.

Каэл прочёл её через плечо Эллиана, приблизившись настолько, что почти заслонил ему свет.

— Ты можешь отойти на полшага? — спросил Эллиан.

— Тогда буквы станут меньше.

— Так обычно и работает расстояние.

Каэл всё же немного отступил, хотя по выражению его лица было видно, что довод его не убедил.

— Значит, — произнёс Каэл медленнее обычного, — они зовут не только тебя.

— Очевидно.

Тарен встал с подоконника и подошёл с другой стороны.

— И не позволяют открыть письмо без нас.

— Формулировка «без замены свидетелей» означает, что Совет считает личность каждого из нас существенной частью сообщения, — объяснил Эллиан, проводя пальцем над надписью. — Если одного нет, печать останется закрытой.

Каэл заглянул ему в лицо.

— Ты собирался объяснить это короче?

— Нет.

— Я так и думал.

Тесса устало прислонилась к дверному косяку.

— Вы будете открывать? Капитан велела дожидаться ответа.

— Она послала тебя нести официальный футляр, а затем оставила здесь в качестве надзора? — спросил Каэл.

— Она знает, что я умею ждать.

Из коридора раздался грохот. Тесса оглянулась на лестницу, по которой только что поднималась.

— Иногда.

Эллиан положил футляр на стол рядом с картой. Три точки на печати продолжали светиться, но центральный глаз оставался закрытым. Он протянул правую руку.

— Потребуется прикосновение.

Каэл без колебаний положил ладонь на левый край футляра. Тарен коснулся правого. Эллиан ощутил тепло пальцев Каэла совсем близко от своих и прохладу руки Тарена по другую сторону серебряного знака. На короткое мгновение это напомнило ему их нелепое рукопожатие на мосту в конце лета — три ладони одна на другой, без магии и клятв. Тогда ничего не вспыхнуло.

Сейчас печать раскрыла глаз. Семь зеркал вокруг него развернулись, отражая комнату с разных сторон. В одном Эллиан стоял чуть левее. В другом Каэл ещё не успел положить руку. В третьем Тарен смотрел не на печать, а на окно. Семь ближайших вариантов существовали одновременно, как и полагалось любому исправному знаку Астрария.

Затем все отражения совпали.

Эллиан увидел одну и ту же комнату семь раз. Себя, Каэла и Тарена в одинаковых положениях. Одинаковый наклон

головы Ардена. Одинаково поднятую руку Лорена, который всё ещё держал яблоко. Даже Тесса во всех семи отражениях стояла у двери, опираясь левым плечом о косяк.

— Эл? — позвал Тарен.

Серебро погасло. Крышка футляра открылась с тихим щелчком.

Эллиан не ответил сразу. Он смотрел на закрывшийся глаз печати, пытаясь понять, не показалось ли ему совпадение. Семь отражений могли сойтись при простом действии. Вероятности иногда отличались настолько незначительно, что неискушённый наблюдатель не замечал расхождений. Но Эллиан видел разницу даже там, где другой человек обнаружил бы лишь повторение: направление взгляда, движение пальцев, момент вдоха, дрожание пламени свечи.

Здесь различий не было.

Ни одного.

Каэл убрал руку с футляра и повернулся к нему всем телом.

— Что случилось?

— Отражения совпали.

— Разве письмо не должно открываться одинаково?

— Открыться — да. Мы — нет.

Лорен отложил яблоко.

— Совсем одинаково?

— До мелочей.

Арден медленно поднялся со стула и подошёл ближе.

— Это может быть частью защиты?

— Не знаю, — признался Эллиан. Слова прозвучали неприятно, но точность сейчас была важнее уверенности.

— Печать Совета использует ближайшие варианты, чтобы подтвердить добровольное присутствие получателей. Обычно отражения различаются хотя бы движением. Одно показывает человека, который отдернул руку. Другое — того, кто попытался открыть футляр раньше. Третье — вариант с ошибкой или задержкой.

Каэл посмотрел на закрывшийся серебряный глаз.

— А здесь все поступили правильно?

— Здесь все поступили одинаково.

Тарен провёл пальцами над печатью, не касаясь её.

— Она не кажется повреждённой.

— Не кажется, — согласился Эллиан.

— Это значительно хуже, чем если бы она была повреждена? — уточнила Тесса.

— Пока неизвестно.

Каэл вздохнул.

— Значит, хуже.

Внутри футляра лежали два письма. Первое было сложено втрое и запечатано тем же знаком Совета, только меньшего размера. Второе, более короткое, удерживала узкая синяя лента с личной печатью Тавериана: круг, разделённый несколькими тонкими линиями вероятностей, ни одна из которых не проходила прямо через центр.

Эллиан коснулся этой печати большим пальцем.

На мгновение перед глазами возник кабинет наставника: высокое окно, полки с книгами, длинный стол, заваленный записями, и чашка с травяным настоем, который Тавериан всегда забывал пить. Картина исчезла прежде, чем Эллиан успел различить лицо хозяина комнаты. Это было не видение, а обычный знак подлинности, вплетённый в личную печать.

От неожиданного облегчения стало почти больно.

Тавериан был жив. Эллиан не признавался себе, что сомневался в этом, пока не получил доказательство.

— Сначала официальное? — спросил Каэл, наблюдая за ним.

— Личное, — ответил Эллиан.

Каэл слегка кивнул. Эллиан снял синюю ленту и развернул письмо. Почерк Тавериана остался прежним: длинные ровные строки, немного слишком тесные к концу страницы, потому что наставник неизменно начинал писать широко и отказывался признавать ограничения выбранного листа.

Эллиан, твоё письмо достигло Астрария двадцать три дня назад. Я не ответил сразу не из-за пренебрежения и не потому, что твои наблюдения сочли следствием повреждённого дорожного узла. Первые проверки дали противоречивые результаты. Последующие — перестали давать противоречия вовсе. Серебряная линия, описанная тобой, появилась в Зале Тонких Линий через четыре дня после получения копии

схемы. Она соединяет Основную Печать с направлением на Риверфолл. Её положение не меняется ни при одной перестройке карты. Само по себе это уже было достаточной причиной для официального обращения. Однако за последние дни появились и другие наблюдения, которые я не хотел бы подробно излагать в письме. Несколько независимых проверок дали слишком близкие результаты, а в записях Хранилища обнаружилось изменения, которым пока не найдено убедительного объяснения. Вчера семь моих проверок дали один результат. Сегодня — снова. Совет постановил пригласить в Астрарий тебя, Каэла Ривена и Тарена Вейла. Официальное приглашение приложено к письму. Привезите заверенную копию карты, записи о её активации и свидетельства всех, кто наблюдал серебряную линию. Остальное лучше обсудить после вашего прибытия. Тавериан Роэль

Эллиан дочитал и ещё некоторое время держал лист перед собой. За окном проехала телега, и стёкла тихо задрожали. Где-то внизу писец засмеялся над чужой шуткой. Обычное утро продолжалось, не замечая, что в комнату только что вошёл Астрарий — холодный, серебряный и полный вопросов, которые Эллиан оставил за сотни километров отсюда.

— Вслух, — попросил Каэл.

Эллиан поднял взгляд. Каэл стоял напротив, опираясь ладонями о стол. В его лице не было ни нетерпения, ни требования. Только внимательность и то спокойное упрямство, с которым он всегда ждал, пока Эллиан перестанет пытаться

решить всё внутри собственной головы.

Тарен молча придвинул стул.

Эллиан прочёл письмо вслух. Каэл посмотрел на карту, лежавшую рядом с письмом.

— Серебряная линия появилась у них после того, как они получили твоё сообщение.

— Через четыре дня.

— Это может быть ответом узла? — спросил Арден.

Эллиан сложил личное письмо и взял официальный документ.

— Может. Или карта под пограничным знаком не указывала на Астрарий, а соединялась с ним. Мы исходили из того, что линия показывает направление. Возможно, она обозначает активную связь между двумя частями одной системы.

— Очень большая разница? — спросила Тесса.

— Между следом, который просто ведёт к зверю, и верёвкой, которой ты к нему привязан? — Каэл повернулся к ней.

— Достаточно многое.

Эллиан посмотрел на него.

— Сравнение грубое.

— Зато теперь все поняли.

Официальная печать раскрылась без проверки: личности получателей уже подтвердил футляр. Текст значительно суше письма Тавериана.

Совет старших магистров Астрария Зеркал Времени приглашает Эллиана Торвиса, Каэла Ривена и Тарена Вейла при-

быть в Астрарий и принять участие в расследовании магического нарушения, которое может быть связано с обнаруженными близ Риверфолла картой и серебряной линией. Решение принято двенадцатого числа текущего месяца. На время расследования приглашённым предоставляется статус внешних участников, проживание в гостевом корпусе и право знакомиться с относящимися к делу материалами в пределах допуска, установленного руководителем исследования. Доступ в закрытые помещения и к ограниченным собраниям Астрария предоставляется отдельно по мере необходимости. Совет просит доставить в Астрарий заверенную копию карты, обнаруженной в окрестностях Риверфолла, записи об обстоятельствах её активации, а также свидетельства всех лиц, наблюдавших появление серебряной линии. Просим прибыть не позднее чем через тридцать дней после получения настоящего приглашения. От имени Совета старших магистров: Лиарен Фосс, канцлер внешних связей; Найрэль Вессан, хранительница Неслучившихся Хроник; Тавериан Роэль, руководитель расследования.

Под текстом стояли три подписи, а вдоль нижнего края листа серебрились шесть магистерских печатей. Между ними оставалось ещё одно место — ровный пустой круг, предназначенный для знака архимага.

Эллиан задержал на нём взгляд.

Печати Элдриана не было.

Это не обязательно означало конфликт. Приглашение ис-

ходило от Совета, и для исследовательского дела его печатей было достаточно. Элдриан мог не участвовать в составлении документа, мог быть занят или просто счесть, что решение не требует его личного подтверждения.

Всё это звучало разумно. И всё же Эллиан не помнил ни одного важного приглашения из Астрария, в котором имя архимага отсутствовало бы полностью. Возможных объяснений существовало достаточно, но после письма Тавериана их количество почему-то не успокаивало.

— Он не подписал, — заметил Арден.

Эллиан посмотрел на отца. Арден не был магом-прорицателем, однако десятилетия работы с документами научили его замечать отсутствующие строки быстрее многих волшебников.

— Нет.

Каэл наклонился над листом.

— Кто?

— Архимаг академии.

— Это плохо?

— Не обязательно.

Каэл выдержал короткую паузу.

— Ты говоришь так каждый раз перед тем, как объяснить, почему всё значительно хуже, чем кажется.

— Потому что ты задаёшь вопросы, на которые пока нет точного ответа.

— Иногда можно сказать: «Не знаю, но мне не нравится».

Эллиан снова посмотрел на пустое место печати.

— Не знаю, — произнёс он. — И мне не нравится.

— Вот. Быстрее и честнее.

Тесса кашлянула, скрывая улыбку. Арден провёл ладонью по сложенному документу.

— Совет просит вас прибыть в течение месяца. Это не приказ и не чрезвычайный вызов.

— Нет, — подтвердил Эллиан.

— Вы можете отказаться.

Слова отца легли между ними совсем иначе, чем официальный текст. Не как сомнение, не как попытка удержать дома, а как напоминание, без которого приглашение Астрария слишком легко превращалось в неизбежность.

Эллиан посмотрел на письмо Тавериана, на серебряную линию карты и на собственное имя, написанное первой строкой на футляре.

Два года в Астрарии приучили его отвечать на такие письма быстро. Приглашение Совета означало редкую возможность. Запрос Тавериана — доверие. Какая-то часть Эллиана уже успела представить дорогу к озеру, поднимающиеся над туманом башни, прохладные коридоры и знакомый голос наставника. Он мог почти физически ощутить сухой запах лунного гранита и старых страниц.

Дом и академия снова оказались по разные стороны одного решения. Только теперь Эллиан не был один между ними.

— Мы можем, — произнёс он.

Каэл нахмурился.

— Можем что?

— Отказаться.

— Я понял. Ты хочешь?

Эллиан перевёл взгляд на него. Каэл не спрашивал, собирается ли Эллиан вернуться в Астрарий. Он спрашивал, чего тот хочет сейчас. Без обвинения, без заранее выбранного ответа и без попытки защитить от собственного решения.

Это оказалось труднее.

— Я хочу понять, что происходит, — сказал Эллиан после короткой паузы. — Хочу увидеть Тавериана. Хочу проверить академию, но я не хочу приехать туда и обнаружить, что вас считают всего лишь частью моего возвращения.

— Меня трудно считать чьей-то частью, — возразил Каэл.

— Я слишком громко спору.

Тарен аккуратно сложил письмо и положил его на стол.

— Совет пригласил нас троих. Всё остальное ты пока придумал сам.

— Именно, — подхватил Каэл, не отводя взгляда от Эллиана. — Впервые за всё утро документ рассуждает разумнее тебя.

— Не преувеличивай.

— Там написано, что приглашают троих. Не бывшего ученика и двух людей, которые понесут его вещи.

— Я не собирался просить вас нести мои вещи.

Каэл выразительно посмотрел на него.

— Это потому, что ты ещё не начал собираться.

Лорен оживился.

— В прошлый раз сундук с книгами весил больше самого Эллиана.

— Это неправда.

Арден задумчиво посмотрел на сына.

— Разница была небольшой.

— Отец.

Тарен положил ладонь рядом с картой, не касаясь серебряной линии.

— Я поеду, если это будет нашим решением. Не потому, что Совет прислал приглашение и не потому, что карта ведёт к Астрарию. Я хочу понять, почему она изменилась именно здесь и зачем академии понадобились все трое.

Каэл кивнул, словно этого ему было достаточно.

— Тогда и я еду.

Эллиан посмотрел на него.

— Ты даже не назвал причину.

— Назвал. Вы двое собираетесь ехать за две недели пути, чтобы разбираться с магией, которую даже Астрарий не захотел объяснять в письме.

— Это причина присматривать за нами, а не участвовать в расследовании.

— Хорошо. — Каэл откинулся на спинку стула и на мгновение задумался. — Я хочу понять, почему карта привела нас именно к Астрарию. Хочу увидеть место, о котором

Эллиан столько рассказывал. И лично убедиться, что люди, приславшие это письмо, действительно знают больше, чем написали.

— Это уже несколько причин.

— Я умею быть убедительным.

— Каэл, — мягко произнёс Арден, — Эллиан спросил не о том, почему ты считаешь поездку опасной. Он спросил, чего хочешь ты.

Каэл перестал улыбаться. Он опустил взгляд на карту, провёл большим пальцем по старому порезу на деревянном краю стола и некоторое время молчал. Забота о друзьях всегда давалась ему легче, чем признание в том, что он сам не хотел оставаться в стороне.

— Я хочу поехать вместе с вами, — наконец сказал он. — Эта история началась с нас троих. Не хочу снова ждать дома, пока вы разбираетесь с её продолжением без меня.

Тарен посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Убедительно.

— Я предупреждал.

Тесса оттолкнулась от дверного косяка.

— Значит, передать капитану, что вы приняли приглашение?

Эллиан посмотрел сначала на Каэла, затем на Тарена. Не было вспышки, клятвы или древнего знака. Серебряная линия на карте не изменилась. За окном продолжали спорить торговцы, а яблочная кожура наконец соскользнула со стола

и упала Лорену на сапог.

— Да, — ответил Эллиан. — Приняли.

— Все трое, — добавил Каэл.

— Это было понятно, — заметил Тарен.

— После прежнего опыта я предпочитаю уточнять.

Тесса кивнула и повернулась к выходу.

— Капитан также просила узнать предполагаемый день отъезда.

— Пока неизвестно, — сказал Эллиан. — Нужно заверить копию карты, собрать записи, согласовать маршрут...

— Через три дня, — перебил Каэл.

Эллиан медленно повернул к нему голову.

— Почему через три?

— Завтра слишком быстро. Через четыре ты соберёшь ещё один сундук книг. Следовательно, три.

— Твоя логика имеет несколько очевидных недостатков.

— Но приводит к правильному ответу.

— Мы обсудим срок.

Тесса уже выходила в коридор.

— Я передам: через три дня.

— Тесса.

— Обсуждение тоже передам.

Она исчезла за дверью, и через несколько секунд лестница снова громко скрипнула под её шагами.

Лорен посмотрел вслед.

— Она быстро учится у Элины.

— Это не похвала, — сказал Каэл.

— Для Элины — да.

К вечеру новость знали все три семьи, магическая башня, капитан Мирена Дорр и, по осторожной оценке Эллиана, около трети старого торгового квартала. Последнее произошло не по вине Тессы. По крайней мере, не полностью.

Академический курьер ожидал ответ в Доме Хартии, его лошади стояли во дворе под попонами со знаком Астрария, а жители Риверфолла обладали редкой способностью замечать всё необычное и ещё более редкой неспособностью не обсуждать увиденное. К тому моменту, когда трое друзей вышли из архива, торговка свечами уже знала, что Эллиана вызывают на тайный суд, хозяин сапожной мастерской утверждал, будто Астрарий попросил Риверфолл предоставить военную помощь, а пожилая женщина возле Камня Лунного Знака остановила Тарена и пожелала ему удачи в предстоящей коронации.

— В какой именно должности? — спросил Каэл, когда они отошли от площади.

Тарен задумчиво поправил ремень сумки.

— Она не уточнила.

— Нужно было спросить.

— Я побоялся, что ответ задержит нас ещё на час.

Эллиан держал футляр под мышкой, поверх него лежала защищённая копия карты. Серебряная печать больше не

светилась, однако холод дерева ощущался даже через ткань. На площади продолжались обычные вечерние дела: каменщики проверяли восстановленную стелу, дети бегали вокруг низкого ограждения у Камня Лунного Знака, писец из Дома Хартии пытался объяснить владельцу двух соседних лавок, почему право на утраченную стену нельзя доказать тем, что каждый из них помнит её в другом месте. После всех событий начала лета Риверфолл не стал спокойнее. Он просто научился воспринимать невозможное как ещё одну разновидность городского спора.

— Сначала башня? — спросил Каэл.

— Сначала домой, — ответил Эллиан. — Отец хочет проверить футляр дополнительным архивным знаком. Мать, вероятно, уже узнала.

— Вероятно?

— Она узнала до того, как Тесса вышла из Дома Хартии, — уточнил Тарен.

Эллиан посмотрел на него.

— Откуда ты знаешь?

— Лаэлис прошла по площади пять минут назад. Она несла три дорожных плаща.

Каэл рассмеялся.

— Значит, решение действительно принято.

Дом Торвисов встретил их открытой дверью, запахом жареных овощей и стопкой дорожных сумок в прихожей.

Лаэлис сидела на полу возле одной из них и проверяла за-

стёжки. Её светлые волосы были собраны в небрежную косу, на коленях лежал моток крепкой нити, а рядом стояла чашка, из которой поднимался пар. Увидев вошедших, она молча указала на сумки.

— Это только предварительно, — сказала она.

Эллиан остановился.

— Мы решили ехать меньше часа назад.

— Серелия решила, что вы решите ехать утром.

— Письмо пришло только сегодня.

Лаэлис пожала плечами.

— Это не помешало ей оказаться правой.

Из общей комнаты вышла Серелия. Высокая, безусловно спокойная и одетая так, словно не занималась упаковкой вещей последние полчаса, она держала в руках дорожный плащ Эллиана. На внутренней стороне уже мерцали свежие защитные знаки.

— Сними верхнюю одежду, — сказала она вместо приветствия.

— Зачем?

— Проверю длину.

— Мама, я не вырос за десять недель.

Серелия внимательно оглядела сына.

— Значит, проверка не займёт много времени.

Каэл кашлянул и отвернулся к стене, скрывая улыбку. Тарен с совершенно серьёзным видом начал рассматривать семейный портрет.

Эллиан снял плащ.

— Мы ещё не определили дату отъезда.

— Через три дня, — донёсся голос Лорена с лестницы.

Эллиан поднял голову. Младший брат спускался, держа под мышкой две книги и ещё одно яблоко.

— Почему все приняли эту дату?

— Она удобная.

— Для кого?

— Для всех, кроме тебя.

— Это не определение удобства.

Серелия накинула ему на плечи обновлённый плащ и расправила ткань у воротника.

— Три дня достаточно, чтобы подготовить документы, собрать вещи и не дать тебе превратить ожидание в отдельное исследование.

— Я не собирался.

Каэл прислонился к дверному косяку.

— Он уже начал.

Эллиан посмотрел на него.

— Ты находишься в моём доме.

— Именно поэтому говорю правду особенно осторожно.

— Незаметно.

Серелия застегнула пряжку у горла Эллиана, поправила защитную нить и лишь затем позволила себе коротко коснуться его щеки. В её лице почти ничего не изменилось, но пальцы задержались на мгновение дольше необходимого.

— Ты рад вернуться? — спросила она тихо.

Эллиан понял, что речь не о доме.

— Не знаю, — ответил он честно. — Часть меня — да. Часть считает, что письмо пришло слишком быстро. И слишком поздно одновременно.

— Хорошо.

— Что именно?

— Что ты способен признать обе части.

Серелия отошла и посмотрела на Каэла с Тареном.

— А вы?

— Я ещё не видел Астрария, — сказал Каэл. — Поэтому пока отношусь к нему без предубеждения.

Эллиан недоверчиво поднял бровь.

— Ты последние два года называл его каменной ловушкой над озером.

— Это было описание архитектуры.

Тарен провёл пальцами по серебряной вышивке на собственном рукаве.

— Я хочу понять, почему Совет пригласил именно нас троих. Но мне не нравится, что в письме об этом почти ничего не сказано.

— Тогда спроси их прямо, — сказала Серелия. — И не соглашайся на то, смысл чего тебе не объяснили.

Тарен встретил её взгляд.

— В Астрарии много магов, которым будет проще решить, что они понимают мою силу лучше меня.

— Возможно, — спокойно ответила она. — Но твоя сила всё равно остаётся твоей. Не забывай об этом только потому, что вокруг окажется много людей в красивых мантиях.

Каэл слегка кивнул.

— Именно это я и собирался сказать.

— Нет, — возразил Эллиан. — Ты собирался предложить кому-нибудь прочитать документ несколько раз.

— Это более практическая формулировка того же принципа.

Арден вошёл следом с чистым листом для ответа. Эллиан положил футляр на обеденный стол, уже освобождённый от обычных книг лишь настолько, чтобы семья могла разместить тарелки.

Арден наклонился над серебряной печатью, не касаясь её, и несколько мгновений рассматривал тонкие знаки по краю.

— Печать настоящая, — наконец сказал он. — Следов подмены или повторного запечатывания я не вижу.

— Но при открытии она сработала странно, — добавил Эллиан. — Вместо одного следа осталось семь почти одинаковых.

Серелия посмотрела на футляр.

— Такого не должно происходить?

— Может, — ответил Эллиан. — Но вероятность крайне мала.

— Насколько мала? — спросила Серелия.

Эллиан снова посмотрел на семь тонких следов, остав-

шихся вокруг разомкнутой печати.

— Не знаю. Без внутренней схемы печати я могу только сказать, что такого не ожидал.

Каэл занял место за столом.

— Значит, к утру разберёшься.

— Нет.

— К полудню?

— Каэл, это чужая защищённая печать. Я не собираюсь разбирать её над обеденным столом.

Каэл задумчиво посмотрел на тарелки.

— Согласен. Для этого у нас есть письменный стол.

Эллиан сел напротив.

— Почему ты уверен, что любое отсутствие данных можно исправить дополнительным временем?

— Потому что обычно именно так ты и поступаешь.

Лаэлис поставила перед ними хлеб и отодвинула от Тарена чернильницу, которую кто-то оставил возле тарелки.

— Вы вернётесь к началу осени?

— Она уже начинается, — заметил Лорен.

— К её середине, — исправилась Лаэлис.

Эллиан открыл рот, но Каэл ответил раньше:

— Конечно.

Серелия посмотрела на него. Каэл выдержал её взгляд несколько мгновений, затем добавил:

— Если расследование займёт не больше двух недель, дорога останется открыта и академия не попытается запереть

нас внутри.

— Значит, не обещаешь, — подвела итог Лаэлис.

— Я обещаю вернуться. Срок обсуждаем.

Эллиан опустил взгляд на тарелку, скрывая невольную улыбку. Ещё несколько месяцев назад Каэл мог бы пообещать невозможное просто ради того, чтобы близкие перестали волноваться. Теперь он всё ещё говорил уверенно, но оставлял место для мира, который не обязан был подчиняться его намерениям.

Это было небольшое изменение.

Эллиан заметил его сразу.

— Вы действительно собираетесь только посмотреть? — спросил Лорен, усаживаясь между отцом и Лаэлис.

— Да, — ответил Эллиан.

— И сразу вернуться?

— Именно.

Лорен перевёл взгляд на Каэла.

— Что?

— Оцениваю надёжность ответа.

— И как?

Лорен взял хлеб.

— В прошлый раз вы собирались осмотреть ближайший участок дороги.

Каэл поморщился.

— Эта фраза будет преследовать меня до старости?

— Если проживёшь достаточно долго, — спокойно сказал

Тарен.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

В доме Ривенов их ждали после ужина.

Мара встретила троих на крыльце, обняла Каэла, затем Эллиана и Тарена, после чего сообщила, что гордится ими, рада приглашению и считает Совет Астрария сборищем безответственных людей, раз решивших связаться с её сыном официальным письмом вместо того, чтобы сначала прислать подробное объяснение опасности.

Элвар сидел за большим столом вместе с Аэрином и Элиной. Старший Ривен внимательно изучал копию официального приглашения, которую Арден успел изготовить для каждой семьи. Аэрин чистил наконечники стрел, время от времени поднося их к лампе, а Элина уже разложила перед собой карту северо-западного тракта и отметила на ней все почтовые станции до предгорий.

— Вы собирались без нас? — спросил Каэл.

— Мы собирались вместо вас, — ответила Элина. — Это надёжнее.

Он подошёл к карте.

— Почему на второй станции стоит крест?

— Весной там обвалилась часть конюшни.

— Её восстановили.

— Не полностью.

— Откуда ты знаешь?

Элина посмотрела на него с выражением усталого терпения.

— Я доставляю письма людям, которые умеют отвечать.

Каэл перевёл взгляд на Аэрина.

— Ты позволишь ей так со мной разговаривать?

Старший брат проверил остроту наконечника большим пальцем.

— Я годами пытался тебя останавливать. Теперь хочу посмотреть, получится ли у неё.

Элвар отложил приглашение.

— Решение принято?

— Да, — ответил Каэл.

— Твоё или общее?

Каэл слегка нахмурился.

— Общее.

— Хорошо.

Элвар не стал требовать объяснений. Он лишь протянул сыну сложенный лист.

— Список проводников и караванов, которые отправляются на северо-запад в ближайшие пять дней. Один торговый обоз выходит через три дня и идёт до Серебряных возвышенностей. С ними безопаснее пройти большую часть пути.

— Мы можем идти сами.

— Можете, — согласился Элвар. — Но не обязаны дока-

зывать это никому.

Каэл взял список и пробежал его глазами.

— Кто ведёт?

— Брен Коррис.

— Он слишком медленный.

— Он довозит груз.

— Потому что опасность успевает устать ждать.

Аэрин убрал стрелы в колчан.

— Именно поэтому он редко теряет людей.

Каэл посмотрел на брата, затем снова на список.

— Хорошо. Поговорю с ним утром.

— Уже поговорили, — сообщила Элина. — Он оставил для вас место.

— Почему здесь всё решают без меня?

Мара поставила перед ним кружку.

— Потому что ты занят важными разговорами с древними картами.

Тарен сел рядом с Аэрином.

— Ты не поедешь?

Старший следопыт отрицательно покачал головой.

— У северного дозора пропали две группы охотничьих собак. Ничего магического, судя по следам. Скорее крупный хищник или стая. Я нужен здесь.

Каэл ничего не сказал, но Эллиан увидел короткое напряжение в его плечах. После всего, что произошло с Аэрином в первой половине лета, любая новая опасность у Старого

Леса воспринималась иначе.

Аэрин тоже это заметил.

— Я не собираюсь исчезать, — произнёс он негромко.

— Ты и в прошлый раз не собирался.

— В прошлый раз я ехал по дороге, которой не существовало.

— Она существовала. Просто неправильно.

— Каэл, — сказала Мара.

Он выдохнул и провёл ладонью по волосам.

— Я знаю. Просто будь осторожен.

Аэрин усмехнулся.

— Отличный совет. Запишу.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Старший брат поднялся, подошёл к Каэлу и положил ему руку на плечо. Они были похожи меньше, чем можно было ожидать от родных братьев: Аэрин выше, спокойнее и тяжелее в движениях; Каэл быстрее, резче, словно постоянно находился на полшага ближе к действию. Но в этот момент выражение их лиц совпало.

— Ты тоже будь осторожен, — сказал Аэрин. — И не пытайся соревноваться с академией в упрямстве. У неё несколько столетий преимущества.

— Я быстро учусь.

— Это и беспокоит.

Элина наклонилась к Тарену.

— Как думаешь, он собирается обнять его или ударить?

— Одно не исключает другое, — тихо ответил Тарен.

Каэл услышал.

— Я всё ещё здесь.

— Поэтому мы говорим негромко, — пояснила Элина.

Мара подошла к Эллиану, поправила край его рукава и некоторое время смотрела на него так, словно пыталась решить, можно ли сказать вслух то, что и без слов было понятно.

— Привези их обоих домой, — наконец произнесла она.

Эллиан не стал обещать, что ничего не случится. После последних месяцев подобное прозвучало бы не утешением, а неуважением к её страху.

— Сделаю всё, что смогу.

Мара кивнула.

— Этого достаточно.

Каэл повернулся к ней.

— Почему ему ты доверяешь больше, чем мне?

— Он хотя бы признаёт, что мир не подчиняется его желаниям.

— Я тоже признаю.

Элина фыркнула.

— Обычно после третьей попытки заставить.

У Вейлов было тише.

Дом Вейлов стоял ближе к северной окраине, там, где

городские улицы постепенно редели, уступая место садам, участкам с лекарственными травами и тропам, уходившим к Старому Лесу. Над Риверфоллом уже опустилась ночь. В окнах дома мерцал мягкий зеленоватый свет, под навесом у двери сушились связки поздних трав, а в саду раскрылись белые цветы, пахнущие дождём и ночной прохладой.

Эллиану всегда казалось, что возле дома Вейлов время течёт немного иначе. Не медленнее — скорее спокойнее и внимательнее, будто шелест листьев, скрип калитки и каждый произнесённый голос успевали прозвучать до конца.

Иара встретила их в мастерской. На длинном столе теснились ступки, чаши и флаконы с настоями, рядом лежали несколько дорожных мешочков, уже подписанных её аккуратным почерком. Элдан сидел у окна и вырезал из тёмного дерева небольшие защитные пластины. Лиэльмира стояла возле очага с письмом в руках.

Она дочитала последнюю строку, сложила лист и посмотрела на внука.

— Ты решил ехать?

— Да.

— Почему?

Тарен снял плащ, повесил его у двери и лишь после этого подошёл ближе к огню. Несколько мгновений он молчал, наблюдая, как пламя обводит светом края поленьев.

— Потому что карта изменилась после того, как мы нашли пограничный знак, — наконец сказал он. — А теперь

люди из Астрария зовут нас троих и не говорят, что именно надеются найти.

Лиэльмира сложила письмо.

— Хороший ответ.

— Ты ждала другого?

— Я опасалась услышать, что тебя позвала бабочка.

Тарен коснулся серебряного кольца на пальце.

— Бабочка не появлялась с пограничного знака.

— Это не означает, что Лирантэль не наблюдает.

— И не означает, что наблюдает, — тихо ответил Тарен.

— Я пока не умею отличать её молчание от отсутствия.

Каэл, стоявший возле полки с травами, осторожно отодвинулся от светящегося цветка.

— Очень успокаивающая мысль.

Иара улыбнулась и подала ему чашку с тёплым настоем.

— Этот цветок просто реагирует на движение.

Каэл посмотрел на растение. Оно повернуло венчик вслед за его рукой.

— Именно это меня и беспокоит.

Элдан отложил нож.

— В приглашении сказано, зачем Астрарию понадобился Тарен?

— Нет, — ответил Эллиан. — Только то, что Совет приглашает всех троих как участников расследования.

— Значит, спросите об этом до любых проверок, — произнёс Элдан. — Не после.

— Спросим, — сказал Каэл.

Лиэльмира посмотрела на него поверх чашки.

— Желательно словами.

Каэл выдержал её взгляд.

— Я умею пользоваться словами.

— Иногда даже по назначению, — заметил Тарен.

— Я общаюсь с образованными людьми.

Эллиан взял чашку, которую протянула Иара. Настой пах мятой, лесными ягодами и чем-то едва уловимо горьким.

— В Астрарии не должны проводить личные исследования без согласия участника, — сказал он. — Во всяком случае, так нас учили. Но если Тарену предложат какую-либо проверку, сначала ему обязаны объяснить, что именно собираются делать и зачем.

— А если мне не понравится объяснение? — спросил Тарен.

Эллиан встретил его взгляд.

— Тогда откажешься.

— А вы?

— Поддержим тебя, — просто ответил Эллиан. — Какое бы решение ты ни принял.

Тарен ненадолго опустил глаза. Возле его пальцев по поверхности стола скользнула тонкая серебряная тень, похожая на крыло бабочки, и растаяла между чашками. Эллиан успел заметить её лишь краем зрения и не был уверен, что это действительно была магия, а не отблеск огня на гладком

дереве.

— Спасибо, — тихо произнёс Тарен.

Каэл, словно решив, что разговор стал слишком серьёзным, сделал большой глоток настоя и тут же поморщился.

— Почему он такой горький?

— Потому что полезный, — невозмутимо ответила Иара, продолжая раскладывать по мешочкам сушёные травы.

— В этом доме всё полезное горькое.

— Не всё, — возразила она.

Каэл недоверчиво посмотрел на хозяйку дома.

— Назови хотя бы один пример.

Иара перевела взгляд на сына.

— Тарен.

Каэл задумался, честно рассматривая друга с разных сторон, словно перед ним находился особенно спорный лекарственный состав.

— Иногда.

Тарен спокойно отпил из своей чашки.

— Только для людей, которые задают слишком много вопросов.

Каэл уже открыл рот для ответа, но Лиэльмира отложила письмо и поднялась со своего места. Она подошла к внуку, положила ладони ему на плечи и внимательно всмотрелась в его лицо. После лёгкой шутки её серьёзность ощущалась особенно ясно.

— Не позволяй им превратить тебя в удобное объяснение,

— сказала она. — Твоя магия не обязана укладываться в чужие теории. И ты не обязан терпеть боль только потому, что кому-то хочется узнать больше.

— Я помню, — ответил Тарен.

— Помнить недостаточно. О границе нужно говорить до того, как её нарушат, а не после, когда останется только объяснять, почему тебе было больно.

Тарен на мгновение задержал взгляд на бабушке, затем посмотрел на Эллиана и Каэла. Оба были рядом и, судя по выражению лица Каэла, уже мысленно готовились объяснять академическим магистрам устройство личных границ — вероятно, громко и с примерами.

— Теперь рядом будут люди, которые говорят раньше меня.

— Особенно один, — заметил Эллиан.

Каэл нахмурился.

— Почему ты смотришь на меня?

— Потому что Тарен не уточнил.

— Это мог быть ты.

— Я обычно сначала собираю сведения.

— Именно. А я экономлю время.

Элдан вернулся к деревянным пластинам.

— Значит, при столкновении с академической бюрократией Каэл действует первым, Эллиан объясняет, почему это было незаконно, а Тарен извиняется перед мебелью.

— Я никогда не извинялся перед мебелью, — возразил

Тарен.

— В башне после истории с зеркалом, — напомнил Каэл.

— Я извинялся перед деревом, из которого была сделана рама.

— Это значительно лучше.

Следующие два дня прошли настолько быстро, что Эллиан начал подозревать Каэла в сознательном выборе срока, не оставляющего времени на сомнения.

Копию карты заверили в магической башне. Илмара Дейн лично наложила на футляр три защитных контура и предупредила, что при попытке открыть его без согласия всех троих содержимое не уничтожится, как предположил Каэл, а громко сообщит имя нарушителя ближайшим представителям закона.

— Насколько громко? — спросил он.

— Проверить хочешь?

— Нет.

— Тогда достаточно.

Оделла Кэррис передала Эллиану записи наблюдений за серебряной линией, а Тарену — отдельный журнал изменений фейского следа. Магистр Аделар Фенн добавил собственный анализ и три страницы вопросов к прорицателям Астрария, половина которых начиналась словами «на каком основании». Лорен составил ещё один список, сократил его с шестидесяти двух пунктов до тридцати девяти и объявил

это значительной уступкой.

Каэл договорился с караваном Брена Корриса, а затем без приглашения проверил лошадей, повозки, запасы воды, состояние колёс и репутацию каждого охранника. К вечеру второго дня Брен явился в дом Ривенов и заявил Элвару, что его сын либо прекращает командовать чужим обозом, либо получает официальное место среди охраны и отвечает за всё, что успел раскритиковать.

Каэл согласился прежде, чем Брен закончил перечислять условия.

Тарен подготовил лекарства вместе с Иарой, навестил святилище Вейлов и вернулся оттуда уже после заката. Он ничего не рассказал о случившемся среди старых камней, а Эллиан не стал расспрашивать. Серебряная бабочка не появилась. По словам Тарена, это могло означать всё что угодно и потому не означало ничего полезного.

Эллиан собирал книги.

Сначала Эллиан выбрал четыре книги: старый учебник по прорицанию, справочник по магическим печатям, дорожное описание Северных Пределов и собственную тетрадь с записями времён учёбы в Астрарии. Затем добавил ещё две, потому что учебник ссылался на более подробный труд, а в дорожном справочнике отсутствовала половина маршрута после последнего крупного поселения.

Седьмую книгу он взял без убедительной причины, кроме той, что однажды уже пожалел, оставив её дома.

Каэл обнаружил стопку на кровати и некоторое время молча её рассматривал.

— Мы едем в академию, — напомнил он. — Там обычно бывают книги.

— Не обязательно нужные.

— Конечно. Именно поэтому академии и строят такими большими.

— Нет, — сказал он.

Эллиан, стоявший возле шкафа с девятым томом в руках, медленно повернулся.

— Что именно?

— Всё.

— Это не ответ.

— Восемь книг.

— Семь и журнал.

— Журнал в твёрдом переплёте и весит как книга.

— Вес не определяет назначение текста.

Каэл поднял самый толстый трактат.

— Этим можно убить человека.

— При достаточно небрежном обращении почти любым предметом можно причинить вред.

— Хорошо. Оставим ложку и возьмём четыре книги.

— Шесть.

— Четыре.

— Пять и журнал.

Каэл посмотрел на Тарена, сидевшего у окна.

— Почему я снова участвую в торге?

— Потому что сразу сказал «нет», — ответил тот.

— Поддержи меня.

— Пять и журнал звучит разумно.

Эллиан удовлетворённо кивнул.

— Решено.

Каэл перевёл взгляд с одного на другого.

— Вы заранее договорились?

— Нет, — произнёс Тарен. — Но теперь я понимаю, почему тебе нравится краткость. Она не оставляет времени заметить поражение.

В итоге в сундук положили пять книг, журнал, два набора одежды, защитные перчатки, запасные очки Ардена, лекарства Иары, плащ Серелии, стрелы Ривенов, два мотка верёвки, дорожный набор Каэла и небольшой горшок варенья, который Лаэлис спрятала между рубашками, не сообщив Эллиану.

Ещё одну книгу Эллиан положил в дорожную сумку. Утром Каэл обнаружил её, когда попытался поднять сумку с пола и едва не выронил себе на ногу.

— Мы вчера договорились о пяти.

— Эта не считается.

Каэл достал книгу и посмотрел на её толщину.

— Она тяжелее некоторых людей.

— Она нужна мне в дороге.

— Для чтения?

— В том числе.

Каэл вернул книгу в сумку и затянул ремень.

— Хорошо. Но если лошадь начнёт хромать, будешь читать ей вслух.

У северо-западных ворот собрались почти все.

Рассвет только начинал окрашивать крыши Риверфолла тёплым светом. Сарвен шумел под пятью каменными арками, ветер тянул от воды сыростью, а над городом ещё держался тонкий серый туман. Караван Брена Корриса растянулся вдоль дороги: шесть крытых повозок, запасные лошади, десяток охранников и несколько торговцев, которые сонно проверяли ремни и спорили, кому досталась самая неудобная скамья. На первой повозке висел деревянный знак в форме колеса с тремя спицами. Брен, коренастый мужчина с густой рыжей бородой, ходил вдоль обоза и громко перечислял вещи, которые запрещалось делать в пути. Судя по реакции опытных сопровождающих, список не менялся много лет и воспринимался как разновидность утренней молитвы.

Торвисы стояли ближе к воротам. Арден в последний раз проверял документы, Серелия поправляла защитную застёжку на плаще Эллиана, Лаэлис держала корзину с едой, а Лорен пытался незаметно привязать к сумке брата маленький зеркальный амулет.

— Он отслеживает расстояние, — объяснил Лорен, когда

Эллиан поймал его за руку.

— Каким образом?

— Я сам его сделал.

— Это я уже понял. Как он определяет, где находится дом?

— Не определяет. Только показывает направление и меняет яркость, чем дальше мы отходим.

Каэл заглянул через плечо Эллиана.

— Полезно.

— До тех пор, пока не перепутает дом с ближайшей отражающей поверхностью, — заметил Эллиан.

Лорен оскорблённо выпрямился.

— Я проверял.

— На каком расстоянии?

— От своей комнаты до кухни, двора, башни и дома Каэла.

— Следовательно, на расстоянии более километра...

Лорен снял амулет. Улыбка исчезла с его лица так быстро, будто её и не было, а пальцы сжались вокруг серебряной нити.

— Я понял, — тихо сказал он и потянулся к карману.

Эллиан поймал его за запястье — осторожно, лишь оставив движение.

— Я не сказал, что не возьму.

Лорен поднял на него взгляд.

— Но он может не работать.

— Может, — согласился Эллиан.

Он разжал пальцы брата и ещё раз рассмотрел амулет. Серебряная нить лежала немного неровно, один из знаков оказался мельче остальных, но узор был собран аккуратно и держался без чужой помощи. Эллиан невольно улыбнулся.

— Ты сделал его сам?

Лорен настороженно кивнул, всё ещё не понимая, к чему тот ведёт.

— Тогда тем более возьму. Даже если он перестанет работать за северными воротами, мы узнаем предел его действия. А если не перестанет — тебе придётся объяснить мне, как ты этого добился.

На лице Лорена снова появилась улыбка.

— И ты всё запишешь?

— Нет, — Эллиан протянул ему амулет. — Записывать будешь ты. Это твоя работа.

Лорен улыбнулся уже по-настоящему и крепко привязал амулет к внутренней стороне сумки.

— Разумеется.

— Только оставь его там, где я смогу иногда на него смотреть, — добавил Эллиан. — Мне нравится знать, в какой стороне дом.

Лорен на мгновение замер, а затем затянул узел особенно тщательно.

— И если он начнёт показывать не туда...

— Не пойду за ним без проверки.

— Я собирался сказать: постучи по оправе.

— Это менее надёжно.

— Но обычно помогает.

Арден закончил пересчитывать документы и протянул футляр Эллиану.

— Копия карты, свидетельства, записи башни, письмо Совета и ответ Риверфолла. Всё заверено.

— Я проверил.

— Я тоже.

У Ривенов прощание было громче. Мара передала Каэлу еды на неделю, несмотря на то что караван имел собственные припасы. Элвар ещё раз повторил названия безопасных стоянок. Элина потребовала письма с каждой почтовой станции и пригрозила лично отправиться следом, если пропустят хотя бы две. Аэрин молча проверил лук младшего брата, затянул ремень колчана и вернул оружие.

— Хороший лук, — произнёс он.

— Ты сам помогал его выбирать.

— Поэтому хороший.

Каэл обнял брата. На этот раз никто не стал шутить первым.

— Не исчезай, — сказал он тихо.

Аэрин сжал его плечо.

— Ты тоже.

Иара передала Тарену дорожную сумку с лекарствами. Элдан повесил ему на шею одну из вырезанных защитных

пластин, а Лиэльмира коснулась лба внука двумя пальцами, произнеся несколько слов на старом эльфийском языке. Серебряная нить на пластине вспыхнула и погасла.

— Это защита? — спросил Каэл.

— Напоминание, — ответила Лиэльмира.

— О чём?

Она посмотрела на Тарена.

— Что дверь можно закрыть с обеих сторон.

Тарен кивнул, явно понимая больше остальных.

У внешнего караула стояла Мирена Дорр. Капитан держала руки за спиной и наблюдала за троицей с выражением человека, который заранее не одобряет все решения, способные быть принятыми дальше чем в пределах её власти.

— Итак, — произнесла она, когда друзья подошли, — вы едете как участники официального расследования.

— Да, — ответил Эллиан.

— Не как беглецы, самозванные спасители или люди, которые решили осмотреть ближайший участок дороги.

Каэл прикрыл глаза.

— Это уже записали в городской архив?

— Пока нет, но я рассматриваю возможность.

— Формулировка слишком узкая, — заметил Эллиан.

Мирена перевела на него взгляд.

— Не помогай ему.

Она протянула три небольших металлических жетона с гербом Риверфолла.

— Знаки городских свидетелей. Не дают власти за пределами марки, но подтверждают, что вы действуете с ведома Совета. В Астрарии могут пригодиться, если кому-нибудь покажется, будто троих молодых людей проще разделить и опрашивать по отдельности.

Каэл взял свой жетон.

— Мы не разделяемся.

— Все говорят это до первого коридора с тремя дверями.

— Тогда пойдём через одну.

— Каэл.

— Понял.

Мирена посмотрела на Эллиана.

— Пишете после прибытия.

— Да.

— Если обнаружите непосредственную угрозу Риверфоллу, отправляете сообщение немедленно.

— Разумеется.

— Если непосредственной угрозы нет, но вам кажется, что она может появиться...

— Тоже отправляем.

— Если ничего не происходит...

Каэл вздохнул.

— Всё равно пишем.

— Видишь? — сказала Мирена. — Обучаемый.

Брен Коррис громко объявил, что караван отправляется через пять минут и никого не станет ждать, кроме людей,

заранее оплативших ожидание. Судя по тому, что повозки всё ещё не двигались, подобные заявления были частью его метода поддержания дисциплины.

Серелия обняла Эллиана последней.

— Не пытайся увидеть весь путь сразу, — сказала она ему на ухо.

— Я не собирался.

— Собирался.

Он улыбнулся и крепче прижал её к себе.

— Хорошо. Не буду.

Арден положил ладонь ему на затылок, как делал в детстве, и тихо произнёс:

— Возвращайся не потому, что обязан. Возвращайся если это выберешь.

— Выберу.

Лаэлис поцеловала его в щёку. Лорен обнял так резко, что зеркальный амулет ударился о пряжку ремня.

— Не разбей, — предупредил младший брат.

— Амулет или себя?

— Лучше ничего.

— Наконец разумное предложение, — сказал Каэл.

Трое друзей сели на лошадей. Каэл устроился в седле первым, проверил, как закреплён лук, и оглянулся на ворота. Тарен провёл ладонью по шее светло-серой кобылы, успокаивая её перед шумом каравана. Эллиан поправил ремень сумки, ощутил под тканью край футляра с серебряной печат-

тью и посмотрел на дорогу.

В начале лета он въехал по ней в Риверфолл один, не зная, встретят ли его друзья и осталось ли место, которое можно назвать домом. Теперь дорога уходила в противоположную сторону, к Астрарию, туманному озеру и зеркалам, способных показать их будущее.

За спиной стояли семьи. Рядом — Каэл и Тарен.

Впереди путь раздваивался у дальнего холма: одна ветвь вела к западным фермам, вторая — на северо-западный тракт. Самое обычное дорожное разделение, отмеченное столбом, который сохранял правильную тень, честно указывал расстояние и не пытался измерить время вместо километров.

Эллиан всё равно некоторое время смотрел на него.

— Что? — спросил Каэл, заметив задержку.

— Ничего.

— У тебя снова особое лицо.

— Какое именно?

Каэл прищурился, изучая его.

— Будто дорога допустила грамматическую ошибку.

Тарен повернул голову к развилке.

— Пока она ведёт себя прилично.

— Вот и не будем привлекать внимание, — решил Каэл.

Брен подал знак. Первая повозка тронулась, за ней закрипели остальные. Лошади пошли по мосту, и стук копыт смешался с шумом Сарвена. Ветер развернул плащи троих

друзей в сторону города.

Эллиан не пытался увидеть, что ждёт их впереди. Он уже сделал этот выбор на другом мосту, десять недель назад. Но когда они миновали середину переправы, футляр под его рукой едва заметно дрогнул. Серебряная печать на мгновение проступила сквозь ткань, и семь маленьких зеркал отразили одну и ту же дорогу.

Только одну.

Глава II. Дорога к туманному озеру

Северо-западный тракт поднимался от Сарвена плавными длинными поворотами. Первые несколько километров город ещё виднелся между деревьями: серые стены, тёмные крыши, верхушка колокольни и пятиарочный мост, по которому продолжали двигаться повозки, всадники и пешие путники. Пока Риверфолл оставался в поле зрения, Каэл то и дело оглядывался через плечо. Эллиан поначалу делал вид, будто не замечает, но к полудню оставил это бесполезное занятие.

Затем дорога перевалила через первый холм, и город исчез, оставив после себя только дым над дальними кронами да едва слышный шум реки. Каэл посмотрел назад ещё один раз, уже скорее по привычке, и повернулся к дороге.

Караван Брена Корриса двигался неторопливо. Шесть крытых повозок растянулись по тракту, запасные лошади шли в поводу, охранники держались по обе стороны обоза, а сам Брен ездил от головы каравана к хвосту и с одинаковым недовольством проверял ремни, колёса и людей. Судя по его лицу, всё перечисленное было изготовлено недостаточно тщательно и существовало главным образом затем, чтобы однажды создать ему дополнительные трудности.

— В следующий раз возьмём собственных лошадей и поедем быстрее, — сказал Каэл, снова посмотрев через плечо на пустую дорогу позади.

Эллиан поправил ремень сумки, в которой лежал футляр Совета, и некоторое время наблюдал за другом. Каэл ехал чуть впереди, удобно устроившись в седле и почти не пользуясь поводьями. Здесь, за городскими стенами, он сразу стал выглядеть спокойнее: плечи расслабились, взгляд перестал цепляться за каждое незнакомое движение, а голос приобрёл привычную уверенность человека, наконец оказавшегося там, где большинство опасностей оставляет следы.

— Верхом со сменой лошадей дорога заняла бы восемь или девять дней, — ответил Эллиан. — При условии хорошей погоды, свободных мест на почтовых станциях и отсутствия необходимости перевозить карту, записи и половину запасов наших семей.

— У меня одна сумка.

Тарен, ехавший с другой стороны от Эллиана, посмотрел на свёрнутый плащ, привязанный к седлу Каэла, на лук, колчан, два ножа, короткий меч, моток верёвки и небольшую кожаную сумку с дорожными принадлежностями.

— Три, — уточнил он.

— Оружие не считается.

— Почему?

Каэл ненадолго задумался, но убедительного ответа не нашёл.

— Потому что оно полезное.

— В отличие от еды, лекарств и запасной одежды, — сказал Эллиан.

— Я не говорил, что остальное бесполезно. Я сказал, что это не моё.

— Сумку с едой привязала к твоему седлу Мара.

— Именно. Она принадлежит моей матери.

Тарен слегка склонил голову, рассматривая его с невозмутимым интересом.

— Думаешь, это объяснение поможет, когда она потребует вернуть пустую посуду?

Каэл снова оглянулся на дорогу, словно рассчитывал увидеть там мать, уже отправившуюся следом за своим горшком.

— Я передам её с обратным караваном.

— Пустую?

— Разумеется.

— Тогда она поймёт, что мы всё съели, — заключил Тарен. — И пришлёт ещё.

Каэл посмотрел на него с уважением.

— Иногда мне кажется, что твоя магия связана не с феями, а с выживанием в больших семьях.

— Я единственный ребёнок.

— Но общаешься с нами с девяти лет. Это считается.

Эллиан улыбнулся и позволил разговору продолжаться без него. Первое утро пути проходило слишком спокойно, чтобы искать в нём скрытый смысл. Дорога оставалась обычной дорогой: сухая земля, следы недавних повозок, редкие лужи в тени и столбы с вырезанными расстояниями до бли-

жайших станций. На полях по обе стороны тракта убирали поздние травы. Несколько крестьянских телег пропустили караван, прижавшись к обочине, дети махали всадникам, а один старик долго спорил с Бреном о том, кто обязан уступить дорогу на узком мостике через ручей. Спор закончился тем, что уступили оба: караван остановился, старик тоже, после чего каждый несколько минут ждал, когда другой признает поражение. В конце концов лошадь старика решила вопрос сама и пошла вперёд.

К вечеру они добрались до первой почтовой станции — большого приземистого дома у развилки, окружённого конюшнями, сараями и огородами. Над дверью висела деревянная вывеска с двумя вязами, хотя настоящие деревья рядом с домом были берёзами. Брен сообщил, что исправлять название поздно, поскольку станция стояла здесь уже семьдесят лет, а высаживать два взрослых вяза дороже, чем терпеть несоответствие. Караван разместился во дворе, лошадей отвели под навес, а путники заняли почти весь общий зал. После дня в седле Эллиан с благодарностью опустился на скамью у стены. Каэл сел рядом, вытянул ноги и с явным облегчением упёрся спиной в стену.

— Я начинаю подозревать, что караваны двигаются так медленно исключительно затем, чтобы всадник успел почувствовать каждую кость.

— Ты едешь почти каждый день, — напомнил Эллиан.

— Именно поэтому знаю: семь часов в седле должны

включать хотя бы один повод куда-нибудь торопиться.

— Мы останавливались дважды.

— Чтобы проверить колёса. Моим ногам от этого легче не стало.

Тарен устроился напротив, прислонив посох к стене. Он выглядел менее уставшим, чем остальные, хотя почти весь день провёл в седле, сохраняя одну и ту же непривычно прямую посадку. Лишь то, как осторожно он вытянул ноги к огню, выдавало, чего ему это стоило.

— Можешь завтра идти пешком, — предложил он.

Каэл задумался.

— Я ещё не настолько устал.

Хозяйка станции прошла между столами, перечисляя ужин: густую чечевичную похлёбку, запечённую форель, пирог с луком и яйцом, тушёного кролика с корнеплодами и вчерашний сыр, который она настойчиво называла выдержанным. Когда женщина подошла к их столу, Эллиан уже решил взять рыбу. На словах о кролике Каэл поднял голову и одобрительно посмотрел в сторону кухни. Тарен обычно предпочитал что-нибудь лёгкое после долгой дороги.

— Чечевичную похлёбку, — сказал Каэл.

— И мне, — почти одновременно произнёс Тарен.

Эллиан услышал собственный голос прежде, чем успел задуматься:

— Три похлёбки.

Хозяйка кивнула и сделала отметку на восковой табличке.

За соседним столом один из торговцев тоже заказал чечевичную похлёбку. За ним — двое охранников, возница третьей повозки и пожилая женщина, путешествовавшая с дочерью. Через несколько минут из дальнего конца зала донёсся раздражённый голос хозяина станции:

— Форель сегодня никто есть не собирается?

Люди засмеялись. Кто-то потребовал больше хлеба, другой напомнил, что чечевица входит в стоимость ночлега, в отличие от рыбы, а молодой торговец объявил, что не доверяет форели, которая провела весь день в бочке и всё ещё выглядит удивлённой.

Эллиан посмотрел на Каэла.

— Ты ведь собирался заказать кролика.

Следопыт нахмурился.

— Собирался.

— Почему передумал?

— Похлёбка показалась лучше.

— Ты ещё не видел ни её, ни кролика.

— Я слышал описание.

— В описании кролика было больше слов.

Каэл опёрся локтями о стол и несколько секунд честно пытался восстановить собственное решение.

— Не знаю, — признал он наконец. — Просто другое сегодня не подходит.

Сказав это, он замолчал.

За соседним столом торговец произнёс почти те же слова:

— Рыба здесь хорошая, но сегодня как-то не подходит.

Эллиан повернул голову. Мужчина не смотрел в их сторону и не мог слышать Каэла сквозь общий шум. Он спорил с женой, которая спрашивала, почему тогда он последние десять минут жалуется, что хотел рыбы.

Тарен проследил за взглядом Эллиана.

— Я собирался заказать пирог, — негромко сказал он.

— Почему не заказал?

— Похлёбка показалась правильной.

Последнее слово он произнёс без уверенности, будто обнаружил его уже после того, как мысль была закончена.

Эллиан ощутил знакомое напряжение, начинавшееся где-то между лопатками всякий раз, когда случайность переставала выглядеть случайной. Он прикрыл глаза и осторожно коснулся Ткани. Зал сразу наполнился тонкими следами бытовой магии: защитная отметка над дверью, слабый согревающий контур под кухонной плитой, старое благословение очага и несколько личных амулетов у постояльцев. Ничего, что могло бы заставить десятки людей выбрать одно блюдо, здесь не было. Никакого чарующего узора, внушения или эмоционального давления он не почувствовал.

— Ты опять делаешь это лицом, — заметил Каэл.

Эллиан открыл глаза.

— Что именно?

— Решил, что произошло нечто подозрительное, но пока не хочешь говорить, потому что тогда оно станет официаль-

но подозрительным.

— Это не выражение лица.

— У тебя их несколько. Я научился различать.

Тарен взял со стола деревянную ложку и повертел её между пальцами.

— Люди часто выбирают одинаковую еду.

— Да, — согласился Эллиан. — Особенно когда она дешевле.

— Похлёбка входит в стоимость ночлега, — напомнил Каэл.

— Именно.

— Тогда всё объяснимо.

— Возможно.

Каэл посмотрел на него, потом на почти полный зал, где продолжали заказывать чечевичную похлёбку.

— Тебе не нравится это объяснение.

— Оно мне нравится. Я пока не уверен, что оно верное.

Ужин принесли в большом медном котле, и следующие полчаса странность растворилась в гораздо более практических обстоятельствах. Похлёбка оказалась густой, горячей и достаточно хорошей, чтобы никто не пожалел о выборе. Каэл съел две миски, Тарен добавил в свою сушёные травы из дорожной сумки, а Эллиан перестал наблюдать за остальными постояльцами после того, как хозяйка спросила, собирается ли он изучать людей или всё-таки ужинать. За ночь ничего необычного не произошло. Утром часть каравана заказала

остатки той же похлёбки на завтрак, но это уже объяснялось нежеланием хозяйки выбрасывать еду и способностью Брена убедить людей, что дорожная дисциплина начинается с отсутствия лишних расходов.

Первые четыре дня тракт шёл через обжитые земли. По обе стороны дороги тянулись поля, небольшие рощи и пастбища, между которыми встречались деревни, мельницы и усадьбы. Караван пересекал ручьи по каменным мостам, останавливался у колодцев, пропускал стада овец и дважды уступал дорогу коронным посыльным. К вечеру четвёртого дня земля стала заметно подниматься. Поля уступили место холмам, лес подступил ближе к тракту, а поселения начали встречаться реже. Ночи сделались холоднее. Брен велел каждому достать тёплые плащи и с мрачным удовлетворением наблюдал, как те, кто утром смеялся над его предупреждением, теперь пытались развязать промокшие ремни на сундуках.

Эллиан постепенно снова привыкал к размеру мира за пределами Риверфолла. В городе расстояния измерялись знакомыми улицами, мостами и домами. Здесь же за каждым холмом открывался следующий, лес тянулся часами, а дорога могла весь день идти вдоль одного каменистого склона, почти не меняя направления. Он уже проходил этим трактом дважды — сначала в академическом экипаже, когда уезжал в Астрарий, потом обратно, возвращаясь домой, — но оба путешествия помнил хуже, чем ожидал. В шестнадцать лет он

почти всё время думал о предстоящей учёбе. Десять недель назад — о встрече с друзьями. Теперь рядом ехали Каэл и Тарен, и знакомые места обретали подробности, которых Эллиан прежде не замечал: заброшенную сторожевую башню на дальнем холме, старые дорожные знаки у лесных поворотов, следы оленей возле ручьёв и маленькие святилища Аэлии, покровительницы ветров и путешественников, где путники оставляли монеты, ленты или просто гладкие камни.

На пятый день Каэл остановил лошадь у одного такого святилища. Оно состояло из низкого каменного столба под навесом, на котором кто-то вырезал десятки пересекающихся дорог. У основания лежали засохшие цветы, две медные монеты, сломанная пряжка и деревянная ложка.

— Ложка зачем? — спросил Каэл, спешиваясь.

— Возможно, человеку особенно понравилась еда в пути, — предположил Эллиан.

— Или не понравилась, — сказал Тарен. — И он просил больше к ней не возвращаться.

Каэл достал из кармана маленький костяной наконечник, когда-то принадлежавший старой стреле, и положил рядом с остальными дарами.

— За спокойную дорогу? — спросил Эллиан.

— За дорогу, на которой всё пытается убить нас по очереди, а не одновременно.

— Скромная просьба.

— Аэлия ценит точные формулировки.

Тарен взглянул на пересекающиеся линии.

— Это скорее Серелия ценит точные формулировки.

— Хорошо. Перед следующей поездкой попрошу её проверить текст.

К вечеру они достигли развилки у Пастушьего камня. Здесь северо-западный тракт огибал длинный холм, а боковая дорога вела к небольшой долине с ручьём и старой стоянкой. Каэл ещё днём отметил, что после недавнего дождя низина возле камня будет сырой. За холмом, напротив, находился ровный сухой луг, защищённый от ветра соснами. До него требовалось пройти ещё около километра.

Брен выслушал Каэла, посмотрел на тяжёлые облака и велел сворачивать к Пастушьему камню.

— Там вода застаивается, — возразил Каэл. Он говорил спокойно, но Эллиан уже знал эту интонацию: ещё немного, и практическое несогласие превратится в личный спор с чужим упрямством. — Если ночью пойдёт дождь, колёса увязнут.

— Не пойдёт, — ответил Брен, даже не обернувшись.

— Пойдёт.

— Откуда знаешь?

Каэл указал на низкое серое небо, ветер и птиц, летевших почти у самой земли.

— Потому что я не провёл жизнь внутри повозки.

Брен остановил коня и медленно повернулся к нему.

— Я вожу караваны тридцать два года.

— Тогда должен знать, что вода течёт вниз.

— Знаю. Поэтому ставим повозки у камня.

Каэл нахмурился.

— Это тоже внизу.

— Там правильное место.

Слова прозвучали буднично, но после них Брен сам замолчал. Его широкое лицо на мгновение стало растерянным.

— Правильное для чего? — спросил Эллиан.

Караванщик раздражённо потёр бороду.

— Для стоянки.

— Почему?

— Потому что там всегда останавливаются.

Каэл оглянулся на долину. У Пастушьего камня уже размещались два других обоза. Один пришёл с севера, второй — с боковой дороги, ведущей к западным шахтёрским посёлкам. Повозки стояли тесно, люди спорили за сухие места, а лошадей приходилось уводить почти к самому ручью. За холмом, насколько видел Эллиан, луг оставался пустым.

— Там лучше, — повторил Каэл, указывая на сосны.

Один из торговцев, услышав спор, подошёл ближе. Он тоже посмотрел на луг, некоторое время оценивал склон и наконец покачал головой.

— Нет. Там останавливаться неправильно.

— Почему? — спросил Каэл.

Мужчина открыл рот, но вместо ответа только пожал плечами.

— Просто неправильно.

— Волки? Разбойники? Топь? Старые могилы? — Каэл начал загибать пальцы. — Проклятие, местный закон или особенно злопамятный владелец луга?

— Ничего такого.

— Тогда что?

— Не знаю. Но там не стоит.

Каэл повернулся к Эллиану и увидел его задумчивое лицо.

— Теперь у тебя ещё одно особое лицо.

— То же самое, — уточнил Эллиан.

— Стало хуже.

Тарен тем временем съехал с дороги и направил кобылу к краю пустого луга. Через несколько десятков шагов он остановился, спешил и приложил ладонь к земле. Ветер шевелил траву, сосны тихо шумели, из-под корней тянуло обычной влагой и прохладой. Тарен провёл там несколько минут, затем вернулся.

— Земля спокойная, — сказал он. — Следов крупного зверя нет. Людей тоже почти не было.

— Значит, ставим лагерь там, — решил Каэл.

Брен посмотрел на луг, потом на уже остановившиеся повозки. Несколько возниц успели снять упряжь. Торговцы разводили огонь. Возвращать всех на дорогу означало потратить ещё не меньше часа.

— Остаёмся у камня, — произнёс караванщик. — Поздно менять место.

Это было разумное объяснение. Оно появилось слишком поздно, но всё же оставалось разумным.

Каэл хотел возразить, однако Эллиан коснулся его плеча.

— Сегодня останемся, — тихо сказал он. — Посмотрим, что произойдёт.

— Дождь произойдёт.

— Это тоже будет полезным наблюдением.

Каэл прищурился.

— Иногда я не понимаю, ты соглашаешься со мной или используешь меня как часть исследования.

— Одно не исключает другого.

— Утешительно.

Дождь начался после полуночи. К рассвету земля вокруг Пастушьего камня превратилась в вязкую грязь, одна повозка накренилась, две лошади сорвались с привязи, а Брен потратил час, руководя вытаскиванием колёс. На сухом лугу за холмом ветер лишь пригнул траву.

Каэл не сказал ни слова. Он просто стоял рядом с Бреном, скрестив руки на груди, и смотрел.

— Не начинай, — предупредил караванщик.

— Я молчу.

— Ты молчишь слишком громко.

— Могу отойти дальше.

— Помоги с верёвкой.

Каэл взял верёвку, всё ещё не произнеся ни слова. Тарен

прошёл мимо Эллиана с двумя деревянными клиньями в руках.

— Это продлится весь день, — заметил он.

— Брен заслужил.

— Не уверен, что остальные заслужили Брена в таком состоянии.

Три каравана выехали почти одновременно. Северный обоз свернул на восточную дорогу, шахтёрские повозки, загруженные припасами, потянулись обратно к западным холмам, а люди Брена продолжили путь на северо-запад. Эллиан ожидал, что после развилки странное ощущение исчезнет, но ещё долго видел впереди и позади одни и те же крытые фургоны. Караваны расходились медленно, словно дороги неохотно отпускали их друг от друга.

В тот же день произошло первое видение.

Эллиан не пытался смотреть далеко. После предупреждения Серелии он сознательно ограничивал прорицание ближайшими часами: проверял погоду, состояние дороги, возможные задержки и опасности, которые стоило заранее сообщить Брену. Около полудня, когда караван остановился напоить лошадей у ручья, Эллиан достал плоский серебряный диск и положил его на камень. Обычно поверхность тускнела, отражая несколько обрывочных вариантов: дождь, солнце, сломанную ось, пустую дорогу, чужого путника. На этот раз металл показал туман.

Не обычную серую дымку над водой, а густую белую мглу,

в которой не было ни дороги, ни неба. Что-то большое пересекло её сверху вниз. На мгновение Эллиан увидел натянутую перепончатую кожу, длинные когти и блеск мокрого камня. Затем возникла рука Тарена, прижатая к земле. Каэл резко обернулся на чей-то крик. На пальцах самого Эллиана появилась кровь.

Видение исчезло.

— Что ты видел? — спросил Каэл.

Он стоял рядом, держа за поводья двух лошадей. Эллиан не слышал, как тот подошёл.

— Пока не знаю.

— Обычно ты хотя бы знаешь, чего не знаешь.

— Туман. Камень. Крыло или перепонку. Тарен касался земли. Ты на что-то обернулся.

Каэл посмотрел на безоблачное небо.

— Дракон?

— Слишком маленькое крыло.

— Очень молодой дракон?

— Каэл.

— Я перечисляю варианты.

— И наконец, кровь, — закончил Эллиан.

Шутливое выражение исчезло с лица Каэла.

— Чья?

— На моей руке.

Каэл сразу опустил взгляд на его пальцы, словно кровь могла появиться уже сейчас. Эллиан спрятал диск в карман.

— Видение было коротким. Это может быть порез при готовке, чужая рана или любое из десятка событий, не связанных с опасностью.

— Ты часто готовишь в тумане рядом с неизвестными крылатыми существами?

— Не часто.

— Тогда оставим опасность среди основных вариантов.

К ним подошёл Тарен. Каэл пересказал видение, не спрашивая разрешения, но и не добавляя ничего от себя. Тарен выслушал, посмотрел на землю под ногами и едва заметно нахмурился.

— Здесь всё спокойно, — сказал он.

— Видение могло относиться к любому участку дороги, — ответил Эллиан. — Или не сбыться вообще.

— Но ты запомнил его.

— Да.

— Значит, оно было яснее обычного.

Эллиан кивнул. Каэл привязал поводья к низкой ветке и подошёл ближе.

— С этого момента, когда захочешь уйти один проверять туман, сначала сообщи нам.

— Я не собирался.

— Хорошо.

— Ты мне не веришь.

— Верю. Просто хочу услышать обещание до того, как обстоятельства станут достаточно интересными.

— Обещаю.

Каэл удовлетворённо кивнул, однако ещё несколько мгновений разглядывал его пальцы, словно ожидал, что кровь появится немедленно.

— Там ничего нет, — напомнил Эллиан.

— Пока.

— Ты собираешься проверять после каждого видения?

— Только после тех, где ты истекаешь кровью.

На следующий день Эллиан снова увидел то же самое.

Он изменил вопрос. Вместо дороги спросил о состоянии карты, лежавшей в футляре. Серебряная поверхность должна была показать линии, магические отклонения или хотя бы сумку на его седле. Она вновь наполнилась белым туманом. Крыло пересекло поле зрения под тем же углом. Тарен прижал ладонь к камню. Каэл обернулся. Кровь проступила на пальцах Эллиана, точно повторив первый образ.

На восьмой день он провёл третью проверку, используя не диск, а чашу с водой. Перед началом Эллиан пересел на другую сторону костра, попросил Каэла остаться у повозок, а Тарена — не касаться земли следующие несколько минут. Меры были почти бессмысленными: видение не обязано показывать настоящее. И всё же ему хотелось изменить хотя бы часть условий.

Вода потемнела. Из тумана появилось то же крыло. Тарен стоял на коленях, ладонью удерживая дрожащий камень. Каэл обернулся на крик. По пальцам Эллиана текла кровь.

Чаша треснула. Не взорвалась и не раскололась на части — лишь дала тонкую линию от края до основания. Вода вытекла на землю.

Некоторое время никто не говорил. Каэл действительно находился у повозок, но, заметив выражение Эллиана, уже шёл к нему через лагерь. Тарен стоял рядом, держа руки на виду.

— То же самое? — спросил он.

— Без изменений.

— Ты что-то менял?

— Дважды.

Каэл остановился напротив.

— Теперь это официально подозрительно?

Эллиан поднял треснувшую чашу.

— Теперь — да.

После восьмого дня дорога стала тяжелее. Холмы постепенно перешли в предгорья. Тракт сузился, стал круче и теперь поднимался длинными каменистыми уступами, огибая серые склоны. Широкие лиственные кроны остались позади; вдоль дороги тянулись сосны и ели, а низкие кривые берёзы цеплялись корнями за камень, словно боялись соскользнуть в овраги.

Воздух сделался холоднее и суше. По утрам в низинах лежал густой туман, а вода в ручьях была такой ледяной, что ломило пальцы. Деревни встречались всё реже. Иногда среди леса появлялся почтовый домик, сторожевая башня или

укреплённый двор, где можно было сменить лошадей, пополнить запасы и переждать непогоду. Между ними дорога на много километров оставалась пустой.

Странности не прекращались, хотя каждая по отдельности казалась слишком незначительной, чтобы поднимать тревогу.

На девятый день им встретились двое всадников. Вместо расчищенного тракта они свернули на старый объезд, более длинный и проходивший через осыпь. Когда Каэл спросил о причине, оба лишь повторили, что прямая дорога сегодня не годится. Спустя час караван нагнал семью с телегой, которая выбрала тот же путь и не смогла объяснить зачем.

На следующий день торговцы Брена почти одновременно потребовали остановиться у заброшенной сторожевой башни, хотя до хорошей станции оставалось меньше полутора километра. Никто из них не мог назвать причину. Просто всем вдруг показалось, что ехать дальше не стоит.

Брен попытался возразить, но через несколько минут сам объявил привал.

— Почему здесь? — спросил Эллиан, когда караванщик прошёл мимо.

— Место подходящее.

— До станции меньше получаса часа.

Брен посмотрел вдоль дороги. На дальнем склоне уже виднелась крыша большого постоянного двора, над трубой поднимался дым.

— Там будет тесно.

— Ты не можешь этого знать.

— Знаю.

— Каким образом?

Караванщик нахмурился сильнее.

— Торвис, я вожу людей по этой дороге дольше, чем ты живёшь.

— Это не объясняет, откуда тебе известно, сколько постойцев находится на станции.

— Не объясняет, — неожиданно согласился Брен.

Он снова посмотрел на крышу, затем на собственных людей, уже разводивших огонь у башни.

— Но ехать туда не хочется.

Эллиан ожидал привычного раздражения, попытки оправдаться или хотя бы шутки. Вместо этого Брен выглядел встревоженным.

— Это ощущение появилось сейчас?

— Не знаю. Когда увидел поворот, понял, что остановимся здесь.

— Ты принимал решение?

Караванщик помолчал.

— Конечно.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Позднее Каэл всё-таки доехал до станции. Он вернулся через час с тёплым хлебом, куском сыра и особенно недовольным выражением лица.

— Там четыре свободные комнаты, чистая конюшня и котёл мяса, — сообщил он, спешиваясь. — Хозяин сказал, что весь день ждёт караван Брена, потому что он обычно останавливается у него.

Брен выругался.

— Почему он не прислал мальчишку?

— Прислал. Тот дошёл до развилки и решил, что сворачивать к башне неправильно.

Эллиан почувствовал, как знакомое напряжение возвращается между лопатками.

— Где мальчик сейчас?

— На станции. Он вернулся и сказал, что караван, вероятно, выбрал другую дорогу. Хозяин решил, что это странно, но проверять не стал, потому что идти к башне ему тоже показалось неправильным.

Тарен сидел у костра и медленно ломал хлеб на три части.

— Это уже не одно случайное решение.

— Нет, — согласился Эллиан. — Несколько людей независимо отказались от очевидного выбора.

Каэл оглянулся на тёмный силуэт башни.

— И в итоге мы всё равно здесь.

— Потому что Брен не собирался оставлять половину каравана без охраны, — напомнил Эллиан.

— А ты не собирался оставлять Брена, — добавил Тарен.

— Я не собирался бросать весь обоз из-за того, что торговцам внезапно не понравилась хорошая станция.

Тарен протянул ему кусок хлеба.

— И совсем не хотел доказать, что они ошибаются?

Каэл немного подумал.

— Это было дополнительным преимуществом.

— Разумеется.

— Назови случай, когда желание доказать чужую неправоту оказалось бесполезным.

Тарен обвёл рукой пустую башню, холодный двор и костёр, который никак не хотел разгораться.

— Сейчас мы могли бы сидеть у печи.

Каэл откусил хлеб.

— Зато здесь никто не берёт плату за ночлег.

Эллиан посмотрел на освещённые окна постоялого двора вдалеке. Отсюда они казались совсем близкими. Дорога к ним была прямой, сухой и безопасной. Ничто не мешало людям пройти её.

И всё же никто не шёл.

На двенадцатый день они увидели Туманное озеро.

Тракт поднялся на последний длинный перевал и вышел к краю широкой каменной долины. Сначала Эллиан заметил только свет — холодный, рассеянный и почти белый. Затем ветер разорвал облака, и между склонами появилась вода. Озеро лежало далеко внизу, огромное и неподвижное, окружённое серыми горами. Туман стелился над ним широкими полосами, скрывая берега и временами поднимаясь к дороге. На противоположной стороне из воды и мглы возвы-

шался утёс Астрария. Его вершина терялась в облаках, но на несколько мгновений показались тёмные башни, мосты и тонкие серебряные линии на стенах.

Каэл придержал коня.

— Это академия?

— Да, — ответил Эллиан.

Он ожидал, что возвращение вызовет тревогу, радость или хотя бы знакомое чувство, возникавшее при виде места, где прошли два года его жизни. Вместо этого первой мыслью оказалось, что одна из западных башен стала выше. Потом Эллиан понял: не стала. Просто в прошлый раз туман скрывал верхний ярус.

— Выглядит так, будто её построили люди, которые очень не хотели гостей, — заметил Каэл.

— Там есть гостевой корпус.

— Его тоже поставили на вершине утёса?

Тарен внимательно смотрел на туман.

— Озеро не любит отражать академию.

Эллиан повернулся к нему.

— Почему?

— Вода движется, туман движется, свет меняется. А отражение остаётся на месте.

Каэл присмотрелся к серебристой поверхности. С такого расстояния в ней едва различалось что-либо, кроме размытых теней.

— Ты видишь?

— Чувствую.

Брен велел каравану двигаться дальше. До нижней станции оставалось несколько часов. Дорога теперь тянулась вдоль восточного берега озера, понемногу спускаясь к воде. Справа поднималась каменная стена, прорезанная тёмными расщелинами и входами в пещеры, слева склон круто уходил к озеру. На самых опасных участках край тракта отмечали низкие каменные столбы, соединённые толстыми канатами, но большая часть ограждения выглядела слишком старой, чтобы остановить сорвавшуюся повозку.

Туман поднимался выше.

Сначала он закрыл воду, потом дальний берег. Воздух стал влажным и холодным, звуки начали распространяться странно: скрип колёс доносился с задержкой, стук копыт отражался от скал, а голоса людей казались ближе, чем были на самом деле. Брен приказал сократить расстояние между повозками. Охранники достали арбалеты, хотя никто пока не видел угрозы.

Эллиан ехал возле четвёртой повозки, когда серебряный диск в его кармане нагрелся.

Он не успел его достать.

Сверху донёсся короткий треск, будто по камню провели огромным когтем. Лошади подняли головы. Тарен резко повернулся к скале.

— Что там? — спросил Каэл.

Тарен не ответил. Он смотрел на тёмные отверстия пещер,

одну за другой исчезающие в тумане. Затем из белой мглы выпало крыло.

Видение оказалось точным до положения каждой перепонки.

Существо пронеслось над дорогой, едва не задев когтями крышу повозки. Оно было размером с крупного волка, но длинные передние конечности переходили в широкие серые крылья. Узкое тело покрывала короткая мокрая шерсть, голова казалась почти лишённой глаз, а вытянутая пасть раскрывалась слишком широко. Крылан взмыл вверх, ударил крыльями и исчез в тумане прежде, чем охранники успели прицелиться.

Второй атаковал лошадей.

Он возник сбоку, почти бесшумно, и вцепился когтями в шею запасного жеребца. Животное закричало, рванулось к краю дороги и потащило за собой ещё двух связанных лошадей. Охранник бросился перерезать спутанные поводья. Крылан ударил его крылом в лицо, опрокинул на камни и снова вцепился в жеребца.

Каэл уже двигался. Он спрыгнул с седла, натягивая лук ещё до того, как коснулся земли. Первая стрела вошла существу под основание крыла. Крылан дёрнулся, выпустил лошадь и развернулся к нему, скребя когтями по камню.

— Не стой перед пастью! — крикнул Каэл охраннику.

Тот отполз в сторону. Крылан прыгнул, волоча повреждённое крыло, но вторая стрела пробила ему горло.

Над караваном раздался многоголосый пронзительный визг. Туман ожил. Из него вышли сразу семь теней.

— К скале! — заорал Брен. — Повозки к скале, людей под укрытие! Лошадей держать!

Приказ был правильным, но исполнить его одновременно оказалось невозможно. Передние повозки уже вошли в узкий поворот, задняя остановилась на более широкой площадке, а три средние оказались на открытом участке дороги. Лошади метались, возницы пытались удержать упряжь, торговцы выбирались из фургонов и только мешали охране. Один крылан сел на крышу пятой повозки, прорвал когтями плотную ткань и сунул голову внутрь. Оттуда донёсся женский крик.

Каэл выпустил стрелу, но не в существо — в деревянную дугу над его головой. Перекладина треснула, натянутая ткань обрушилась на крылана и спутала крылья.

— Теперь! — крикнул он.

Двое охранников ударили копьями через полотно. Существо забилося, порвало крышу окончательно и рухнуло между колёсами.

Эллиан вскинул руку. Первое заклинание сложилось почти без мысли: прозрачная плоскость возникла над группой людей у скалы за мгновение до того, как следующий крылан ударил сверху. Когти скользнули по щиту, оставив белые трещины света. Существо взмыло, готовясь повторить атаку.

Справа раздался грохот. Одна из лошадей четвёртой по-

возки попятилась и ударила крупом в каменную стену. Вторая рванулась к озеру. Тяжёлый фургон развернуло поперёк дороги; заднее колесо соскользнуло с края и зависло над склоном.

Каэл бросился к упряжи.

— Режь левый ремень! — крикнул он вознице. — Не трогай правый!

— Повозка уйдёт вниз!

— Если не отрежешь, уйдёт вместе с лошадьми!

Возница поднял нож, но замешкался. Каэл сам перерезал натянутый ремень. Освободившаяся лошадь упала на колени, фургон качнулся, однако второе животное сумело удержать его.

Над Каэлом мелькнула тень. Эллиан увидел атаку за мгновение до неё — не видением, а по изменившемуся свету на камнях.

— Каэл!

Следопыт обернулся.

Точно так же, как в серебряном диске.

Крылан ударил сбоку. Каэл успел прикрыть лицо рукой, но коготь разрезал рукав от плеча до локтя и отбросил его к колесу. Эллиан направил разряд почти не целясь. Молния прошла по влажному воздуху тонкой бело-синей линией и ударила существо в грудь. Крылан содрогнулся, запахло горелой шерстью, и его унесло за край дороги.

Каэл поднялся, прижимая ладонь к рассечённой руке.

— Я в порядке! — крикнул он прежде, чем Эллиан успел спросить.

— Ты истекаешь кровью.

— Пока недостаточно быстро, чтобы отвлекаться!

Ещё два крылана опустили на дорогу между третьей и четвёртой повозками. На земле они двигались хуже, чем в воздухе, но оставались опасными: длинные крылья служили им передними лапами, когти цеплялись за камень, а пасти раскрывались почти до основания челюсти. Один бросился на упавшую лошадь. Второй повернул к людям у скалы.

Эллиан опустил обе ладони.

Иней разошёлся от его сапог правильными ветвящимися линиями. За несколько мгновений узкий участок дороги покрылся гладким льдом — не тонкой коркой, а плотной прозрачной пластиной, заполнившей трещины между камнями. Первый крылан попытался прыгнуть, лапы разъехали, и существо тяжело ударилось боком. Второй раскрыл крылья, но на тесной дороге не смог взлететь, заскользил к краю и вцепился когтями в канатный столб.

Лёд разделил караван. Три передние повозки оказались по одну сторону, три задние — по другую. Крыланы, уже опустившиеся на дорогу, не могли быстро пересечь замёрзший участок, а лошади оставались на сухом камне.

— Не заходить на лёд! — предупредил Эллиан.

— Очень своевременно! — отозвался Каэл, выдёргивая стрелу из колчана зубами.

Он выстрелил в крылана, державшегося за столб. Стрела пробила перепонку. Существо сорвалось, ударилось о склон и исчезло в тумане над озером.

Сверху снова закричали.

Тарен поднял посох.

Ветер пришёл не с озера и не с гор. Он возник сразу над дорогой, тяжёлый, направленный и настолько резкий, что плащи прижало к телам. Два крылана вошли в пикирование. Первый потерял равновесие, ударился о каменную стену и рухнул на лёд. Второго развернуло в воздухе; он пронёсся над повозками и врезался в склон ниже дороги.

Третий сложил крылья, прошёл сквозь поток и устремился прямо к Тарену.

Каэл выстрелил. Стрела вошла в плечо, но не остановила существо. Эллиан начал собирать молнию, понимая, что не успевает. Тарен не отступил. Он ударил основанием посоха о камень.

Из дороги поднялась наклонная плита. Не стена — на полную не хватило бы сил, — а широкий каменный щит, вставший между Тареном и крыланом. Существо врезалось в него грудью. Камень треснул, крылан перевалился через верхний край, и Каэл второй стрелой пробил ему шею.

— Хорошо, — выдохнул следопыт. — Теперь делаем так ещё шесть раз.

— Осталось четыре, — сказал Тарен.

— Ещё лучше.

Грохот заставил их всех посмотреть вверх. На склоне над дорогой двигались камни.

Крыланы вылетали из пещер не по одному. В глубине скалы метались десятки тел, задевая крыльями стены, сталкиваясь и срывая рыхлые пласты. Несколько крупных обломков уже прыгали по склону, набирая скорость. Если осыпь достигнет каравана, лёд и защитные щиты не удержат тяжёлые камни.

— Увести людей за поворот! — крикнул Эллиан.

— Не успеют, — ответил Тарен.

Он опустился на одно колено и прижал ладонь к каменной дороге — точно так же, как Эллиан видел несколькими мгновениями раньше. Под землёй прокатилась тяжёлая дрожь. Ветер вокруг Тарена стих, словно вся его сила разом ушла вглубь склона.

На серой скале над караваном проступили трещины: тёмные линии пересекли камень, сошлись у края и замерли. Грохот осыпи сделался тише. Мелкие камни по-прежнему сыпались вниз, стучали по крышам повозок и поднятым щитам, но крупные глыбы остановились на склоне, зажатые между корнями и выступами скалы. Земля под ладонью Тарена едва заметно подрагивала. Его пальцы побелели от напряжения.

— Долго не удержу, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы.

Каэл тут же сместился вперёд, заслонив Тарена от тумана,

и поднял лук.

— Эллиан, держи воздух. Я возьму тех, кто подойдёт близко.

Он не ждал ответа. Теперь Тарен удерживал склон, Каэл прикрывал его, а Эллиану оставалось не подпустить крылатых тварей к каравану.

Эллиан вскинул обе руки. Первый разряд ушёл в туман почти вслепую. Белая мгла на краткий миг вспыхнула изнутри и стала прозрачной — достаточно, чтобы среди неё обозначились три приближающихся крылатых силуэта. Молния ударила ближайшего, перескочила по влажной перепонке на второго и заставила обоих сорваться вниз. Третий вынырнул из облака, уклонился от следующей вспышки и пошёл вдоль дороги, почти касаясь крылом камня.

— Ниже! — крикнул Каэл.

Эллиан опустил щит над людьми. Крылан пронёсся над ним, скребя когтями по светящейся поверхности. Каэл дождался, пока существо окажется прямо над ледяным участком, и выстрелил снизу в основание крыла.

Крылан упал.

На гладком льду его развернуло и понесло вперёд. Существо пыталось остановиться когтями, но только оставляло длинные белые царапины. В конце пластины оно ударилось о каменный выступ. Один из охранников подбежал и добил его копьём.

Оставшиеся крыланы кружили над дорогой, не решаясь

опуститься. Их крики менялись. Теперь в них слышалась не ярость, а паника.

Тарен открыл глаза.

— Они не охотятся, — сказал он. Голос стал тише, почти потерялся в грохоте камней. — Они бегут.

— И по пути едят лошадей? — Каэл выпустил стрелу в очередную тень.

— Они напуганы.

— Это не делает их когти меньше.

Из верхней пещеры вылетело самое крупное существо. Его крылья едва помещались между скалой и краем дороги, шерсть на груди была седой, а по морде тянулись старые рубцы. Оно не бросилось на людей. Сначала крылан сделал круг над караваном, крича остальным, затем резко сложил крылья и направился к Тарену.

Каэл выстрелил первым. Стрела скользнула по боку.

Эллиан начал формировать молнию, но взрослый крылан уже был слишком близко. Ударить полной силой означало задеть Каэла и Тарена.

Тогда он изменил заклинание.

Иней рванулся вверх по наклонной каменной плите, которую поднял Тарен. Лёд покрыл край, вытянулся в несколько длинных прозрачных шипов. Крылан попытался изменить направление, но Каэл шагнул в сторону и ударил его древком лука по морде, заставив повернуть именно туда, куда требовалось.

Существо врезалось грудью в ледяные выступы.

Один шип сломался. Второй вошёл под ключицу. Крылан закричал, распахнул крылья и почти сбил Каэла с ног. Следопыт отпрыгнул, выхватил короткий меч и ударил снизу, туда, где сходились челюсть и шея.

Крик оборвался. Тело рухнуло на дорогу.

Над озером ему ответили десятки голосов. Оставшиеся крыланы развернулись и ушли в туман. Несколько мгновений серые силуэты ещё появлялись между белыми полосами, затем исчезли в направлении дальнего берега.

Тарен тяжело выдохнул.

— Отходим от скалы, — произнёс он. — Сейчас.

Каэл схватил его за плечо и помог подняться. Эллиан крикнул людям, чтобы они покинули повозки и бежали за поворот. Охранники потащили раненых. Возницы отвели тех лошадей, которых удалось успокоить. Брен последним отступил от четвёртого фургона, всё ещё державшегося одним колесом над краем.

Когда дорога опустела, Тарен убрал ладонь от камня.

Склон рухнул. Грохот прокатился над озером, многократно отразился от скал и вернулся глухим подземным эхом. Камни засыпали ледяной участок, разбили поднятый щит и смяли крышу пятой повозки. Несколько глыб перескочили через край и исчезли в тумане. Земля дрожала ещё долго после того, как осыпь остановилась.

Тарен пошатнулся. Каэл удержал его, обхватив за талию.

— Сядь.

— Я стою.

— Это временно.

Тарен не стал спорить и опустился у скалы. Его лицо заметно побледнело, на ладони остались мелкие порезы и каменная пыль.

Эллиан хотел подойти к ним, но услышал стон.

Один из охранников лежал возле поворота. Когти рассекли ему бедро, кровь быстро пропитывала штаны и собиралась между камнями. Рядом на коленях стоял Брен, пытаясь затянуть ремень выше раны.

Эллиан опустился рядом.

— Сильнее, — сказал он, помогая затянуть жгут. — Ещё.

Охранник закричал и попытался оттолкнуть его. Брен прижал мужчину к земле. Эллиан достал из сумки чистую ткань, сложил в несколько слоёв и прижал к ране.

Кровь потекла по пальцам. Та же рука. Тот же угол.

Эллиан замер лишь на мгновение, но Каэл заметил. Он подошёл, всё ещё придерживая повреждённую руку, и посмотрел на кровь.

— Твоя?

— Нет.

Каэл закрыл глаза и коротко выдохнул, будто только сейчас позволил себе испугаться.

— Хорошо.

— У тебя разрезано плечо.

— Я знаю.

— Сядь.

— Сначала он.

— Каэл.

— Я могу двигать рукой. Он не может двигать ногой.

Спорить было бессмысленно и, что раздражало сильнее, Каэл был прав. Они остановили кровотечение, промыли рану крепким настоем из запасов Тарена и наложили тугую повязку. Кость осталась цела, но когти вошли глубоко. Охранник не сможет идти несколько недель, а верхом — ещё дольше.

Только после этого Эллиан заставил Каэла снять рубашку с повреждённого плеча.

Разрез оказался длинным, но неглубоким. Коготь прошёл по внешней стороне руки, оставив три параллельные кровавые полосы. Эллиан очищал их молча, стараясь не думать о том, насколько близко удар пришёлся к шее.

Каэл сидел на камне и следил за его руками.

— Ты сердишься.

— Я обрабатываю рану.

— Одно другому не мешает.

— Ты встал под удар.

— Я стоял у повозки.

— После чего встал перед Тареном.

— Он удерживал гору.

— Склон.

— Очень большую часть склона.

Эллиан сильнее, чем следовало, затянул повязку. Каэл поморщился.

— Это часть лечения или наказание?

— Неподвижность плеча помогает заживлению.

— Разумеется.

Тарен, сидевший неподалёку с чашкой настоя, посмотрел на них поверх края.

— Он сердится, потому что испугался.

Эллиан повернул голову.

— Тарен.

— Ты просил говорить до того, как граница нарушена.

— Лиэльмира говорила это тебе.

— Хороший совет подходит нескольким людям.

Каэл улыбнулся, но тут же перестал, заметив выражение Эллиана.

— Я тоже испугался, — сказал он уже серьёзнее. — Когда увидел кровь на твоей руке.

Эллиан закончил повязку и завязал узел. Несколько секунд Каэл молча рассматривал аккуратно перебинтованное плечо, словно пытался решить, достаточно ли оно серьёзно пострадало, чтобы оправдать последующую ссору.

— Не поднимай руку выше плеча до завтра, — предупредил Эллиан.

— Это будет трудно.

— Почему?

— Я собирался героически указывать направление.

— Используй другую.

— Она менее выразительная.

— Переживёшь.

Каэл осторожно пошевелил пальцами и поморщился.

— Вот теперь узнаю тебя. Я уже начал опасаться, что после вида крови ты станешь добрее.

— Не настолько серьёзная рана.

Караван потерял одну запасную лошадь. Пятая повозка была разбита осыпью, часть груза пришлось переносить в остальные. Четвёртую удалось вернуть на дорогу при помощи верёвок, двух упряжек и такой брани Брена, что даже Каэл несколько раз одобрительно поднял брови. Тела крыланов оттащили к краю. Вблизи они выглядели менее чудовищно: обычные животные, приспособленные к пещерам и охоте в тумане. Короткая шерсть защищала от холода, длинные когти позволяли цепляться за скалы, а маленькие глаза почти скрывались под кожными складками. На телах заметно выступали рёбра.

Тарен подошёл к старому крылану и положил ладонь на мокрую шерсть возле шеи.

— Он голодал, — сказал он.

Каэл присел рядом, придерживая перевязанную руку.

— Давно?

— Несколько дней. Может быть, неделю.

— Почему стая покинула пещеры?

Тарен посмотрел на тёмные входы в скале.

— Там что-то изменилось.

Эллиан проверил тело диагностическим заклинанием. Никакой магии. Ни следов чар, ни мутации, ни влияния Завесы. Крылан оставался обычным зверем, погибшим от вполне обычных ран.

— Их никто не направлял, — произнёс он.

— Не обязательно направлять животное, если знаешь, куда оно побежит, — заметил Каэл.

Эллиан посмотрел на него.

— Почему ты так сказал?

Следопыт пожал здоровым плечом.

— Не знаю. Если выгнать стаю из пещеры над единственной дорогой, вариантов у неё немного.

Это было разумно. И всё же после последних дней само слово «вариантов» прозвучало неприятно.

До нижней станции оставалось меньше трёх километров. Брен не хотел задерживаться возле осыпи и приказал двигаться, как только раненых разместили в повозках. Караван теперь шёл плотнее. Каэл ехал слева от Эллиана, хотя из-за плеча ему было неудобно держать поводья. Тарен устроился справа, всё ещё бледный после работы с камнем. Никто не предлагал разъехаться шире.

Туман начал редеть перед самым закатом. Впереди появились крыши нижней станции: несколько каменных корпусов, конюшни, склады, высокая сигнальная башня и площадка,

где оставляли большие повозки перед подъёмом к академии. Над воротами горели три серебряных фонаря.

На дороге перед станцией стояли ещё два обоза.

Брен выругался.

— Они должны были прийти завтра.

Первый прибыл по западному тракту. Второй, небольшой и тяжело нагруженный, спустился с севера — от редких поселений за дальними озёрами. Люди разгружали товары, размещали лошадей и спорили со служащими из-за нехватки свободных комнат. Караванщик с красным шарфом узнал Брена и подошёл навстречу.

— Ты рано, — сказал Брен вместо приветствия.

— Сам рано, — ответил тот. — Мы собирались ночевать у Каменного ручья.

— Почему не остались?

Мужчина нахмурился.

— Решили ехать сюда.

— Все вместе?

— А как ещё обоз принимает решение?

— Обычно после того, как кто-нибудь его предлагает.

Караванщик хотел возразить, но задумался. Потом посмотрел на своих людей, словно надеялся, что один из них напомним начало разговора.

— Не помню, кто предложил.

К ним подошёл служитель станции — пожилой мужчина в серой мантии с серебряной застёжкой Астрария. Увидев

повреждённые повозки, кровь и перевязанную руку Каэла, он сразу перестал интересоваться временем прибытия.

— Что произошло?

— Крыланы, — ответил Брен. — Стая не меньше дюжины. Вышли из верхних пещер и ударили по каравану.

Служитель побледнел.

— У западного спуска?

— За три километра отсюда.

— Они не спускаются к дороге до первых холодов.

— Сообщите им, — сказал Каэл. — Возможно, перепутали сезон.

Мужчина не отреагировал на шутку. Он смотрел на скалы, уже скрывавшиеся в вечернем тумане.

— Три дня назад смотрители сообщили, что пещеры опустели.

Эллиан шагнул ближе.

— Все?

— Почти все. Мы решили, стаи ушли за рыбой к западному берегу. Такое иногда бывает зимой.

— Сейчас конец лета.

— Знаю.

— Что произошло в пещерах?

— Пока никто не поднимался, — служитель неловко поправил застёжку. — Было решено, что проверка не требуется.

— Кем решено? — спросил Каэл.

Мужчина снова замолчал.

— Не помню.

Со стороны станции позвали лекарей. Разговор пришлось прекратить. Раненых унесли в небольшой лечебный корпус, караван разместили во дворе, а спасённый груз сложили под навесами. Брен отправился разбираться с комнатами и компенсацией за погибшую лошадь. Судя по тому, как он произнёс слово «компенсация», нижней станции предстояло пережить собственное нападение.

Эллиан остался у ворот.

Сумерки быстро сгущались над озером. На противоположной стороне туман на несколько мгновений разошёлся, открывая утёс целиком. Астрарий поднимался над водой уступами: нижние стены, серпантин, мосты, башни, учебные и жилые корпуса, а самой высокой была тёмная громада Главного корпуса. В окнах горели серебряные огни. Эллиан мог назвать почти каждое здание, определить, где находились учебные залы, архивы и старые общежития. Издалека академия выглядела такой же, какой он её помнил.

Каэл подошёл и остановился рядом. Руку он держал согнутой, как велел Эллиан, хотя наверняка собирался позже утверждать, что это произошло случайно.

— Ты рад вернуться? — спросил он.

Эллиан не ответил сразу.

— Не знаю.

— Честно.

— Ты ожидал другого ответа?

— Ожидал более длинного.

Тарен встал с другой стороны. Некоторое время трое молча смотрели на утёс.

— В пещерах нет магии, — сказал Эллиан. — На станции я тоже ничего не чувствую. Люди принимают решения сами. По крайней мере им так кажется.

— Но выбирают одно и то же, — продолжил Каэл.

— Или отказываются от другого, — добавил Тарен.

Эллиан достал из кармана серебряный диск. После сражения на поверхности осталась тонкая царапина. Он не собирался проводить полное прорицание — только проверить ближайший подъём, убедиться, что дорога к академии безопасна.

Диск потемнел: туман, крыло, ладонь Тарена на камне, Каэл оборачивается, кровь на пальцах. Всё уже произошло, но видение повторилось без единого изменения.

Эллиан закрыл диск рукой.

— Снова? — тихо спросил Каэл.

— Да.

— Но крыланы улетели.

— Один из возможных смыслов видения уже исполнился, — сказал Эллиан. — Оно должно было измениться или исчезнуть.

Тарен смотрел не на диск, а на академию.

— Может быть, оно показывает не событие.

— А что?

— Путь к нему.

В верхней части утёса вспыхнул новый огонь. Затем ещё один. Серебряные фонари загорались вдоль серпантина один за другим, спускаясь от ворот Астрария к нижней станции.

Не несколько возможных дорог. Один освещённый подъём.

Завтра им предстояло пройти по нему.

Глава III. Академия, которая помнит Эллиана

К подъёму они вышли вскоре после рассвета.

Нижняя станция ещё не успела оправиться от вечернего нападения и последующего прибытия трёх караванов, каждый из которых почему-то решил оказаться у подножия Астария в один день. Во дворе пахло мокрой шерстью, кровью, конским потом и дымом из кухонных труб. Служащие переносили ящики под навесы, лекари ходили между лечебным корпусом и конюшнями, а Брен Коррис стоял возле разбитой повозки и с таким выражением обсуждал стоимость нового колеса, словно именно он пострадал в бою больше всех. Раненых оставляли на станции до утра следующего дня. Остальным путникам предлагали либо ждать места в подъёмной повозке, либо преодолеть серпантин пешком.

Каэл выбрал пеший путь ещё до того, как ему успели предложить варианты. Его левое плечо было туго перебинтовано под чистой рубашкой, рука покоилась в широкой перевязи, а на лице сохранялось привычное выражение человека, который считал любое ограничение временным недоразумением. Эллиан уже дважды напомнил ему не поднимать руку. Каэл дважды согласился и один раз попытался самостоятельно затянуть ремень дорожной сумки, после чего Тарен молча забрал её и привязал к спине одного из станционных мулов.

— Я мог справиться, — сообщил Каэл, наблюдая за ним.

Тарен проверил узел, потянул ремень и лишь затем повернул голову.

— Именно поэтому Эллиан смотрит на тебя так, будто рассматривает редкую болезнь.

— Я не рассматриваю его как болезнь, — возразил Эллиан, поправляя застёжку плаща. — Болезнь обычно не спорит с назначенным лечением.

Каэл посмотрел на него с лёгкой обидой.

— Ты находишься в Астрарии меньше часа и уже снова говоришь как магистр.

— Мы ещё не в Астрарии.

— Тогда положение хуже, чем я думал.

Тарен едва заметно улыбнулся. Он выглядел лучше, чем накануне вечером, но усталость всё ещё проступала в медленных движениях и слишком бледной коже. Удержание склона потребовало от него больше сил, чем он признал сразу после боя. Иара положила в его сумку несколько восстанавливающих настоев, и один Эллиан заставил его выпить ещё до завтрака. Тарен не спорил, что само по себе подтверждало серьёзность состояния.

Их основной багаж вместе с футляром Совета погрузили на мула. Копию карты Эллиан оставил при себе, убрав плоский защищённый свёрток под плащ. На станции ему дважды предложили передать документы академическому курьеру. Оба раза он отказался. После дороги, на которой люди вы-

бирали одну еду, одно место для ночлега и один маршрут, не понимая причин, расставаться с картой казалось излишним доверием к обстоятельствам.

Брен подошёл попрощаться, когда служащий уже открыл решётчатые ворота, ведущие к началу серпантина. Караванщик выглядел невыспавшимся, раздражённым и потому почти полностью вернувшимся в обычное состояние.

— Обратно с нами не успеете, — сказал он, сунув здоровую руку в широкий пояс. — Выходим через два дня.

— Мы и не рассчитывали, — ответил Эллиан.

— Правильно. В прошлый раз трое молодых людей сказали мне, что задержатся в академии на четыре дня. Вернулись через три недели, с двумя дополнительными ящиками, запрещённым зеркалом и преподавателем, который утверждал, что вообще не покидал Астрарий.

Каэл заинтересованно поднял брови.

— А зеркало?

— Тоже утверждало, что никуда не ездило.

— И кому вы поверили?

Брен посмотрел на него так, словно вопрос оскорблял основы торговли.

— Я взял плату с обоих.

Он пожал Эллиану руку, коротко кивнул Тарену и задержал взгляд на перевязи Каэла.

— Ты хотя бы попробуй не сорвать повязку до вершины.

— Все сегодня говорят одно и то же.

— Значит, хоть кто-то из нас прав.

— Это сомнительный вывод.

— Не спорь с человеком, который доставил тебя почти на край известных дорог, — посоветовал Брен и отошёл прежде, чем Каэл успел напомнить, что караван ещё ни разу не сбился с обозначенного тракта.

Первые повороты серпантина казались почти пологими. Дорога шла вдоль каменистого берега, потом резко сворачивала к утёсу и начинала подниматься широкими уступами. Слева оставалось Туманное озеро. Утренний ветер разгонял верхний слой серой дымки, открывая полосы тёмной воды, отдельные скалы и редкие лодки, казавшиеся с высоты неподвижными. Справа поднималась отвесная стена. В ней темнели входы в пещеры, часть которых была закрыта металлическими решётками и старыми защитными знаками.

Каэл задержал взгляд на ближайшем провале.

— Это те самые пещеры?

— Нижние, — ответил Эллиан. — Крыланы гнездятся выше восточного спуска. Отсюда входов не видно.

— Добраться можно?

— По служебной тропе от четвёртого поворота.

Каэл посмотрел на него.

— Ты хорошо помнишь.

— Я прожил здесь два года.

— Ты написал мне об этой дороге четыре предложения.

— Пять, — поправил Тарен. Он шёл впереди мула, при-

держивая повод. — В одном Эллиан жаловался на дождь.

— Это не было жалобой, — сказал Эллиан. — Я объяснял, почему письмо задержалось.

— Ты подробно описал, что вода стекала по лестнице и затопила кладовую, — напомнил Тарен.

— Именно.

— А про пещеры не написал ничего, — заключил Каэл.

Эллиан не нашёл ответа, который не звучал бы как признание в том, что многие части своей жизни в академии он просто не умел переводить на язык писем. Он сообщал о занятиях, преподавателях, ошибках в исследованиях и редких событиях. Обычные лестницы, дворы, дорога от озера и знакомые лица казались слишком незначительными. Теперь Каэл и Тарен шли по месту, которое два года существовало для них лишь набором отдельных рассказов, и Эллиан впервые понял, насколько мало они могли составить из этих частей.

За третьим поворотом дорога сузилась. По внешнему краю стояли низкие каменные столбики, соединённые толстой цепью. Дальше подъёмные повозки уже не проходили: путь превращался в широкую лестницу, вырубленную в скале, а грузовых животных вели по отдельному пологому ответвлению. Эллиан автоматически свернул к ступеням и сделал несколько шагов, прежде чем заметил, что друзья остановились.

Каэл смотрел вверх.

Лестница поднималась между серыми стенами, исчезая за

поворотом. Над ней тянулось несколько арочных мостов, соединявших выступы утёса. В мокром камне проступали серебряные жилы. Они отражали утренний свет и складывались в рисунок, похожий на созвездие, хотя звёзды на нём медленно меняли положение.

— Мы поднимаемся туда пешком? — уточнил Каэл.

— Осталось меньше трети пути, — ответил Эллиан.

— Это не ответ.

— Да, пешком.

Каэл посмотрел на подъёмные платформы, возле которых служащие размещали ящики и носилки с раненым охранником.

— Они ведь поднимаются до самой академии?

— Поднимаются.

— А нас почему не берут?

— Платформы предназначены для грузов, раненых и тех, кому трудно идти самостоятельно.

Каэл перевёл взгляд на уходящую вверх дорогу.

— Мне уже трудно.

— Ты только что это решил.

— Я быстро оцениваю обстоятельства.

Тарен оперся на посох и первым направился к подъёму.

— Можешь попросить, чтобы тебя погрузили вместе с ящиками.

Каэл задумчиво посмотрел вслед носилкам.

— В следующий раз заранее получу ранение.

— Таверриан одобрил бы, — сказал Эллиан.

Имя наставника прозвучало привычнее, чем он ожидал. Эллиан произнёс его десятки раз за последние недели: в письмах, рассказах семье, обсуждениях официального приглашения. Однако здесь, на лестнице, среди камня и серебряных линий, оно перестало обозначать человека, живущего далеко на севере. Магистр находился где-то наверху. Возможно, уже знал об их прибытии. Возможно, получил сообщение о нападении ещё ночью и подготовил вопросы, на которые Эллиан пока не имел ответов.

В прежние годы эта мысль заставила бы его мысленно выстроить доклад ещё до ворот. Теперь Эллиан лишь проверил, рядом ли друзья, и продолжил подъём медленнее, подстраиваясь под Каэла.

Чем выше они поднимались, тем тише становилось вокруг. Шум станции растворился первым. Затем исчез плеск воды. Даже шаги начали звучать глуше, хотя подошвы по-прежнему касались твёрдого камня. Каэл несколько раз оглядывался, проверяя пространство за спиной. Тарен провёл пальцами вдоль стены и нахмурился.

— Это заклинание? — спросил он.

— Несколько пересекающихся контуров, — ответил Эллиан. — Они гасят резкие звуки, чтобы шум от озера и дороги не доходил до верхних террас.

— Только звуки?

Эллиан тоже коснулся камня. Ткань лежала на нём плот-

ными слоями: ограждение, укрепление, рассеивание, старые формулы наблюдения и ещё несколько узоров, уходивших глубже в скалу. Когда он учился здесь, подобная сложность казалась естественной. В Астрарии почти каждая стена выполняла несколько задач одновременно. Сейчас ему потребовалось усилие, чтобы не принять это без вопросов.

— Должны быть только звуки, — произнёс он.

Каэл остановился на ступень выше.

— В твоём голосе появилось слово «должны».

— Я заметил.

— Хорошо. Обычно после него начинается проблема.

— Иногда после него начинается уточнение.

— В твоём случае это одно и то же.

На последнем пролёте их встретил ветер. Лестница вывела на широкую площадку перед внешними воротами Астрария. Отсюда академия уже не выглядела далёким каменным городом. Она поднималась вокруг во всех направлениях: башни, учебные корпуса, закрытые галереи, арочные переходы и жилые крылья стояли на разных уровнях утёса, соединённые лестницами и мостами. Главная башня возвышалась в центре. Серебряные циферблаты на её фасаде показывали разные положения стрелок, а вдоль верхнего яруса медленно двигались узоры созвездий. Ни одна карта не могла полностью передать, насколько тесно Астрарий соединял величие с неудобством. Каждое здание казалось возведённым в единственно возможном месте, хотя добраться до полови-

ны из них можно было только по лестнице, после которой человек начинал сомневаться в ценности образования.

Перед воротами ждали трое.

Двое молодых служителей держали серебряные жезлы регистрации. Между ними стоял высокий эльф в тёмной академической мантии без украшений, если не считать тонкой вышивки на воротнике. Его поза оставалась безупречно спокойной. Только взгляд, задержавшийся на Эллиане дольше положенного для формального приветствия, выдавал что-то личное.

Эллиан остановился. Все подготовленные слова исчезли сразу.

— Магистр Роэль, — произнёс он наконец.

— Торвис.

Тавериан спустился на одну ступень. Он окинул Эллиана внимательным взглядом, заметил следы усталости, пыль на сапогах и тонкую царапину возле виска, после чего положил ладонь ему на плечо. Жест длился всего мгновение, но в прежние годы наставник позволял себе подобное лишь после особенно опасных испытаний.

— Выглядишь живым, — сказал он.

— Это было условием приглашения?

— Подразумевалось. Я не счёл необходимым перегружать письмо очевидными требованиями.

Эллиан почувствовал, как напряжение, державшееся с самого подъёма, ослабевает. Тавериан не изменился. Всё тот

же спокойный голос, та же манера произносить сухую шутку так, чтобы ученик ещё несколько секунд сомневался, шутка ли это вообще.

Наставник перевёл взгляд на Каэла и Тарена.

— Каэл Ривен. Тарен Вейл. Рад, что вы добрались.

Тавериан задержал взгляд на перевязи Каэла.

— В отчёте нижней станции говорится, что вы помогли защитить караван.

— В отчёте уже есть наши имена? — спросил Каэл.

— Пока только количество пострадавших, потери и фраза: «двое приезжих магов и один лучник». Полагаю, автор решил, что после полуночи этого достаточно.

— Тарен не маг в академическом смысле, — заметил Эллиан.

— А Каэл не только лучник, — добавил Тарен.

Каэл посмотрел на него с благодарностью.

— Наконец-то кто-то занимается моей репутацией.

— Я уточняю неточность.

— Именно с этого начинается хорошая репутация.

Тавериан выслушал обмен репликами, не изменившись в лице, однако в его глазах на мгновение появилось сдержанное любопытство. Эллиан слишком хорошо знал этот взгляд. Наставник уже сопоставлял реальных Каэла и Тарена с теми, о ком пару лет слышал только через рассказы.

— С нижней станции успели передать, что вы прибыли, — сказал Тавериан. — Совет примет вас через два часа. Этого

должно хватить, чтобы пройти регистрацию, разместить вещи и привести себя в состояние, при котором магистр Мельн не потребует перенести встречу ради сохранения академического достоинства.

Каэл взглянул на свою одежду.

— Я одет прилично.

— Речь не о вас.

Эллиан нахмурился.

— Моя одежда тоже в порядке.

Тавериан повернулся к воротам.

— Тогда остатки крови на воротнике являются новой риверфолльской традицией.

Один из служителей поспешно опустил взгляд, скрывая улыбку. Эллиан провёл пальцами по ткани и обнаружил застывшее тёмное пятно, оставшееся после перевязки возницы.

— Оно чужое.

— Несомненно, это существенно улучшит впечатление Совета.

Тавериан сделал знак служителям начать регистрацию.

Первым подошёл Каэл. Молодой писарь провёл серебряным жезлом вдоль его фигуры, задержался возле лука, меча и ножей, затем раскрыл тонкую дощечку с пустыми строками.

— Сопровождающий охранник Эллиана Торвиса? — спросил он.

— Нет, — ответили Эллиан и Каэл одновременно.

Писарь поднял голову.

— Простите?

— Каэл Ривен, — произнёс Эллиан, стараясь сохранить спокойный тон. — Внешний участник расследования. Его имя указано в приглашении Совета.

Молодой человек быстро просмотрел дощечку.

— Разумеется. Просто вооружённые сопровождающие обычно регистрируются отдельно.

— Я не сопровождаю Эллиана, — сказал Каэл. — Мы приехали вместе.

— Да, но ваша академическая специализация...

— Следопыт.

Писарь моргнул.

— Это не академическая специализация.

— Именно поэтому я назвал её просто специализацией.

Тавериан остановился возле внутренней арки и повернул голову.

— Запишите: внешний участник, следопыт, специалист по материальным следам, защите группы и поведению немагических существ.

Писарь поспешно внёс формулировку.

Каэл посмотрел на Тавериана.

— Вы всегда так подробно исправляете документы?

— Только когда вижу, что краткое объяснение не помогло.

Тарена регистрировала вторая служительница. Она по-

просила его положить ладонь на плоское серебряное зеркало, дождалась, пока по поверхности пройдёт мягкая рябь, и нахмурилась. В обычном случае зеркало должно было показать несколько световых знаков: тип магического дара, устойчивость Ткани, наличие договорной или божественной связи. Вместо этого серебро потемнело, а по краям проступили крошечные изображения ветвей.

— Источник силы не распознан, — сказала она.

— Это случается, — ответил Тарен.

— Нужно повторить с расширенным контуром.

— Нет.

Служительница подняла на него взгляд. Спокойный отказ, произнесённый без объяснений, явно не входил в привычный порядок регистрации.

— Процедура необходима для безопасности академии.

— Что именно она проверяет? — спросил Тарен.

— Характер вашей магии, её источник и возможное воздействие на защитные контуры.

Тарен посмотрел на приготовленный кристалл, затем снова на служительницу.

— Об этом в приглашении не говорилось.

— Проверку проходят все прибывающие маги.

— Тогда сначала объясните, что она потребует от меня и какие сведения сохранит. После этого я решу, соглашаться ли.

Эллиан успел заметить, как служительница посмотрела на

него, ожидая академического пояснения. Пару лет назад он, скорее всего, предложил бы Тарену пройти проверку. Не потому, что считал её правильной, а потому, что в Астрарии подобные требования не воспринимались как что-то, что можно обсуждать.

— Он прав, — произнёс Эллиан. — Стандартная регистрация подтверждает личность и наличие активных проклятий. Источник силы не является обязательным полем для внешнего участника.

— Но его отражение...

— Не показало стандартных знаков, — закончил Тавериан, подойдя ближе. — Запишите именно это.

— Магистр, при неизвестной связи...

— Совет пригласил Тарена Вейла, заранее зная о характере его дара. Расширенная диагностика будет проводиться только с его согласия и в присутствии назначенного руководителя исследования.

Служительница опустила жезл.

— Разумеется.

Тарен убрал ладонь. Ветви на зеркале задержались ещё на несколько секунд, а затем растворились в серебре.

Последним регистрировали Эллиана.

Он встал перед аркой, приложил приглашение к круглой пластине и ожидал, что контур выдаст ему гостевой знак. Серебряные линии пробежали по камню, поднялись вокруг фигуры и на мгновение окрасились мягким голубым светом.

Над аркой проступила надпись:

Эллиан Торвис. Школа Тонких Линий. Начальный цикл завершён. Обучение приостановлено. Право возвращения сохранено. Допуск четвёртого круга: действующий.

Эллиан смотрел на последние строки дольше, чем следовало.

— Я не приостанавливал обучение, — сказал он. — Я завершил начальный цикл и покинул академию.

Служитель сверился с документом.

— В записях отмечено, что вы сохранили право поступить на старший цикл без повторного испытания. Поэтому учебный статус не был закрыт окончательно.

— Право вернуться не делает меня действующим учеником.

Служитель поднял взгляд на светящуюся надпись.

— Контур, очевидно, не различает право и намерение.

— У него всегда были сложности с этим различием, — негромко произнёс Эллиан.

Каэл остановился рядом и прочитал надпись.

— Академия спорит с тобой ещё до входа.

— Она использует устаревшую запись.

— Значит, спорит документально. Это хуже.

Тавериан коснулся края пластины. Свет изменился, и под первой строкой появилось новое обозначение:

Внешний участник расследования. Временный до-

пуск пятого круга. Доступ ограничен материалами и помещениями, относящимися к делу.

Старая надпись не исчезла. Она лишь стала бледнее и осталась под новой, словно Астрарий не желал окончательно отказываться от прежнего определения.

— Запись обновят, — сказал Тавериан.

— Когда?

— При нынешней скорости административных решений — до твоего следующего возвращения.

— Я пока не планировал следующего.

— Именно поэтому срок выглядит реалистичным.

Ворота открылись бесшумно.

За ними лежал внешний двор, окружённый высокими стенами и арочными галереями. Несколько учеников пересекали площадку, направляясь к утренним занятиям. Двое несли между собой ящик, над которым парили стеклянные пластины. Девушка у стены упражнялась с небольшим зеркалом: её отражение поворачивало голову чуть раньше, чем она сама. У дальней лестницы преподаватель спорил с тремя служащими о том, должна ли дверь в обсерваторию открываться в обе стороны, если вчера она несколько раз показала разные помещения.

Эллиан вошёл первым и почти сразу узнал всё.

Не отдельные здания и не общую схему — их он видел ещё с берега. Он узнал расстояние между плитами, запах мокрого лунного гранита, тихий звон защитных контуров над ар-

ками и способ, которым утренний свет падал на западную галерею. Тело вспомнило дорогу раньше мыслей. Эллиан свернул налево, поднялся по трём ступеням и остановился только тогда, когда понял, что друзья идут за ним молча.

— Куда мы направляемся? — спросил Каэл.

Эллиан оглянулся.

— К внутреннему двору.

— Тавериан пошёл направо.

Наставник действительно ждал их возле противоположной арки.

— Старый проход закрыли две недели назад, — сообщил он.

Эллиан посмотрел на левую галерею. В конце коридора вместо привычной лестницы теперь возвышалась гладкая стена с серебряной схемой.

— Что с ней произошло?

— Навигационный контур перестал учитывать, куда человек направляется сейчас. Вместо этого лестница выбирала место, куда он, вероятнее всего, пошёл бы позже.

Каэл нахмурился.

— Она переносила людей в будущее?

— Нет. Лишь слишком рано приводила их к нужной двери.

— Насколько рано?

— Шестеро первокурсников, направлявшихся в библиотеку, вышли возле экзаменационной аудитории, в которой

должны были оказаться на следующий день.

— И попытались воспользоваться преимуществом?

— Они назвали это неожиданной помощью академии.

— А вы?

— Нарушением учебного распорядка и тревожным поведением пространственного контура.

Эллиан вернулся к друзьям. Небольшая ошибка задела его сильнее, чем должна была. Ещё три месяца назад он знал здесь каждый переход и почти никогда не смотрел на указатели. Теперь академия сохранила его имя у ворот, но успела изменить дорогу внутри.

Тарен, проходя мимо, тихо произнёс:

— Она тоже изменилась.

Эллиан посмотрел на него.

— Я вижу.

— Пока ты выглядишь так, будто изменился только ты.

Ответить он не успел.

Из арки внутреннего двора выбежала девушка в короткой тёмно-синей мантии, испачканной серебряной пылью. Одной рукой она придерживала связку свитков, другой пыталась на ходу закрепить волосы, окончательно выбившиеся из ленты. Увидев Эллиана, она остановилась так резко, что верхний свиток выскользнул и покатился по камню.

— Торвис.

Эллиан улыбнулся прежде, чем успел решить, насколько сдержанным должно быть приветствие.

— Сайла.

Она пересекла оставшееся расстояние, сунула свитки Та-
вериану и обняла Эллиана. Не осторожно и не формально —
так, словно он отсутствовал несколько дней, а не целое лето.
Эллиан пошатнулся, затем обнял её в ответ. От мантии пах-
ло нагретым серебром, чернилами и каким-то резким соста-
вом для очистки зеркал.

— Ты ужасный человек, — заявила Сайла, отстранившись
и удерживая его за плечи. — Я собиралась встретить тебя
у нижней станции, но ночью пришло сообщение о нападе-
нии, потом два противоречивых распоряжения, потом ма-
гистр Орст решила, что гостевые комнаты следует проверить
ещё раз, потому что они были проверены слишком одинако-
во.

— Проверены слишком одинаково?

— У всех кроватей оказались совершенно одинаковые
складки на покрывалах. Бринна считает, что это подозри-
тельно.

— Обычно это называется хорошей работой служащих.

— Именно так ответили служащие. Одними и теми же
словами.

Сайла снова посмотрела на Эллиана, заметила царапину
у виска и пятно на воротнике.

— Ты не мог просто приехать?

— Нападение произошло возле дороги.

— То есть нет.

Она повернулась к Каэлу и Тарену. Выражение её лица изменилось сразу: любопытство осталось, но в нём не было того изучающего холода, с которым служительница у ворот рассматривала потемневшее зеркало.

— Каэл Ривен и Тарен Вейл, — произнесла Сайла. — На-
конец-то.

Каэл прищурился.

— Нас ждали?

— Вас обсуждали. Это хуже.

Эллиан почувствовал, что разговор движется в опасном направлении.

— Сайла.

— Что? Пока ты учился здесь, половина твоих историй начиналась словами «Каэл считает» или «Тарен заметил».

Тарен посмотрел на Эллиана.

— Ты говорил, что здесь вы в основном обсуждали учёбу.

— Мы обсуждали и учёбу.

— Иногда, — согласилась Сайла. — Обычно между объяснениями, почему Каэл снова поступил неразумно, но оказался прав, и рассказами о том, что Тарен заметил раньше остальных.

Каэл, несмотря на перевязанное плечо и усталость, выглядел откровенно довольным.

— Что ещё он рассказывал?

— Ничего, — быстро ответил Эллиан.

— Достаточно, — одновременно сказала Сайла.

— Я предпочитаю её версию, — сообщил Каэл.

— Поэтому она и неверна.

Сайла протянула Каэлу руку. Он пожал её здоровой ладонью.

— Эллиан описывал тебя скромнее.

— Он всегда опускал несущественные подробности.

Сайла бросила взгляд на его довольное лицо.

— Вижу, скромность была одной из них.

Тарену она тоже протянула руку.

— Эллиан говорил, что ты обычно замечаешь проблему раньше остальных, — сказала Сайла.

— Не всегда.

— Хорошо. Значит, иногда у нас будет время спокойно позавтракать.

— Не рассчитывай, — предупредил Каэл.

Сайла рассмеялась и забрала у Тавериана свитки.

— Я должна показать вам гостевое крыло после Совета. И предупредить, что ужин сегодня в Зеркальном зале и не нужно смотреть на восточную стену дольше нескольких секунд.

— Почему? — спросил Каэл.

— Она показывает, как вы доедаете то, что ещё не выбрали.

— Полезно.

— Так считают повара. Поэтому блюда возле стены всегда заканчиваются первыми.

— А почему не смотреть?

— Иногда отражение выбирает лучше.

Каэл хотел уточнить, но со стороны внутреннего двора донёсся знакомый голос:

— Магистр семи оговорок всё-таки вернулся.

Риан Корвел стоял возле фонтана, вода которого поднималась из бассейна вверх, собиралась в тонкие струи и исчезала в каменной чаше над головой. На нём была светлая учебная мантия старшей ступени, застёгнутая только наполовину. Он выглядел почти так же, как при последней встрече: уверенно, собранно и слегка слишком довольным самим фактом, что остальные вынуждены учитывать его присутствие.

Эллиан остановился перед ним.

— Ты всё ещё используешь это прозвище?

— А ты надеялся, что за лето я его забуду?

— Я надеялся на чудо.

Риан улыбнулся и протянул руку. Эллиан пожал её. Тот сжал его пальцы чуть сильнее, чем требовало приветствие, словно три месяца разлуки были всего лишь перерывом в споре, который никто из них не собирался заканчивать.

— Я слышал, ты привёз из Риверфолла материалы, ради которых Совет назначил отдельное заседание, а у нижней станции успел вступить в бой, — сказал Риан. — Неплохо для человека, уехавшего за практическим опытом.

— Быстро же распространяются слухи.

— В Астрарии это почти отдельная школа магии.

— Жаль, что точность в её программу не входит.

Риан усмехнулся.

— Я всегда подозревал, что в Риверфолле тебе будет недостаточно задач.

Каэл негромко выдохнул через нос. Эллиан знал этот звук: друг ещё не вмешивался, но уже составлял мнение.

— За последние три месяца мне ни разу не пришлось жаловаться на их недостаток, — ответил Эллиан.

— И всё-таки ты вернулся.

— По приглашению Совета, — напомнил Эллиан. — Не из-за скуки.

— Разумеется. Семь оговорок по-прежнему на месте.

Он перевёл взгляд на друзей Эллиана.

— Это твоя охрана?

— Нет, — в третий раз за утро сказал Каэл.

Риан слегка поднял брови.

— Простите. После нападения и количества оружия...

— Каэл и Тарен приглашены Советом на тех же основаниях, что и я, — перебил Эллиан. — Мы все участвуем в расследовании.

— Тебе тоже дали пятый круг? — Риан посмотрел на посох Тарена, затем на ветвистый знак, всё ещё проступавший на регистрационном браслете. — Обычно носителей неакадемической магии так далеко не допускают.

Тарен спокойно встретил его взгляд.

— Значит, причина показалась им достаточно веской.

— Или правила наконец стали менее осторожными.

— Правила редко меняются без страха или необходимости.

Улыбка Риана стала шире.

— Теперь понимаю, почему Торвис так часто приводил тебя в пример.

— Тебя он упоминал реже, — заметил Каэл.

Риан перевёл взгляд на него.

— Мы знакомы пять минут, а ты уже пытаешься победить в споре.

— Нет. Пока только уточняю расстановку сил.

Сайла закрыла лицо ладонью.

— Великолепно. Их стало двое.

— Трое, — поправил Тарен.

Тавериан, до этого молча наблюдавший за встречей, посмотрел на серебряный циферблат над галереей.

— Совет начнётся через час и сорок минут. При нынешнем темпе Риан успеет выразить разочарование уходом Эллиана примерно наполовину.

— Я не разочарован, — возразил Риан.

— Тогда на заседаниях учебной комиссии ты выражался значительно менее убедительно.

Риан впервые слегка смутился.

— Вы присутствовали при обсуждении его исследовательского места?

— При всех шести, — ответил Тавериан.

Каэл повернулся к Эллиану.

— Шести?

— Риан плохо принимает неопределённость, — объяснила Сайла.

— Я пытался выяснить, собирается ли академия сохранить место за Эллианом, — сказал тот.

— Шесть раз.

— Ответы каждый раз оставались недостаточно точными.

— Формулировки вопросов тоже различались, — заметил Тавериан. — Хотя не настолько, как тебе кажется.

Эллиан поймал себя на том, что улыбается. Знакомые голоса, внутренний двор, фонтан, поднимавший воду вверх, и привычный спор с Рианом возвращались слишком легко. На мгновение показалось, будто он покинул Астрарий не три месяца назад, а всего лишь вышел после занятия и теперь вернулся к разговору, который они не успели закончить.

Затем он посмотрел на Каэла.

Тот стоял рядом с Тареном, чуть в стороне от разговора людей, знавших друг друга прежде. На лице Каэла сохранялась лёгкая усмешка, но взгляд двигался между Эллианом, Сайлой, Рианом и высокими корпусами вокруг. Он пытался собрать целую часть жизни друга из нескольких минут и явно находил больше вопросов, чем ответов.

Эллиан шагнул ближе к нему.

— Сначала Совет, — сказал он. — Потом покажу акаде-

мию.

— Всю?

— Это займёт несколько дней.

— Значит, начнёшь с мест, о которых почему-то не писал.

— Тогда нам потребуется список.

Тарен тихо произнёс:

— Он уже составляет.

Каэл действительно полез здоровой рукой во внутренний карман.

— Я взял бумагу.

— Ты жаловался, что семейные запасы занимают слишком много места.

— Это полезная бумага.

Риан наблюдал за ними с выражением, в котором прежняя уверенность впервые смешалась с сомнением. Вероятно, только теперь он начинал понимать, что Каэл и Тарен были не отвлечёнными причинами отъезда Эллиана и не воспоминаниями о доме, мешавшими ему остаться в академии. Рядом с ними Эллиан не стремился выглядеть самым подготовленным человеком в разговоре, позволял себе ошибаться, спорить о мелочах и не обдумывать каждую реплику заранее.

Тавериан отвёл их в небольшую комнату при внешнем корпусе, где можно было умыться и сменить одежду перед заседанием. Вещи уже доставили в гостевое крыло. Каэл заявил, что способен переодеться самостоятельно. Эллиан от-

ветил, что никто не сомневается в способности, вопрос заключался в последствиях. В итоге Тарен помог ему снять дорожную куртку, а Эллиан заново проверил повязку. Рана оказалась неглубокой, но край когтя прошёл по верхней части плеча и оставил длинный рваный порез. После подъёма ткань пропиталась свежей кровью.

— Ты поднял руку, — сказал Эллиан.

Каэл отвёл взгляд.

— Один раз.

— Три, — уточнил Тарен, складывая испачканную рубашку.

— Ты считал?

— После первого.

Эллиан промыл рану, наложил чистую повязку и затянул узел чуть туже, чем требовалось. Каэл поморщился, но промолчал.

— Это мечь? — спросил он, когда Эллиан закончил.

— Медицинская необходимость.

— У твоей матери такие же медицинские необходимости.

— Она учила меня основам перевязки.

— Теперь всё объяснимо.

Тарен передал Каэлу чистую рубашку.

— Не всё.

Каэл посмотрел на него.

— Ты сегодня особенно разговорчив.

— Компенсирую твои попытки молчать о боли.

Пока друзья спорили, Эллиан переоделся и попытался привести волосы в порядок. Зеркало над умывальником показывало его с едва заметной задержкой. Когда он поднимал руку, отражение повторяло движение спустя долю секунды. Для Астрария подобное считалось не неисправностью, а допустимым возрастным изменением артефакта. Эллиан помнил, как однажды Сайла провела неделю, убеждая хозяйственную службу заменить зеркало в общежитии, которое каждое утро отражало учеников уже полностью одетыми и тем самым заставляло их забывать застёгнуть настоящие мантии.

Он провёл влажной ладонью по волосам. Отражение улыбнулось раньше него.

Эллиан замер. Через мгновение лицо в серебре снова стало точным повторением. Возможно, ему показалось. После дороги, боя и недостатка сна даже обычная задержка могла превратиться в движение, которого не было.

— Что? — спросил Каэл.

Эллиан отвёл взгляд от зеркала.

— Ничего. Старый контур.

Каэл посмотрел на поверхность, но отражение оставалось обычным.

— Здесь это считается хорошей новостью?

— Обычно.

— Снова «обычно».

— Я тоже заметил.

Заседание проходило в западном крыле Главной башни, в круглом зале с высокими окнами, выходившими на озеро. В центре стоял овальный стол из серого камня. С одной стороны располагались шесть кресел Совета, каждое отмеченное собственной печатью. Отдельное место архимага оставалось пустым. Тавериан, как назначенный руководитель расследования, стоял у края стола, не занимая одно из кресел.

На заседание пришли четверо членов Совета. Лиарен Фосс сидел ближе к двери, окружённый письмами и регистрационными дощечками. Найрэль Вессан держала перед собой закрытую серебряную книгу. Севра Мельн расположилась напротив Эллиана и с первых секунд смотрела на него так, словно уже оценивала качество работы, которую он ещё не представил. Кайрен Дорн, мастер защитных контуров, прибыл последним и положил на стол несколько пластин с записями нижней станции.

После формального приветствия Эллиан передал Тавериану заверенную копию карты. Наставник не развернул её сразу. Сначала проверил печать Риверфолльской башни, подписи Илмары и Аделара, затем положил свёрток в центр стола. Серебряные линии на камне отозвались слабым свечением.

— Подлинность материалов подтверждена, — сказал Кайрен, коснувшись ближайшей пластины. — Карта действительно создана в период формирования старой сети узлов. Но принадлежит ли серебряная линия одному из внешних

контуров Астрария, по этой копии определить нельзя. Потребуется сравнение с образцами из Галереи.

— Обследование назначено на завтра, — сообщил Лиарен. Он посмотрел на троих приглашённых поверх тонких очков. — Нижняя станция передала краткий отчёт о нападении. Всё остальное нам известно только из письма Тавериана о найденной карте. Поэтому начнём с дороги сюда. Расскажите обо всём, что показалось вам необычным, даже если тогда вы не сочли это связанным с Астрарием.

Эллиан изложил события по порядку: одинаковые заказы на первой станции, необъяснимое решение караванщиков остановиться у Пастушьего камня, прибытие двух обозов раньше ожидаемого срока и повторявшееся ощущение, что некоторые поступки уже были заранее выбраны за людей.

Он старался разделять наблюдения и предположения, как учил Тавериан. Не утверждал, что путники теряли свободу воли. Говорил лишь, что несколько человек не смогли объяснить собственные решения, хотя были совершенно уверены в их правильности.

— Они не сомневались, — закончил Эллиан. — Но никто не мог вспомнить, почему вообще выбрал именно этот вариант.

Лиарен сделал пометку.

— Теперь о нападении.

Каэл описал то, что видел сам: направление первого налё-

та, число крыланов, их беспорядочные атаки и то, как стоя несколько раз пыталась уйти обратно к скалам, но вновь разворачивалась к дороге. Кайрен сначала задавал вопросы о расстояниях и расположении повозок, затем развернул перед ним схему нижней станции.

— Они спустились отсюда? — спросил он, указав на восточную часть утёса.

Каэл наклонился над схемой.

— Из тумана над этими расщелинами. Но откуда они прилетели до этого, я не видел.

— Такое поведение для них обычно?

— Я раньше не встречал туманных крыланов, — признал Каэл. — Но нападающие звери обычно выбирают цель. Эти метались между людьми, лошадьми и скалами, будто сами не понимали, куда хотят уйти.

— Что могло заставить целую стаю покинуть убежище? — спросила Найрэль.

— Не знаю. — Каэл положил здоровую руку на край стола. — Обвал, дым, другой хищник, сильный запах или шум. Что угодно, что сделало пещеры опаснее открытой дороги.

Он слегка повёл повреждённым плечом и поморщился.

— Судя по тому, как они летели, уходили они не на охоту. Они от чего-то спасались.

— Магическое воздействие?

— На телах его не было. Эллиан проверял.

— А носитель фейской связи что-нибудь почувствовал?

— спросила Севра Мельн, посмотрев на Тарена.

В зале стало тихо. Тарен не изменился в лице. Только пальцы, лежавшие на колене, медленно сжались.

— Вы можете спросить меня по имени, — произнёс он.

Севра слегка подняла брови.

— Формулировка относится к природе магической связи.

— А ответ должен дать человек.

Эллиан почувствовал резкий стыд, хотя слова предназначались не ему. В ученических отчётах он сам десятки раз писал: «субъект прорицания», «носитель нестандартного дара», «объект наблюдения». Иногда речь шла о добровольцах. Иногда — о людях, которых приглашали в зал и просили стоять спокойно, пока маги обсуждали их свойства. Тогда подобный язык казался точным и безопасным, избавленным от эмоциональных искажений.

Теперь за формулировкой сидел Тарен.

— Тарен Вейл приглашён сюда как внешний участник расследования, — сказал Эллиан. — Вопросы о его ощущениях следует задавать ему напрямую, а не обсуждать его так, будто его нет в зале.

Севра посмотрела на него.

— Я знаю содержание приглашения, Торвис. Я участвовала в голосовании.

— Тогда используйте его имя.

Кайрен перестал перебирать пластины. Лиарен медленно снял очки. Тавериан не вмешался, но Эллиан почувствовал

его внимание так же отчётливо, как во время старых устных испытаний.

Севра несколько мгновений молчала.

— Хорошо. Тарен Вейл, почувствовали ли вы магическое воздействие на животных или окружающее пространство?

— На животных — нет, — ответил Тарен. — В пещерах осталось ощущение беспокойства, но оно слишком далеко и смешано со страхом стаи. На дороге происходило другое. Люди не выглядели зачарованными. Они принимали решение спокойно. Когда их спрашивали о причине, возникала растерянность, но не сопротивление.

— Внушение обычно оставляет эмоциональный след, — заметила Найрэль.

— Именно. Здесь его почти нет. Словно другая возможность просто не успела стать мыслью.

Найрэль раскрыла серебряную книгу. На страницах находились не строки, а узкие пустые рамки, некоторые из которых обрывались у края.

— Это соответствует исчезновениям в Хранилище.

— Насколько всё серьёзно? — спросил Каэл.

Лиарен снова надел очки.

— Для ответа на этот вопрос вы и приглашены.

— То есть вы пока не знаете.

— У нас нет достоверных данных.

— Так бы сразу и сказали.

Лиарен посмотрел на него поверх очков.

— Я именно это и сказал.

— Нет. Вы сказали то же самое длиннее.

Тавериан развернул карту. Серебряная линия, проходившая от Риверфолла к северо-западу, едва заметно засветилась. В тот же момент по каменному столу прошла тонкая дрожь. Кайрен быстро положил ладони на защитные знаки, но свет уже погас.

— Раньше линия как-нибудь менялась? — спросил Кайрен.

— Только у старого пограничного знака, — ответил Эллиан. — В городском архиве и магической башне она оставалась неподвижной.

Кайрен склонился над картой.

— Значит, здесь присутствует что-то похожее на структуру, с которой она уже соприкасалась.

— Или достаточно близкое по происхождению, — сказала Найрэль. — Один и тот же способ плетения, материал или магический почерк.

— Но пограничный знак находится в пятистах километрах отсюда, — заметил Эллиан.

— Расстояние не обязательно имеет значение, — ответил Кайрен. — Если обе структуры когда-то принадлежали одной системе.

Найрэль посмотрела на серебряную линию.

— Пока мы знаем только одно: карта отреагировала на Астрарий. На какую именно его часть — предстоит выяс-

нить.

Севра не смотрела на линию. Её взгляд по-прежнему оставался на Эллиане.

— Ты мог изучать подобные явления здесь, — сказала она.

Лиарен устало прикрыл глаза.

— Магистр Мельн.

— Это имеет отношение к делу, магистр Фосс. Торвис сохраняет допуск на старший цикл и обладает навыками, которых сейчас не хватает исследовательской группе.

— Я приехал как внешний участник, — ответил Эллиан.

— Именно. Ты мог вернуться сюда учеником.

— Я вернулся, когда академии понадобилась помощь.

Севра слегка подалась вперёд.

— Это и хуже всего. Ты по-прежнему доказываешь, что был достоин остаться.

Эллиан ожидал, что слова заденут сильнее. Несколько месяцев назад он бесконечно представлял этот разговор и искал формулировку, способную одновременно объяснить решение и не прозвучать оправданием. Теперь рядом сидели Каэл и Тарен. Под плащом лежала карта, найденная близ Риверфолла. На плече Каэла темнела свежая повязка, а Тарен несколько минут назад заставил Совет вспомнить, что говорит с человеком.

— Я уехал не потому, что считал себя недостаточно хорошим, — сказал Эллиан. — Но то, что я мог продолжить

обучение, ещё не означает, что я был обязан остаться.

Севра хотела ответить, но дверь открылась.

Все четверо членов Совета поднялись.

Элдриан Семиотражённый вошёл в зал без свиты. На нём была длинная тёмная мантия строгого кроя, отделанная серебряной вышивкой и тонкими узорами, напоминавшими переплетение зеркальных рам. Линии на ткани едва заметно смещались при движении, будто каждый шаг заставлял их складываться в новую схему. Внешне архимаг казался мужчиной лет тридцати пяти или сорока — зрелым, сильным и удивительно собранным. Длинные серебристые волосы свободно лежали на плечах и в слабом свете зала казались почти светящимися. Один его глаз был холодно-синим, другой — золотым, и взгляд обоих оставался одинаково внимательным.

Лишь отражения не соглашались с этим обликом. В тёмном стекле возле двери Элдриан выглядел немного моложе. В серебряной пластине на стене у его висков проступала седина более тусклого оттенка, а лицо казалось утомлённое. Ещё одно отражение задержалось на полшага позади и продолжало смотреть в зал, когда сам архимаг уже отвернулся.

Элдриан не обратил на это внимания. Или давно научился не показывать, что замечает.

— Продолжайте, — сказал он. — Сомневаюсь, что моё появление сделало тему менее важной.

Никто не сел раньше него. Элдриан занял отдельное крес-

ло, но почти сразу поднялся снова и обошёл стол. Его взгляд остановился на Эллиане.

В те редкие разы, когда они разговаривали без свидетелей, архимаг всегда называл его по имени.

— Эллиан.

Одного слова оказалось достаточно, чтобы вернуть несколько воспоминаний — слишком немногочисленных, чтобы хоть одно успело поблекнуть: семь зеркал вступительного испытания; короткий разговор после первого допуска в Зал Тонких Линий; вопрос, на который Элдриан не предложил правильного ответа; и последняя встреча перед отъездом, занявшая меньше десяти минут и оставившая после себя больше сомнений, чем два года учёбы.

Большую часть времени архимаг оставался далёкой фигурой: серебряные волосы над рядами учеников, разные глаза, внимательный взгляд с другого конца зала. Эллиана учил Тавериан. Элдриан лишь изредка появлялся в его жизни — но всякий раз так, что забыть встречу было невозможно.

Эллиан поднялся.

— Архимаг.

Элдриан остановился напротив. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга. Затем архимаг коснулся его предплечья — коротко, почти официально, но теплее, чем приветствовал большинство бывших учеников.

— Я рад, что ты вернулся.

— Вы ведь знали, что мы приедем.

— Это не мешает радоваться произошедшему.

— Иногда мешает удивляться.

В глазах Элдриана мелькнула знакомая улыбка.

— Рад видеть, что Тавериан не смог полностью избавить тебя от привычки спорить с формулировками.

— Я не пытался, — заметил Тавериан.

— И правильно. В Астрарии и без того достаточно людей, которые слишком быстро соглашаются с услышанным.

Элдриан повернулся к друзьям.

— Каэл Ривен. Тарен Вейл.

Он не уточнил, откуда знает их лица. Возможно, видел в зеркалах. Возможно, изучил описания из приглашения и отчётов. В Астрарии подобная осведомлённость считалась обычной частью общения с архимагом, но Каэл явно не собирался принимать её без проверки.

— Мы представлены? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо. Значит, я ещё не начал забывать разговоры.

— Это обнадеживает, — ответил Элдриан.

Он посмотрел на перевязанное плечо Каэла, затем на бледное лицо Тарена.

— Ваше знакомство с академией началось раньше ворот и оказалось менее гостеприимным, чем предполагалось.

— Крыланы не представились частью академии, — сказал Тарен.

— Формально не являются. Однако покинули пещеры на

нашей территории, поэтому ответственность всё равно лежит на нас.

Каэл слегка кивнул. Ответ ему понравился больше, чем уклончивые объяснения станции.

— Вы знаете, что их выгнало?

— Пока нет. Ночью две группы зрителей получили распоряжение обследовать пещеры. Обе утром сообщили, что проверка уже проведена.

— А она проведена? — спросил Эллиан.

— Нет.

В зале снова стало тихо.

Элдриан подошёл к карте. Серебряная линия не загорелась повторно, но архимаг смотрел на неё так, словно видел значительно больше остальных.

— Шесть дней зеркала показывают ваше прибытие одинаково, — произнёс он. — Один и тот же час. Одна дорога. Трое людей у внешних ворот.

— Мы прибыли позже, — заметил Эллиан. — Из-за нападения.

— Нет. Именно в тот час, который они показывали. До вчерашнего вечера расчёт пути указывал, что вы должны оказаться здесь на сутки раньше. Крыланы изменили скорость каравана и привели результат к увиденному времени.

Каэл медленно выпрямился.

— Они напали, чтобы мы не приехали раньше?

— Я не сказал этого.

— Но подумали.

— Я рассматриваю такую возможность.

— Крыланы не были зачарованы, — напомнил Эллиан.

— Будущему не всегда требуется управлять каждым действием, — ответил Элдриан. — Иногда достаточно сузить пространство, в котором действия происходят.

Эллиан вспомнил слова Каэла у мёртвого крылана: не обязательно направлять животное, если знаешь, куда оно победит.

— Завтра вы пройдёте первое обследование в Галерее Серебряных Зеркал, — продолжил архимаг. — Сегодня отдохнёте. До утра карта останется под совместной печатью Тавериана и Кайрена.

— Мы можем присутствовать, когда на неё будут накладывать печать? — спросил Тарен.

— Да.

— Все трое? — уточнил Каэл.

Элдриан посмотрел на него.

— Совет пригласил троих внешних участников.

— У ворот это поняли не сразу.

Взгляд архимага переместился к Тавериану. Тот едва заметно кивнул.

— Тогда службе приёма напомним содержание приглашения, — сказал Элдриан. — До завершения расследования ваши свидетельства и решения имеют равный вес. Ни один из вас не считается сопровождающим остальных.

Каэл чуть склонил голову.

— Так звучит понятнее.

— На это и рассчитано.

Последнюю фразу он произнёс, глядя прямо на Эллиана.

— Благодарю, — сказал Эллиан.

Заседание завершилось спустя полчаса. Карту запечатали в низком серебряном ящике. Тавериан и Кайрен наложили независимые контуры, после чего Найрэль вписала момент передачи в одну из изменчивых книг. Перед тем как закрыть страницу, она нахмурилась: строка о времени появилась дважды, совершенно одинаково.

— Ошибка? — спросил Эллиан.

— В Хранилище не бывает одинаковых записей, — ответила она и зачеркнула вторую строку.

Чернила исчезли с обеих. Найрэль закрыла книгу.

— Завтра, — произнесла она, не объясняя, относится ли слово к обследованию или к разговору об исчезнувшей записи.

У выхода из главной башни Сайла уже ждала их вместе с Рианом. Тот держал три серебряных ключа гостевого корпуса и выглядел так, словно получил их исключительно затем, чтобы доказать способность справиться с простейшим поручением.

— Совет выжил? — спросила Сайла.

— Пока, — ответил Каэл.

— Севра?

Эллиан поправил рукав.

— Тоже.

— Тогда встреча прошла лучше ожидаемого.

Они направились через внутренний двор к южному крылу. Теперь академия была заполнена людьми. Закончились утренние занятия, и ученики выходили из корпусов, собирались возле фонтана, переходили по мостам и спускались к трапезной. Некоторые узнавали Эллиана сразу. Другие замечали реакцию старших и начинали шептаться.

— Это Торвис?

— Тот самый?

— Который ушёл?

Сайла резко повернулась к двум младшим ученикам.

— Нет, другой. Этот пришёл. Разницу времён будете проходить на следующей неделе.

Они поспешно скрылись в галерее.

— Ты всё ещё пугаешь первокурсников, — заметил Эллиан.

— Я обучаю их точности.

— Громко.

— Чтобы принесло пользу.

Каэл посмотрел на Тарена.

— Кажется, это местное заболевание.

Риан шёл чуть впереди, показывая дорогу к гостевому крылу. Само крыло Эллиан знал: прежде там размещали приглашённых исследователей, представителей других ака-

демий и выпускников, приезжавших для работы с архивами. Но раньше он почти не бывал в этой части Астрария и не знал, какие комнаты приготовили для них. Они пересекли мост над Ритуальным садом Тишины, прошли мимо библиотечного павильона и свернули к южной стене. На пути им встретилась группа старших учеников. Один из них заметил ветвистый знак на браслете Тарена и невольно замедлил шаг.

— Это договорная фейская связь? — спросил он Сайлу, словно Тарена рядом не было.

— Спроси у него, — ответила она.

Ученик смутился, но всё же повернулся.

— Простите. Ваша магия связана с архифеей или божественным источником?

— Я не знаю, — сказал Тарен.

— Но серебряные проявления...

— Тоже не знают.

Каэл тихо фыркнул.

Ученик посмотрел на посох, на едва заметные серебряные следы возле пальцев Тарена и явно хотел задать ещё несколько вопросов. Сайла шагнула между ними.

— Завтра у вас практикум по восстановлению зеркал. Если сегодня не перестанете изучать гостей, сами станете материалом для диагностики трещин.

Группа ушла.

— Не обращай внимания. В Астрарии всё необычное вызывает любопытство.

Тарен посмотрел вслед ученикам.

— Судя по последним пяти минутам, это не преувеличение.

Эллиан услышал в его голосе усталость и понял, что объяснение Риана только усугубило ситуацию. Он сам произносил подобные слова прежде. Интерес, исследование, безопасность, необходимость классификации — каждое звучало разумно, пока человек, к которому они относились, не пытался сказать «нет».

— Раньше я не замечал, как это выглядит, — произнёс Эллиан.

Тарен повернул к нему голову.

— Раньше ты был учеником.

— Это не оправдание.

— Нет, но объяснение.

Гостевой корпус стоял у южной стены Астрария и выглядел почти так же, как Эллиан его помнил. Здесь размещали приглашённых исследователей, представителей других магических учреждений и выпускников, приезжавших для работы с академическими архивами. Эллиан прежде бывал внутри лишь несколько раз — обычно по поручению Тавериана — и никогда не думал, что однажды поселится здесь сам.

Им отвели три комнаты, расположенные вокруг небольшой общей гостиной. Из широкого окна открывался вид на озеро, нижнюю станцию и серпантин, по которому они поднялись утром. Багаж уже стоял у стены, а на низком столе

ждали кувшин с водой, хлеб, сыр и чайник с горячим настоем.

Риан передал ключи.

— Совет распорядился разместить вас вместе.

— Какая предусмотрительность, — сказал Каэл.

— Первоначально Эллиану назначили комнату в преподавательском крыле, — сказал Риан.

Эллиан нахмурился.

— Почему?

— Севра считала, что тебе потребуется ночной доступ к старшей библиотеке.

— А нас где собирались поселить? — спросил Тарен.

Риан слегка замялся.

— Здесь, в гостевом корпусе. Эллиана — отдельно, в преподавательском крыле.

Каэл медленно повернулся к Эллиану.

— Даже не успели начать расследование, а тебя уже попытались забрать себе.

— Меня собирались поселить ближе к библиотеке.

— Именно так академии и похищают магов. Сначала дают ночной доступ к книгам, потом человек исчезает на несколько лет.

— Тавериан изменил размещение, — быстро добавила Сайла. — Теперь у вас соседние комнаты и одинаковый доступ к библиотечному павильону. Старшая библиотека всё равно закрывается в полночь.

Эллиан посмотрел на неё.

— Раньше она работала до второго ночного колокола.

— Расписание изменили около месяца назад. Ночная смена хранителей оказалась слишком маленькой для прежнего порядка.

— Это официальная причина? — спросил Каэл.

— Официальная причина занимает две страницы и упоминает безопасность, распределение обязанностей и ответственное использование исследовательского времени.

— Значит, хранители устали искать учеников между стеллажами.

— В основном спящих учеников, — уточнил Риан.

— Это уже больше похоже на правду.

Сайла показала им комнаты, объяснила расположение кулален, трапезной и лечебного корпуса. Потом сообщила, что вернётся к ужину, и утащила Риана с собой, прежде чем тот успел продолжить спор об академическом будущем Эллиана. Тавериан не пришёл: он остался с картой и Советом.

Когда дверь закрылась, в гостиной стало непривычно тихо. Каэл первым опустился в кресло, вытянул ноги и осторожно устроил перевязанную руку на подлокотнике.

— Итак, — произнёс он, оглядев комнаты. — Мы не успели распаковать вещи, а академия уже почти решила, где тебе жить, когда читать и сколько лет здесь оставаться.

Эллиан остался стоять у стола.

— Никто не говорил о годах.

— Пока, — уточнил Каэл.

Тарен сел возле окна и налил себе воды.

— Таверриан изменил размещение.

— Потому что заметил проблему, — сказал Каэл. —
Остальные, похоже, проблемы не видели.

За окном туман медленно поднимался по склонам утёса.
Серпантин почти исчез, а нижняя станция превратилась в
маленькое серое пятно у воды.

— Мне жаль, — произнёс Эллиан.

Тарен поднял на него взгляд.

— За комнаты?

— За всё утро. Я знал, как здесь относятся к людям извне,
но раньше не замечал этого так ясно.

— Раньше ты был учеником, — сказал Тарен. — От тебя
ожидали, что ты примешь здешние правила.

— И я принимал.

— Не все, — возразил Каэл. — Иначе ты бы не уехал.

Эллиан опустил в кресло напротив.

— Тогда мне казалось, что я просто не хочу продолжать
обучение.

— А теперь? — спросил Тарен.

Эллиан посмотрел на знакомые башни за окном. За три
месяца они почти не изменились. Изменилось лишь то, как
легко он замечал в них вещи, которые прежде считал есте-
ственными.

— Теперь я понимаю, что не хотел становиться челове-

ком, за которого всё уже решили.

Каэл кивнул, словно услышал подтверждение давно известного ему вывода.

— Хорошо. Только не начинай теперь решать за нас, что мы зря приехали.

— Я этого не говорил.

— Ты извинился так, будто лично заманил нас сюда и закрыл ворота.

— Мы сами согласились приехать, — добавил Тарен. — И пока не передумали.

Эллиан провёл ладонью по лицу.

— Вы оба ведёте этот разговор так, будто заранее его обсудили.

— Нет, — сказал Каэл. — Просто ты предсказуем, когда пытаешься взять на себя чужую ответственность.

— Для прорицателя это оскорбительно.

— Переживёшь.

Каэл наклонился вперёд, осторожно придерживая перевязанную руку.

— Ты хочешь снова здесь учиться?

Вопрос прозвучал спокойно, без упрёка и без попытки подсказать правильный ответ.

Эллиан посмотрел на знакомые серебряные узоры над дверью, на тёмное стекло книжного шкафа и на лестницы за окном. Утром он встретил Тавериана. Увидел Сайлу. Снова спорил с Рианом, стоял перед Советом и слышал собствен-

ное имя из уст Элдриана. Какая-то часть его действительно чувствовала себя так, словно вернулась в место, где прервался важный разговор.

— Не знаю, — ответил он.

Каэл кивнул и на этот раз не попросил более длинного объяснения. Тарен поставил чашку на стол.

— Хорошо.

— Что именно? — спросил Эллиан.

— Что ты не решил заранее.

Несколько мгновений они молчали. Потом Каэл потянулся за чайником здоровой рукой, зацепил локтем тарелку с сыром и едва не опрокинул её на пол. Эллиан успел подхватить край, а Тарен спокойно забрал чайник.

— Я справлялся, — сказал Каэл.

— Мы видели, — ответил Эллиан.

— Никто не пострадал.

— Сыр был близок.

— Он выглядел готовым рискнуть.

Тарен разлил настой по трём чашкам.

— Поэтому мы спасли его от собственного решения.

Каэл посмотрел на обоих.

— Ты слишком быстро перенимаешь местные привычки.

К ужину Сайла действительно вернулась. Однако перед тем как друзья покинули комнаты, Эллиан задержался у двери своей спальни. На ней находилась небольшая серебряная пластина с именем гостя.

Сначала надпись выглядела правильно:

Эллиан Торвис. Внешний участник расследования.

Когда он протянул руку к замку, буквы дрогнули. Под ними проступила старая строка:

Ученик средней ступени. Возвращение разрешено.

Эллиан убрал ладонь. Старая запись снова побледнела, но не исчезла полностью.

— Эл? — позвал Каэл из гостиной.

— Иду.

Эллиан взял ключ и открыл дверь обычным способом.

Астрарий помнил его. Оставалось понять, кого именно он ждал обратно.

Глава IV. Семь зеркал

На следующее утро серебряная пластина на двери снова называла Эллиана внешним участником расследования.

Он проверил это прежде, чем окончательно проснулся, хотя ночью убеждал себя, что не станет начинать день с наблюдения за дверной табличкой. Старая строка об ученической ступени больше не проступала. Серебро было холодным, буквы — ровными, а защитная метка под именем соответствовала временному допуску, который Тавериан активировал накануне. Всё выглядело правильно. Именно это беспокоило сильнее всего: Эллиан слишком хорошо помнил, что Астрарий умел исправлять внешнюю форму, не объясняя причины произошедшего. Он задержал пальцы на краю пластины, прислушался к Ткани и не обнаружил ничего, кроме обычного регистрационного контура. Никакой чужой воли, никакого следа вмешательства. Только две записи, лежавшие одна под другой, словно академия не могла решить, кем считать вернувшегося человека.

Из общей гостиной донёсся короткий стук, затем приглушённое ругательство Каэла. Эллиан открыл дверь и увидел друга у стола. Тот пытался одной рукой нарезать хлеб, прижимая буханку локтем к доске. Нож двигался под опасным углом, ломти получались разной толщины, а выражение лица Каэла ясно показывало, что он считает происходящее ис-

пытанием характера, а не следствием собственной неспособности признать временное ограничение.

— Отдай нож, — сказал Эллиан.

Каэл не поднял головы.

— Доброе утро.

— Доброе. Отдай нож.

— Я почти закончил.

— Ты почти отрезал себе палец.

— Этот палец не участвует в натяжении тетивы.

Тарен сидел у окна, уже одетый и причёсанный, с чашкой настоя в ладонях. Он наблюдал за происходящим с тем спокойным вниманием, с каким обычно следил за спором, исход которого был известен всем, кроме его участников.

— Эллиан прав, — произнёс он после короткой паузы. — Нож держат другой стороной.

Каэл остановился и посмотрел сначала на лезвие, потом на Тарена.

— Я держу его правильно.

— Тогда хлеб защищается лучше, чем ожидалось.

Эллиан забрал нож прежде, чем Каэл успел придумать ответ. Повязка на его левом плече оставалась чистой, но рука двигалась слишком осторожно, а под глазами лежали тени, которых не было до нападения. Лекарь нижней станции утверждал, что когти лишь глубоко рассекли мышцу и не задели сустав. При условии покоя Каэл должен был полностью восстановиться. Условие казалось самым сомнительным эле-

ментом прогноза.

— Я мог попросить служителя принести завтрак, — заметил Эллиан, нарезаая хлеб.

— Мог, — согласился Каэл и наконец сел. — Но тогда он вошёл бы, увидел, что я уже на ногах, и через пять минут сюда пришёл бы кто-нибудь из лекарей. Мне вчерашних разговоров хватило.

Эллиан поставил перед ним тарелку.

— Тебе объясняли это раза три.

— И три раза пытались уложить меня обратно.

— Возможно, в этом была какая-то связь.

Каэл посмотрел на него исподлобья.

— Я всё понял с первого раза. Просто лежать весь день не собираюсь.

— Тебе никто не предлагает лежать весь день. Тебе предлагают хотя бы не пытаться одной рукой резать хлеб, носить сумки и доказывать, что плечо уже зажило.

— Я ничего не доказывал.

— Разумеется, — Эллиан указал на изуродованную буханку.

— Хорошо. Значит, хотя бы это за время дороги не изменилось, — Тарен поставил чашку на подоконник.

Каэл нахмурился.

— Что именно?

— Ты делаешь то, что тебе запретили, а Эллиан объясняет, почему это была плохая идея.

— Обычно он объясняет до того, как я сделаю.

— И это, — спокойно заметил Тарен, — почему-то тоже не помогает.

Эллиан разложил хлеб, сыр и оставшиеся с вечера яблоки. В гостевом корпусе было тихо. За стеной кто-то открыл окно, в коридоре прошёл служитель с тележкой, и вскоре запах горячей каши смешался с влажным воздухом озера. Утренний туман ещё закрывал нижние уступы утёса, но верхние башни уже стояли в солнечном свете. Серебряные линии на мостах казались тонкими полосами льда. Три месяца назад Эллиан смотрел на тот же вид из ученического крыла, мысленно подсчитывая время до занятий. Теперь расписание лежало на столе в запечатанном конверте, и ни одна его строка не называлась уроком.

Тавериан назначил обследование на девять, сразу после утренних занятий. Сначала Галерея Серебряных Зеркал, затем сравнение карты с архивными образцами древних контуров. После полудня Каэла должен был осмотреть академический лекарь, а Тарену оставили время для отдыха, что сам Тарен воспринял без возражений. Это настораживало почти так же сильно, как состояние Каэла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Эллиан, взглянув на него.

— Лучше.

— Это не измерение.

— Голова не болит. Земля больше не движется, когда я

закрываю глаза. Руки не дрожат.

Каэл отломил неровный край ломтя.

— Последнее звучит так, будто вчера дрожали.

— Вчера дрожали.

— Почему ты не сказал?

Тарен посмотрел на него поверх чашки.

— Ты в это время объяснял лекарю, что повязка мешает тебе дышать.

— Она мешала.

— На плече?

— Я дышу всем телом.

Эллиан прикрыл глаза. Несколько мгновений никто не говорил, затем Тарен тихо рассмеялся. Каэл попытался сохранить серьёзное лицо, но не выдержал. Смех отозвался болью в плече; он поморщился и прижал здоровую ладонь к перевязи. Эллиан немедленно подался вперёд, однако Каэл поднял руку, останавливая его.

— Всё нормально.

— Ты только что...

— Рассмеялся. Опасное занятие. Постараюсь воздерживаться до осмотра.

— Это будет непросто, — сказал Тарен. — Особенно рядом с тобой.

В дверь постучали. На пороге стояла Сайла с плоской сумкой через плечо и тремя бумажными свёртками в руках. Её тёмные волосы были собраны небрежнее, чем накануне, а на

рукаве осталась белая пыль от разметочного мела. Она вошла в комнату, посмотрела на неровно нарезанный хлеб, нож у края стола и Каэла, который сидел с видом человека, не имеющего к происходящему никакого отношения.

— Что здесь случилось?

— Каэл решил, что уже может всё делать одной рукой, — ответил Эллиан.

— Я просто резал хлеб.

Тарен посмотрел на доску.

— Хлеб выжил.

Каэл перевёл взгляд на него.

— Спасибо за поддержку.

— Я ничего не говорил о ноже.

Сайла рассмеялась и поставила принесённую корзину на стол.

— Орен уже в Галерее, — сообщила она, разворачивая одну из булочек. — Кайрен проверяет защитный круг, Тавериан спорит с регистрационными пластинами, а Риан пытался добиться допуска на обследование и получил отказ.

— Почему отказ? — спросил Эллиан.

— Потому что он не назначен ни свидетелем, ни исследователем, ни необходимым источником раздражения. Последнюю должность он предложил добавить, но Орен не оценил инициативу.

— А ты назначена? — уточнил Каэл.

Сайла кивнула и коснулась сумки.

— Записываю результаты от имени учебного корпуса. Орен предпочитает, чтобы писарь понимал разницу между отражением, видением и ошибкой наблюдателя. Вчерашний протокол Совета составили так, будто карта одновременно светилась, двигалась и пыталась покинуть стол.

— Она только двигалась, — сказал Эллиан.

— Вот поэтому меня и позвали.

Он хотел спросить, кто именно настоял на её участии, но передумал. Сайла выглядела довольной работой и совершенно не обеспокоенной предстоящим обследованием.

До девяти утра оставалось достаточно времени, чтобы дойти без спешки. Они вышли из гостевого корпуса вместе. Каэл отказался надевать перевязь поверх плаща, утверждая, что ткань давит на рану; Эллиан не стал спорить только потому, что рука всё равно оставалась закреплена под одеждой. Тарен взял посох, хотя в пределах академии он не должен был ему потребоваться. Ветвистый знак на регистрационном браслете побледнел за ночь и теперь напоминал тонкий след чернил под поверхностью серебра.

Утренний Астрарий был значительно шумнее вчерашнего. На мостах двигались ученики, служители катили тележки с книгами и приборами, из открытых окон доносились голоса преподавателей. Возле учебного корпуса младшая группа стояла полукругом вокруг стола, на котором семь одинаковых песочных часов показывали разное время. Магистр с короткими седыми волосами переставлял их местами и требо-

вал от учеников определить, какие часы отстают, а какие показывают событие, ещё не начавшееся. Один мальчик поднял руку и спросил, нельзя ли сначала выяснить, когда закончится занятие. Магистр ответил, что при такой постановке вопроса — нескоро.

Эллиан замедлил шаг. Он помнил это упражнение. На первом году трое учеников одновременно пришли к выводу, что проще разбить все часы и сравнить количество песка. После этого практику перенесли из комнаты с коврами во внутренний двор.

— Ты улыбаешься, — заметил Каэл.

— Нет.

— Улыбаешься. Совсем немного, но я видел.

Сайла обернулась, продолжая идти спиной вперёд.

— Он однажды подменил одни часы другими, потому что формулировка задания позволяла использовать любой комплект.

— Ты предложила подмену, — возразил Эллиан.

— А ты доказал, что это не нарушает правил.

— Нарушало смысл упражнения, — сказал Тарен.

— Именно поэтому преподаватель был так расстроен, — согласилась Сайла.

Каэл посмотрел на Эллиана с новым уважением.

— Ты не рассказывал.

— Потому что это незначительный эпизод.

— Ты обманул магические часы.

— Мы не обманули. Мы заменили объект исследования на равноценный.

— Умник, это и есть академический способ сказать «обманули».

Дорога к Галерее шла через центральный двор, затем поднималась по двум закрытым переходам к северной части Главной башни. Здесь становилось прохладнее. Окна были уже, стены толще, а серебряные прожилки в граните складывались в непрерывные линии, уходящие под потолок. Эллиан ощущал защитные контуры ещё до того, как увидел первую зеркальную поверхность. Они не давили и не отталкивали, но заставляли каждую мысль приобретать ясные границы. В Галерее нельзя было случайно пожелать увидеть будущее и получить ответ. Любой вопрос требовал намерения, формулировки и согласия того, чьё отражение использовалось.

По крайней мере, так было раньше.

Перед внешними дверями их ждал Тавериан. Он держал в руках две тонкие таблички, на одной из которых ещё мерцала незавершённая запись. Увидев троицу, наставник убрал обе в футляр и посмотрел на Каэла.

— Лекарь разрешил вам участвовать?

— Лекарь ещё не успел запретить.

— Это не то же самое.

— Мне подходит.

Тавериан перевёл взгляд на Эллиана.

— Он всегда отвечает подобным образом?

— Обычно ещё короче, — сказал Эллиан.

— Клевета, — отозвался Каэл.

— Факт.

Тавериан едва заметно качнул головой и открыл двери. За ними начиналась Галерея Серебряных Зеркал.

Эллиан проходил через неё столько раз, что давно перестал считать, но привычной Галерея так и не стала. Стоило переступить порог, и на несколько мгновений возникало прежнее ощущение: будтоходишь в промежутке между несколькими мирами. Длинный зал уходил далеко вперёд, поворачивая вместе с изгибом утёса. Слева тянулись высокие окна, за которыми лежало озеро; справа стояли зеркала — круглые, овальные, узкие, широкие, заключённые в рамы из серебра, чёрного дерева, светлого камня и материалов, которым Эллиан не знал названия. Некоторые отражали коридор совершенно обычно. В других окна находились не на той высоте, посетители шли с небольшой задержкой или на полу лежали предметы, отсутствовавшие в настоящем. Самые древние зеркала были закрыты плотной тканью, вышитой знаками запрета. Между рамами располагались бронзовые таблички с датами, ограничениями и предупреждениями. Одно из них сообщало: «Не задавать вопрос, ответа на который вы не готовы услышать». Ниже кто-то много лет назад процарапал: «Особенно до завтрака».

Надпись сохранилась. Эллиан почувствовал неожиданное

облегчение.

— Здесь ничего не изменилось, — тихо сказал он.

— Изменилось, — ответила Сайла. Она указала на дальнюю часть зала. — Раньше одновременно открывали не больше трёх исследовательских зеркал. Теперь работают почти все.

Только после её слов Эллиан заметил серебряные шнуры, протянутые от рам к полу. На каждом горел маленький знак активного наблюдения. Зеркала не просто стояли открытыми — их заставляли отвечать снова и снова, сравнивая результаты. Возле нескольких поверхностей лежали стопки записей. Магистры и старшие ученики перемещались между ними, говорили вполголоса, отмечали время и почти не смотрели на проходивших гостей. Обычно Галерея напоминала библиотеку, где книги иногда читали люди. Сегодня она выглядела мастерской, пытавшейся починить само будущее.

Смотритель Галереи Орен Тальвир ждал их в боковой ротонде. Он оказался невысоким полуэльфом с короткими белыми волосами, тёмной кожей и лицом человека, давно переставшего считать молчание неловкостью. Его одежда была простой, без знаков Совета, на переносице сидели узкие очки с дымчатыми линзами, совершенно не скрывавшие внимательного взгляда, а на каждом пальце правой руки виднелось тонкое серебряное кольцо. Когда он поворачивал ладонь, кольца отражали разные участки комнаты.

Рядом стоял Кайрен Дорн. Мастер защитных контуров уже разложил на полу четыре медные пластины и соединял их линиями белого мела. У дальней стены Сайла поставила складной столик и достала бумагу, чернила и три кристалла записи. Тавериан занял место у входа, не вмешиваясь в подготовку.

— Перед началом обозначу границы процедуры, — сказал Орен, когда все вошли. — Мы используем пять исследовательских зеркал. Они не читают мысли, не работают с истинными именами и не могут принудить вас отвечать. Если захотите остановиться — скажите. Всё, что выходит за рамки этой проверки, потребует отдельного согласия.

Он говорил ровно, обращаясь ко всем троим, и не задерживал взгляд на ком-либо дольше, чем на остальных. Пальцы Тарена, сжимавшие посох, немного расслабились.

— Что именно должны показать зеркала? — спросил Кайрен.

Орен повернулся к нему.

— Не «должны». При нормальной работе каждое выделяет одну вероятную последовательность, связанную с заданным вопросом. Мы сравниваем различия. Если пять зеркал с разными склонностями показывают пять вариантов, система действует правильно. Если показывают один, мы выясняем почему.

— А если ничего не показывают?

— Это тоже результат.

— Удобная наука.

— Очень. Особенно когда требуется объяснить отсутствие успеха.

Каэл посмотрел на Эллиана.

— Мне начинает нравиться этот человек.

— Подождите до третьего зеркала, — сказал Орен без улыбки. — Обычно к этому моменту чувство проходит.

Кайрен закончил внешний круг и поднялся. Он попросил их снять металлические предметы, способные случайно замкнуть линии защиты. Каэл с явным нежеланием положил на стол ножи, пряжку с запасной тетивой и две маленькие металлические пластины, назначение которых отказался объяснять. Тарен оставил только бронзовое кольцо семьи Вейл, предварительно спросив, мешает ли оно. Кайрен проверил его серебряным стержнем и разрешил не снимать. Эллиан отдал жезл, нож для перьев и медальон с домашней защитной нитью. Без него под рубашкой стало непривычно пусто.

— Кто первый? — спросил Орен.

Эллиан шагнул в круг прежде, чем друзья успели ответить.

Каэл тихо выдохнул.

— Конечно.

— Я знаю процедуру.

— Это не объясняет, почему ты обязан первым проверить всё опасное.

— Процедура не опасна.

Кайрен поднял бровь.

— В таком случае я зря рисовал защитный круг.

— Она не должна быть опасна, — исправился Эллиан.

— Вот теперь звучит честнее, — заметил Каэл.

Первое зеркало было небольшим, овальным, в раме из тёмного дерева. Оно использовалось для ближайших последовательностей и обычно показывало событие, вероятное в пределах нескольких минут. Орен поставил на подставку три закрытые коробочки и попросил Эллиана выбрать одну после того, как зеркало откроется. Внутри находились предметы, о которых он не знал. Вопрос звучал просто: что произойдёт после выбора?

Серебряная ткань соскользнула с поверхности.

Вместо ротонды Эллиан увидел ночную Галерею.

Она была пуста, если не считать троих людей. Сам Эллиан стоял перед высокой аркой в дальней стене. Каэл находился справа от него с луком в здоровой руке, Тарен — слева, положив ладонь на камень. Серебряные линии на полу сходились к закрытой двери, которой Эллиан никогда прежде не видел. В отражении он протянул руку к её гладкой поверхности.

Картина исчезла прежде, чем пальцы коснулись камня.

— Выбери коробку, — напомнил Орен.

Эллиан посмотрел на три одинаковые крышки и коснулся средней. Внутри лежал красный стеклянный шар.

Сайла записала время.

— Эллиан, опиши изображение, — сказал Орен. — Не сверяясь с нами.

Эллиан описал сцену. Орен не перебивал, только один раз уточнил положение арки.

— Расхождения?

— Нет. Я вижу то же самое, — ответил Тарен.

Кайрен подошёл к стене и провёл ладонью в нескольких пальцах от камня, проверяя кладку на скрытый контур. Та-верриан остался неподвижен, но взгляд его стал внимательнее.

Второе было высоким и узким, в раме из матового серебра. Оно лучше реагировало на отказ от действия. Эллиану предложили не выбирать коробку, а отойти от подставки и задать вопрос о последствиях этого решения. Он сформулировал намерение тщательно, отделяя его от первого опыта.

Зеркало открылось.

Ночная Галерея. Та же арка. Каэл справа, Тарен слева. Серебряные линии сходятся к двери. Отражённый Эллиан поднимает руку.

На этот раз картина держалась дольше. Он успел заметить, что на полу возле ног Каэла лежит сломанная стрела, а за плечом Тарена мерцают тонкие ветви, похожие на те, что появились на регистрационном зеркале у ворот. Затем поверхность потемнела.

— Повтор, — произнесла Сайла, и перо впервые замедлилось.

— Возможно, первое зеркало оставило остаточный след,
— сказал Кайрен. — Нужно разделить контуры.

Он стёр одну из меловых линий и провёл новую. Орен сменил положение зеркала, повернул раму на четверть и проверил кольцами отражение защитного круга. Испытание повторили с третьей поверхностью — круглым зеркалом, которое обычно отвечало не на ближайший выбор, а на его отдалённое последствие. Эллиан спросил, что изменится, если карту сегодня же передадут в архив внешних исследований.

Снова появилась ночная Галерея.

Та же дверь. Те же трое. На этот раз отражение показывало сцену с другой стороны, будто зеркало находилось за аркой и смотрело наружу. Эллиан увидел собственное лицо — бледное, сосредоточенное, значительно более испуганное, чем ему хотелось признать. Каэл что-то говорил, но звука не было. Тарен смотрел не на дверь, а поверх плеча Эллиана, в глубину пространства перед собой.

Туда, где должен был находиться наблюдатель.

Поверхность дрогнула. Отражённый Тарен медленно поднял глаза и встретился взглядом с настоящим Эллианом. Зеркало закрылось само.

В комнате стало тихо. Где-то в основной Галерее прозвонел металл, затем слышались быстрые шаги, но в ротонду никто не вошёл. Кайрен проверил внешний круг. Одна медная пластина нагрелась, хотя знак на ней оставался целым.

— Он видел нас? — спросил Каэл.

— Отражение не видит наблюдателя, — ответил Орен.

— Я спрашивал не правило.

Смотритель задержал взгляд на закрытой ткани.

— Не могу подтвердить.

Эллиан вышел из круга, но Орен попросил его остановиться. Проверили ещё два зеркала. Для четвёртого вопрос касался совершенно постороннего решения: останется ли Эллиан после обеда в библиотечном павильоне или вернётся в гостевой корпус. Для пятого — воспользуется ли он завтра восточной лестницей вместо западной. В обоих случаях ответ не изменился. Ночная Галерея, неизвестная дверь, Ка-эл и Тарен рядом. Различались лишь угол, свет и несколько мелких деталей. В последнем отражении серебряные линии уже не просто сходились к арке — они проходили под ней, словно продолжались глубоко внутри стены.

Когда ткань закрыла пятую поверхность, Эллиан почувствовал усталость, хотя не применял ни одного заклинания. Пять разных вопросов были не связаны между собой ни временем, ни местом, ни последствиями. Зеркала должны были спорить, предлагать случайные ветви, показывать разные исходы или вовсе отказываться отвечать. Вместо этого они словно получали вопрос, отбрасывали его и возвращались к одной сцене, заранее назначенной правильной.

— Это происходит со всеми? — спросил он.

Орен снял одно из колец и положил его на ладонь.

— Не настолько явно. В последние две недели зеркала всё

чаще повторяют одинаковые последовательности, но обычно вопрос сохраняет значение. Меняются детали, участники, время. Здесь не изменилось главное событие.

— Потому что оно вероятнее остальных? — спросила Сайла.

— Пять зеркал не определяют абсолютную вероятность. Они показывают разные способы её чтения.

Тавериан впервые отошёл от двери.

— Иными словами, они не согласились друг с другом. Они перестали рассматривать другие ответы.

Орен посмотрел на него.

— Это одна из гипотез.

— Какая другая?

— Что вопрос был не тем, который задавал Эллиан.

Эллиан поднял голову.

— Кто мог задать другой?

— Я сказал «что», а не «кто».

Ответ не успокоил никого.

Каэл вошёл в круг следующим. Он сделал это без показной уверенности, но и без колебаний, оставив плащ на спинке стула. Раненое плечо ограничивало движение, поэтому Кайрен изменил часть испытаний. Вместо выбора коробок Каэлу предложили пройти между двумя метками, остановиться по сигналу и назвать направление, из которого, по его ощущению, может прийти опасность. Зеркало должно было показать ближайшее продолжение движения — один из мно-

жества возможных шагов.

Первая поверхность отразила комнату без изменений. Каэл стоял внутри круга, Орен — у рамы, остальные — за защитной линией. Когда Кайрен поднял ладонь, Каэл остановился.

Его отражение сделало ещё один шаг.

Движение было небольшим и настолько естественным, что Эллиан сначала решил, будто сам неверно запомнил положение друга. Настоящий Каэл замер у второй метки. Отражённый перенёс вес на переднюю ногу, повернул корпус и посмотрел к боковой двери. Только после этого остановился.

— Не двигайся, — сказал Орен.

— Я и не двигался.

— Сейчас отражение совпало.

Каэл перевёл взгляд на Эллиана, не поворачивая головы.

— Ты видел?

— Да.

— Хорошо. Не люблю быть единственным человеком, которого собственное лицо игнорирует.

Орен повторил испытание. На этот раз Каэл должен был поднять здоровую руку, коснуться плеча и опустить её. Отражение следовало правильно до последнего движения. Когда настоящая ладонь остановилась у груди, зеркальная продолжила путь, потянулась к поясу и сжала пальцы там, где обычно висел нож.

Нож лежал на столе за кругом. Отражённый Каэл нахму-

рился, будто обнаружил отсутствие оружия, и посмотрел прямо на его настоящее местоположение. Затем движение оборвалось, и два образа снова совпали.

Кайрен сразу закрыл зеркало.

— Оно предсказывает привычную реакцию, — предположила Сайла, хотя голос её звучал менее уверенно, чем прежде. — Каэл услышал что-то у двери и потянулся к оружию.

— Я ничего не слышал, — сказал Каэл.

Тарен повернул голову к боковому проходу.

— Сейчас — нет.

— Очень обнадёживает.

Орен открыл другое зеркало, затем третье. В одном отражение Каэла задержалось на полшага позади, а после остановки быстро сократило расстояние, словно догоняло. В другом оно опередило его: повернуло голову к Эллиану прежде, чем настоящий Каэл услышал своё имя. На четвёртом испытании Кайрен попросил его выбрать одну из двух стрел, положенных на низкую подставку. Каэл потянулся к левой, но в последний момент взял правую.

Отражение выбрало левую.

Несколько секунд они существовали в разных решениях. Настоящий Каэл держал стрелу с серым оперением. В зеркале его пальцы сжимали чёрное. Оба посмотрели на предметы, затем отражённый Каэл поднял взгляд и едва заметно качнул головой — не повторяя движения настоящего.

Поверхность покрылась рябью.

— Закрыть, — сказал Тавериан.

Орен уже тянул ткань. Серебро погасло, но в последний момент отражённый Каэл повернулся к краю рамы, будто собирался выйти из видимого пространства.

Настоящий Каэл покинул круг без напоминания. Он выглядел спокойным, однако здоровая рука сразу нашла нож на столе и проверила ножны.

— Что именно оно показало? — спросил он.

— Не отдельное будущее, — ответил Орен. — По крайней мере, не так, как должно.

— Это я понял.

Смотритель провёл пальцем по одному из серебряных колец.

— Возможно, зеркало удерживало отвергнутую последовательность. Ты выбрал правую стрелу, но левая возможность не исчезла сразу.

— И решила продолжить без меня?

— Вероятность не принимает решений.

Каэл посмотрел на закрытую поверхность.

— Тогда кто качнул головой?

Орен не ответил.

Тарен вошёл в круг последним. В ротонде уже стало заметно холоднее. Кайрен дважды проверил защитные пластины, заменил нагревшуюся и предложил сделать перерыв. Тарен отказался, но не из упрямства. Он хотел закончить, пока

впечатления от остальных испытаний оставались свежими.

— Мне нужно держать посох? — спросил он.

— Как тебе удобнее, — сказал Орен. — Зеркало работает с присутствием, а не с предметами.

Тарен оставил посох за кругом. Без него и без дорожного плаща он выглядел моложе, почти так же, как в Риверфолле до отъезда Эллиана. Только ветвистый знак на браслете и усталость в лице напоминали, сколько всего произошло за последние месяцы.

Первое зеркало открылось. Оно показало пустой круг.

Меловые линии лежали на полу, медные пластины отражали свет, за ними стояли Эллиан, Каэл, Сайла и Тавериан. Орен находился у рамы. Кайрен — возле внешнего контура. В центре не было никого.

Настоящий Тарен поднял руку. В зеркале пустота не изменилась.

Сайла перестала писать.

— Поверхность исправна? — спросил Кайрен.

Орен коснулся рамы кольцом. На серебре вспыхнули контрольные точки, отразившие всех присутствующих, кроме Тарена.

— Исправна.

— Попробовать другую? — предложил Эллиан.

Орен закрыл первую и открыл вторую.

Сначала она тоже показала пустое место. Затем по серебру прошла тонкая тёмная трещина. Эллиан напрягся, но быст-

ро понял, что это не повреждение. Линия была ветвью. От неё отделилась вторая, третья, десятки мелких побегов. Они росли по поверхности, покрывая отражённые стены, обвивая оконную арку и уходя вверх, туда, где в настоящей ротонде находился каменный потолок.

Комната исчезла.

За зеркалом стоял лес из серебряных деревьев. Их стволы были гладкими, почти светящимися, листья напоминали тонкие пластины стекла. Между корнями поднимались здания, которых Эллиан никогда не видел: высокие узкие башни, соединённые мостами без опор, круглые дома с открытыми крышами, арки, ведущие не к улицам, а в участки тёмного неба. Всё это походило одновременно на город и на сад, выросший по законам, не признающим разницы между камнем и живой древесиной.

Среди деревьев стоял Тарен.

Не отражение настоящего положения и не точная копия. На нём была длинная светлая одежда, по краям которой двигались серебряные знаки. Волосы казались длиннее, лицо — немного старше или просто спокойнее. В одной руке он держал ветвь, похожую на посох, другая лежала на стволе дерева. За его спиной медленно кружили маленькие огни.

Настоящий Тарен не двигался.

Тот, другой, повернул голову.

— Ты узнаёшь место? — спросил Орен.

— Нет, — ответил Тарен. Голос его стал тише. — Но оно

узнаёт меня.

Каэл сделал полшага к защитной линии.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Очень конкретно.

— Конкретнее сказать не могу.

В зеркале другой Тарен поднял ладонь от дерева. Между пальцами вспыхнул серебряный свет. На мгновение из него сложились крылья бабочки, но знак рассыпался прежде, чем Эллиан успел решить, действительно ли его увидел.

— Серебряная бабочка, — тихо произнесла Сайла. — Это ведь один из знаков Лирантэль?

Тарен не отрывал взгляда от зеркала.

— Один из тех, что с ней связывают.

— Ты уже видел такую?

— Во сне. Иногда — перед тем, как происходило что-то странное.

Орен перевёл взгляд с изображения на Тарена.

— Сейчас она ощущается знакомой?

Тарен помолчал.

— Да. Но это ничего не доказывает. Зеркало могло взять образ из моей памяти.

— Или показать то, что мы ожидаем увидеть, — добавил Эллиан.

Орен коротко кивнул.

— Именно поэтому пока ничего не называем источником.

Тарен закрыл глаза. Серебряный лес продолжал жить без него: листья двигались, огни проходили между стволами, далёкие мосты меняли направление. Другой Тарен смотрел прямо перед собой, словно ожидал.

— Ветер, — произнёс настоящий Тарен. — Но не здесь. Он идёт из-за зеркала.

В ротонде воздух оставался неподвижным. Однако ветви на поверхности качнулись сильнее. Один из далёких мостов развернулся и соединил две башни. По нему прошли фигуры, слишком маленькие, чтобы различить лица.

— Это будущее? — спросил Каэл.

— Зеркало предназначено для вероятных последовательностей, — ответил Орен.

— Это не ответ.

— Нет. Не могу подтвердить, что перед нами будущее. Оно может показывать символическую структуру, чужой план, фейское пространство или возможность, не привязанную к нашему времени.

Другой Тарен сделал шаг к зеркалу. Кайрен положил ладонь на защитную пластину.

— Достаточно.

Орен потянулся к ткани, но серебряная поверхность внезапно потемнела по краям. Лес исчезал не сразу. Сначала пропали здания, затем мосты, потом дальние деревья. Последним остался другой Тарен. Он подошёл так близко, что лицо заполнило почти всё зеркало, и приложил ладонь к по-

верхности с той стороны.

Настоящий Тарен поднял руку.

— Не касайся, — резко сказал Эллиан.

Тарен остановился. Его пальцы остались в нескольких сантиметрах от серебра. Другой повторил движение не точно: его ладонь уже лежала на границе, а взгляд был направлен не на собственную копию.

Он смотрел на Эллиана. Потом перевёл глаза на Каэла. И лишь после этого — на Тарена.

Орен сорвал ткань с крепления. Зеркало погасло.

Тишина продержалась несколько ударов сердца. Каэл первым вошёл внутрь защитного круга, не спрашивая разрешения, и встал рядом с Тареном. Кайрен открыл рот, собираясь возразить, но передумал. Эллиан присоединился к друзьям с другой стороны.

— Ты в порядке? — спросил Каэл.

— Да.

— Это было убедительнее прошлого «лучше».

Тарен опустил руку.

— Я не почувствовал угрозы.

— Ты почувствовал место, которого не знаешь.

— Это не обязательно опасно.

Каэл посмотрел на закрытое зеркало.

— У нас разные представления о достаточных основаниях для беспокойства.

Эллиан коснулся локтя Тарена. Кожа была холодной, но

пульс оставался ровным.

— Оно смотрело на нас, — сказал он.

— Да.

— Не как отражение.

— Да.

Орен подошёл к раме и начал проверять кольцами её края. Серебро отвечало с задержкой. Контрольные знаки вспыхивали один за другим, но центральная точка оставалась тёмной.

— На сегодня обследование закончено, — произнёс смотритель.

— Остались ещё зеркала, — заметила Сайла, взглянув на список.

— Я умею считать.

— Тогда почему...

— Потому что продолжение без понимания уже полученных результатов будет не исследованием, а любопытством.

Он сказал это спокойно, однако Сайла сразу закрыла чернильницу. Кайрен стёр часть внешнего круга, размыкая защиту. Каэл вернул ножи, Эллиан — жезл и медальон. Тарен взял посох обеими руками и несколько секунд стоял, опираясь на него сильнее обычного.

В боковую дверь вошёл служитель с футляром Совета. Под совместными печатями Тавериана и Кайрена находилась карта из Риверфолла. Её должны были принести позднее, после завершения личных испытаний, но Орен, увидев

результаты, распорядился не ждать.

Футляр положили на свободный стол. Кайрен проверил обе печати, назвал время вскрытия и попросил Сайлу записать присутствующих. После этого Тавериан и мастер контуров одновременно коснулись серебряных застёжек. Крышка открылась.

Карта лежала неподвижно. Несколько секунд ничего не происходило. Затем серебряная линия, проведённая от старого пограничного знака, стала ярче. Она медленно продвинулась по коже на ширину ногтя и повернула к северному краю, туда, где условным знаком был отмечен Астрарий.

— Раньше она реагировала так? — спросил Орен.

— Только у пограничного знака, — ответил Эллиан. — В архиве и башне оставалась неподвижной.

Кайрен наклонился над столом, не касаясь поверхности.

— Значит, в Астрарии присутствует структура, достаточно близкая к той, которую карта уже распознала.

— Или созданная тем же способом, — сказал Тавериан. — Материал, схема плетения, общий магический почерк.

— Мы не знаем, что именно она распознаёт, — напомнил Эллиан.

Орен посмотрел на него с коротким одобрением.

— Верно. Пока фиксируем только реакцию.

Серебряная линия снова сдвинулась. На этот раз она не остановилась у условного знака академии, а прошла дальше по пустому участку карты и упёрлась в край кожи. Одновре-

менно в основной Галерее раздался звон.

Не удар колокола — тонкий, многократный звук серебряных рам, отозвавшихся одна за другой. Вслед за первым прозвенело второе зеркало, затем третье, четвёртое. Звон бежал по коридору, приближаясь к ротонде. Открытые поверхности вспыхивали белым светом. Люди в Галерее заговорили одновременно, кто-то приказал закрыть исследовательские круги, но зеркала продолжали отвечать.

Кайрен захлопнул футляр. Печати не успели сомкнуться.

Северная стена ротонды дрогнула. На ней проступила арка. Та самая, которую пять раз показывали зеркала Эллиана. Она не открылась и не стала настоящей дверью. Серебряный контур обозначил её на камне: две вертикальные линии, плавный свод и круглый знак в центре. Защитные узоры вокруг стены отступили, будто всегда оставляли для арки место, хотя Эллиан точно помнил гладкую кладку.

— Никому не приближаться, — сказал Кайрен.

Каэл уже стоял между стеной и друзьями, здоровая рука лежала на рукояти ножа. Тарен поднял посох. Орен не смотрел на арку. Он следил за зеркалами, отражавшими её из разных углов.

— Это не проход, — произнёс он. — Только проявление структуры.

— Какой? — спросила Сайла.

— Пока неизвестно.

Тавериан подошёл к стене настолько близко, насколько

позволял защитный круг.

— В видениях дверь была закрыта.

— Она и сейчас закрыта, — сказал Эллиан.

— В видениях вы стояли перед ней ночью.

Каэл бросил взгляд на высокие окна. Снаружи всё ещё было утро.

— Значит, хотя бы одна часть не совпала.

Последнее зеркало в основной Галерее прозвенело. Арка погасла. На стене осталась тонкая серая линия, похожая на старый след от рамы. Карта под крышкой футляра перестала светиться.

Служители начали закрывать зеркала. Орен отдавал короткие распоряжения, Кайрен восстанавливал печати, Сайла пыталась одновременно записывать время, последовательность звона и положение арки. Эллиан чувствовал, как прежняя академическая привычка требует присоединиться к работе: измерить ширину следа, проверить остаточную магию, сравнить видение с проявившейся структурой. Другая часть сознания продолжала видеть Тарена среди серебряных деревьев и Каэла, чьё отражение выбрало другую стрелу.

— Это уже происходило? — спросил он у Орена.

Смотритель закончил закрывать ближайшее зеркало.

— В таком виде — нет.

— А в другом?

Орен посмотрел в сторону дальней двери.

— Архимаг должен ответить сам.

Элдриан появился раньше, чем за ним успели послать. Он вошёл в Галерею без свиты, в тёмной мантии с серебряной и золотой отделкой. Длинные волосы лежали на плечах, один глаз был холодно-синим, другой золотым. Вокруг него в зеркалах возникали отражения — не одновременно и не в точном соответствии с движениями. Одно задержалось у входа, другое повернуло голову к карте, третье посмотрело на стену, где только что существовала арка.

Сам Элдриан остановился возле футляра.

— Кто открыл карту?

— Я распорядился, — ответил Орен. — После трёх необычных результатов обследования.

— Результаты были не несовместимыми, — сказал Тавериан. — Напротив. Слишком согласованными.

Элдриан посмотрел на троицу. Когда взгляд дошёл до Тарена, в спокойном лице архимага ничего не изменилось, но пауза оказалась чуть длиннее.

Орен кратко изложил произошедшее. Он говорил без предположений: пять повторов одной сцены у Эллиана, продолжающиеся движения отражения Каэла, отсутствие обычного образа Тарена и появление неизвестного пространства, реакция карты, звон Галереи, проявление арки. Сайла передала ему записи. Элдриан прочитал первые строки и вернул листы.

— Мне нужно увидеть, что происходит с зеркалами, — сказал Элдриан.

Орен покачал головой.

— После нашей проверки Галерею опечатали. До осмотра Кайрена ни одно исследовательское зеркало активировать нельзя.

Элдриан помолчал.

— Тогда остаются мои.

Орен посмотрел на него внимательнее.

— Личный круг?

— Да.

В Галерее стало ещё тише.

Эллиан знал о семи личных зеркалах Элдриана примерно столько же, сколько знали большинство старших учеников Астрария: они существовали, не использовались на занятиях и хранились где-то в закрытой части покоев архимага. На этом достоверные сведения заканчивались. За два года учёбы Эллиан ни разу их не видел, а Тавериан, когда разговор случайно касался личного круга, обычно ограничивался замечанием, что некоторые исследовательские инструменты не предназначены для ученического любопытства.

Поэтому, когда Элдриан объявил, что воспользуется своими зеркалами, Эллиан ожидал долгого перехода через закрытые корпуса или хотя бы очередной проверки допуска.

Вместо этого архимаг повёл их к верхним жилым ярусам Главной башни.

Здесь Астрарий менялся. Исчезали указатели аудиторий и серебряные таблички исследовательских служб, коридоры

становились уже и тише, а двери встречались всё реже. Эллиан прежде бывал в этой части башни только дважды — оба раза в кабинете Элдриана — и дальше приёмной никогда не проходил.

Архимаг остановился у боковой стены неподалёку от входа в свои личные покои. Эллиан сначала даже не понял почему: перед ними находилась гладкая плита лунного гранита без ручки, замка или заметного контура двери.

Элдриан приложил ладонь к серебряной вставке в камне. Несколько мгновений ничего не происходило. Затем из-под его пальцев разошлись тонкие светлые линии. Они очертили высокий дверной проём там, где секунду назад была сплошная стена. По краям вспыхнули несколько знаков, слишком быстро исчезнувших, чтобы Эллиан успел их разобрать.

Камень беззвучно отступил внутрь.

— Орен, Кайрен, Тавериан — со мной, — сказал Элдриан.
— Эллиан, Каэл и Тарен тоже войдут.

— А я? — сразу спросила Сайла.

Элдриан посмотрел на неё.

— Мне нужен независимый протокол, — сказала она прежде, чем Элдриан успел ответить. — Я могу вести запись.

Архимаг несколько мгновений смотрел на неё.

— Хорошо. Войдёшь как писарь. Ничего не касайся.

— Даже и не собиралась.

Каэл посмотрел на неё.

— Точно собиралась.

Сайла одарила его холодным взглядом и первой достала блокнот.

Каэл тихо наклонился к Эллиану.

— Она всегда такая?

— Сдержаннее обычного.

Дверь открылась без звука. За ней находилась закрытая зеркальная комната, принадлежавшая личному кругу архимага. Здесь не было исследовательских столов, табличек и защитных тканей. Семь высоких зеркал стояли по окружности, каждое в собственной раме. Одно обвивали тонкие золотые ветви. Другое было заключено в чёрный камень. Третье имело раму, похожую на сложенные ладони. Остальные отличались формой и материалом, но все были выше человеческого роста.

Когда Элдриан вошёл, шесть поверхностей ожили.

В первой появился архимаг в светлой одежде, с усталым и мягким лицом. Во второй — более суровый, коротко остриженный, со знаком власти на груди. В третьей серебряный мужчина стоял без мантии и знаков Астрария, словно никогда не занимал никакой должности. Четвёртый выглядел измождённым, почти сломленным. Пятый носил тяжёлую защитную одежду, покрытую серебряными письменами. Шестой стоял среди пустого зала, в котором не осталось никого другого.

Они не копировали движения настоящего Элдриана. Каждый смотрел на вошедших по-своему: один с сочувстви-

ем, другой настороженно, третий почти равнодушно. Эллиан ощутил, как волосы поднимаются на затылке. Перед ним были не обычные предсказания и не простые иллюзии. В каждом отражении присутствовало нечто слишком похожее на собственное намерение.

Седьмое зеркало оставалось пустым.

Его поверхность не отражала комнату, людей или свет. Внутри стояла ровная серебристая темнота, не похожая на обычное стекло. Рама была без украшений, только у основания проходила тонкая трещина, слишком аккуратная для случайного повреждения.

Орен остановился.

— Оно не отвечает.

Элдриан подошёл к пустому зеркалу.

— Мне это известно.

Кайрен повернул голову.

— С какого времени?

— Достаточно давно. Поверхность была повреждена ещё до нынешних событий и не связана с реакцией Галереи.

Ответ прозвучал сразу — раньше, чем мастер контуров закончил рассматривать трещину.

Тавериан ничего не сказал. Только посмотрел на Эллиана. Это был короткий взгляд, но Эллиан понял его без объяснений.

Архимаг ждал вопроса.

Орен приблизился к раме и поднял руку с серебряными

кольцами.

— В журнале Галереи нет записи о повреждении.

— Мой личный круг не входит в общий журнал.

— Но входит в систему безопасности.

— Угроза была исключена.

— Кем?

Элдриан перевёл взгляд на зрителя.

— Мной.

В одном из шести зеркал суровый Элдриан едва заметно усмехнулся. Тот, что стоял без мантии, отвернулся. Защитник положил ладонь на раму изнутри.

Пустая поверхность не изменилась.

— Что находилось в нём раньше? — спросил Каэл.

Кайрен посмотрел на него, но Элдриан ответил.

— Одна из возможных версий меня.

— И куда она делась?

— Если бы я знал, зеркало не оставалось бы пустым.

Впервые с момента входа спокойствие его голоса дало трещину. Не страх, не раздражение — усталость, слишком старая, чтобы возникнуть сегодня. Она исчезла почти сразу.

Тарен смотрел не на Элдриана, а на пустое серебро.

— Оно не кажется сломанным.

— На каком основании? — спросил Орен.

— Сломанные вещи сохраняют место, где были частью целого. Здесь место свободно.

Эллиан почувствовал, как Ткань возле зеркала едва замет-

но дрогнула. Не откликнулась на слова — скорее отозвалась на само присутствие Тарена. Ветвистый знак на его браслете снова проступил ярче.

В пустой поверхности появилась тонкая линия.

Кайрен мгновенно поднял защиту. Белый свет прошёл по полу, отделяя зеркало от остальных. Каэл шагнул перед Тареном, хотя раненая рука не позволяла ему достать лук. Эллиан выхватил жезл.

Линия на серебре медленно изогнулась. Она была похожа на край двери. Затем исчезла.

Шесть отражений Элдриана одновременно повернули головы к пустому месту. Ни одно не посмотрело на настоящего архимага.

— Закрываем круг, — сказал Элдриан.

— Сначала нужно зафиксировать реакцию, — возразил Орен.

— Она зафиксирована свидетелями.

— Нам необходимо проверить...

— Нет.

Одно слово прозвучало негромко, но все шесть зеркал потемнели одновременно. Отражения исчезли. В комнате остались семь поверхностей: шесть обычных, отражавших людей и стены, и одна пустая.

— Обследование прекращено до пересмотра защит. Карта остаётся под двойной печатью. Никто не работает с зеркалами в одиночку. Орен, составь список всех повторяющихся

видений за последние тридцать дней. Кайрен, проверь возможное сходство Галереи с древними структурами, отмеченными на карте. Тавериан, сравни сегодняшнюю сцену с записями Эллиана.

Он повернулся к троице.

— Вы возвращаетесь в гостевой корпус и отдыхаете до дальнейших распоряжений.

Каэл чуть прищурился.

— Это просьба или ограничение доступа?

— Просьба, основанная на том, что двое из вас ещё не восстановились после вчерашнего боя, а третий провёл пять последовательных сеансов прорицания.

— Так понятнее.

Элдриан задержал взгляд на нём, затем кивнул. Он не стал повторять прежнее объяснение пустого зеркала и не предложил более убедительного.

Обратно их вывел Тавериан. Сайла осталась у внешней ротонды передавать записи Орену, Кайрен занялся защитными пластинами, а Элдриан запер личную зеркальную комнату изнутри. Когда они вернулись в галерею, зеркала в ней уже снова стояли под серебряными тканями. Галерея казалась обычной и потому особенно неестественной.

Некоторое время они шли молча. Каэл держался рядом с Тареном. Тот смотрел перед собой, но один раз остановился у окна, словно услышал ветер с другой стороны стекла. Эллиан снова и снова возвращался мыслями к неизвестной ар-

ке, к отражению Каэла с другой стрелой, к серебряному лесу и пустому месту среди семи возможных Элдрианов.

У развилки Тавериан остановился.

— Каэл, Тарен, гостевой корпус прямо по мосту. Мне нужно на минуту задержать Эллиана.

Каэл посмотрел на Эллиана, проверяя, не возражает ли он. Тот кивнул.

— Мы будем в гостинной, — сказал следопыт. — И постараемся не принимать решений без наблюдения зеркал.

— Полагаю, это возможно, — ответил Тавериан.

— Здесь я уже ни в чём не уверен.

Тарен ушёл вместе с Каэлом. Они не обернулись, но Эллиан видел, как Каэл замедлил шаг, подстраиваясь под друга.

Когда мост опустел, Тавериан подошёл к окну. Внизу туман расходился над озером, открывая тёмную воду и крошечные крыши станции. Наставник долго молчал. Раньше Эллиан выдерживал такие паузы спокойно, зная, что Тавериан формулирует мысль. Сегодня молчание казалось частью вопроса.

— Вы знали о пустом зеркале? — спросил он.

— Нет.

— Орен тоже не знал.

— Судя по его лицу, нет.

— Но Элдриан сказал, что оно пустует давно.

Тавериан провёл пальцем по каменному подоконнику.

— Возможно, говорит правду.

— Вы ему не верите.

— Я не сказал этого.

— Вы посмотрели на меня.

— Потому что ты тоже услышал ответ.

Эллиан вспомнил точность интонации архимага, готовую формулировку, мгновенное отделение старого повреждения от нынешнего кризиса.

— Он ответил до того, как Кайрен закончил вопрос.

— Да.

— Значит, ожидал, что мы увидим зеркало.

— Или много раз объяснял это самому себе.

Эллиан посмотрел на закрытые двери Галереи.

— Как возможная версия человека может исчезнуть из зеркала?

— Этого я не знаю.

— Вы умеете говорить «не знаю» значительно убедительнее Совета.

— Долгая практика.

— А если отражение не исчезло?

Тавериан повернулся к нему. В его лице не было ни удивления, ни одобрения — только внимание наставника, который не собирался давать готовый вывод.

— Продолжай.

— Если зеркало не сломано, а место действительно свободно, как сказал Тарен... тогда возможная версия Элдриа-на могла оказаться где-то ещё.

— Где?

— В другом зеркале. В Галерее. В Ткани. — Эллиан замолчал, чувствуя, как предположение становится опаснее с каждым словом. — Или снаружи.

За дверями что-то тихо звякнуло. Обычный звук остывающей серебряной рамы.

Тавериан посмотрел в сторону Галереи.

— Пока это только гипотеза.

— Знаю.

— Не вывод.

Эллиан невольно улыбнулся. Эту формулировку он слишком часто повторял Лорену в Риверфолле.

— Наблюдение, — сказал он.

— Хорошо. Тогда начнём с наблюдений.

Они пошли к гостевому корпусу. На первом мосту Эллиан оглянулся.

Из-за поворота Галерею почти не было видно. Только одно высокое окно отражало утреннее небо. На мгновение в тёмном стекле проступила серебряная фигура — высокий мужчина с длинными светлыми волосами, стоявший по другую сторону.

Эллиан остановился. Отражение исчезло. В окне остались лишь башни, облака и его собственное лицо.

— Что? — спросил Тавериан.

Эллиан всмотрелся в стекло ещё раз. Ничего.

— Не уверен.

Наставник не потребовал более точного ответа. Они продолжили путь, а за их спинами личная зеркальная комната Элдриана хранила шесть отражений.

Седьмое зеркало оставалось пустым — и теперь Эллиан уже не мог считать эту пустоту отсутствием ответа.

Глава V. Лунные купальни

К середине дня Эллиан обнаружил, что способен записать пять взаимоисключающих объяснений поведения зеркал и ни одного — поведения Элдриана.

Он сидел за низким столом в общей гостиной, окружённый листами, на которых аккуратные строки постепенно превращались в сеть стрелок, уточнений и перечёркнутых выводов. Первая страница была посвящена повторявшейся арке. Вторая — движениям отражения Каэла. На третьей Эллиан пытался описать серебряный лес, увиденный вместо Тарена, не называя его ни будущим, ни фейским владением, ни символической проекцией. Четвёртую занимала схема личного круга архимага: шесть действующих зеркал, одно пустое и тонкая линия, появившаяся в серебре после того, как к нему приблизился Тарен. Пятая страница оставалась почти чистой. Вверху было написано: «Что именно скрывает Элдриан?» Ниже Эллиан трижды начинал предложение и каждый раз останавливался, потому что любое продолжение превращало наблюдение в обвинение.

За окном туман поднялся до нижних мостов и медленно переливался через каменные перила, словно озеро решило вернуть себе утёс. Солнце исчезло, хотя до вечера оставалось несколько часов. В комнате горели две настенные лампы, серебряные узоры на дверях мерцали ровно, а из спальни Ка-

эла доносились звуки борьбы человека с одеждой. Сначала упал сапог. Затем что-то деревянное ударилось о стену. После короткой паузы Каэл произнёс несколько слов, которые вряд ли входили в рекомендованный лекарями порядок восстановления.

Эллиан положил перо.

— Тебе помочь?

— Нет, — отозвался Каэл из-за двери. — Всё под контролем.

В следующую секунду раздался ещё один удар.

Тарен, сидевший на подоконнике с раскрытой книгой, не поднял головы.

— Теперь под контролем две вещи, — заметил он. — Каэл и то, на что он упал.

— Я ни на что не падал.

— Тогда предмет упал на тебя.

Дверь распахнулась. Каэл вышел в гостиную в чистой рубашке, застёгнутой только до середины, и с выражением человека, который победил чрезвычайно достойного противника. Левую руку он по-прежнему держал осторожно. Повязку сменили после осмотра: теперь плечо и верхнюю часть груди пересекала широкая полоса полупрозрачной ткани, пропитанной лекарским составом. На поверхности поблёскивали мелкие знаки, не позволявшие краям раны расходиться при движении. Академический лекарь заявила, что через три дня Каэл сможет свободно пользоваться рукой, ес-

ли не станет стрелять, драться, поднимать тяжести, карабкаться по скалам и «проверять, насколько строго следует понимать предыдущие четыре запрета».

Каэл счёл последнюю часть личным выпадом.

— Рубашки Астрария устроены неправильно, — сообщил он, садясь в кресло. — У них слишком много застёжек.

— Это твоя рубашка, — напомнил Эллиан.

— За два дня здесь она переняла местные недостатки.

Тарен перелистнул страницу.

— Не спорь. Ещё немного, и он обвинит академию в расположении рукавов.

— Рукава действительно можно было расположить удобнее.

Эллиан снова взял перо, но не успел коснуться бумаги. В дверь постучали — два коротких удара, пауза и третий, слишком уверенный, чтобы принадлежать служителю. На пороге стояла Сайла. В одной руке она держала свёрнутую серебряную пластину с расписанием, в другой — небольшую корзину, из которой пахло мятой и горячим хлебом. Её сумка с записями висела через плечо, волосы выбились из причёски, а на лице оставалось выражение человека, который последние несколько часов объяснял магистрам разницу между «необычным результатом» и «результатом, после которого разумно закрыть здание».

— Орен запретил открывать Галерею до утра, — сказала она вместо приветствия. — Кайрен проверяет стену, Эл-

дриан заперся в личном круге, Совет спорит, было ли произошедшее ожидаемым, и трое преподавателей уже подали просьбы получить доступ к вашим протоколам.

— Им отказали? — спросил Эллиан.

— Двоим. Третий указал собственное имя в разделе «основание для допуска» и теперь составляет новое обращение. Я принесла еду, потому что обед вы пропустили, и распоряжение лекарей, потому что Каэл выглядит так, будто собирается заявить о полном выздоровлении до ужина.

Каэл откинулся на спинку кресла.

— Я ничего не заявлял.

— У дверей лечебного крыла ты спросил, считается ли лук тяжёлым предметом, если стрелять правой рукой.

— Это был теоретический вопрос.

— Лекарь назвала его угрозой общественному порядку.

Сайла поставила корзину на стол, сдвинув один из листов Эллиана. Он машинально потянулся вернуть запись на прежнее место, но увидел заголовок и остановился. Сайла тоже заметила вопрос о сокрытой правде Элдриана, однако ничего не сказала. Вместо этого она развернула серебряную пластину. На ней светились три имени и короткое предписание: отдых, тёплая вода, отсутствие сложной магии до следующего утра.

— Нижние купальни? — прочитал Эллиан.

— Бринна решила, что вам полезно провести хотя бы час не в Галерее, архиве или комнате, где ты можешь самостоя-

тельно построить ещё семь гипотез. Она даже заранее уточнила у лекаря насчёт Каэла. В тёплую воду ему можно, если повязка останется сухой и он не станет плавать.

Каэл нахмурился.

— Совсем?

Сайла посмотрела на него.

— Плавать нельзя, — добавила Сайла.

— А нырять?

— Вот поэтому тебе и запретили плавать.

— Каэл, — произнёс Эллиан, стараясь говорить спокойно, — сегодня ты не плаваешь.

— Я уже услышал.

— Я могу заморозить воду вокруг тебя.

Каэл перевёл взгляд на Эллиана.

— Ты бы не стал.

— Не проверяй строгость формулировки.

Сайла улыбнулась и протянула Эллиану пластину. Внизу, под предписанием, находился временный знак доступа в Нижнее крыло. Эллиан знал купальни слишком хорошо, чтобы нуждаться в указаниях. В первый год он ходил туда редко, предпочитая небольшие душевые при ученическом корпусе: так было быстрее и не требовало поддерживать разговоры после целого дня занятий. На втором году Сайла несколько раз вытаскивала его в тёплые бассейны после особенно тяжёлых прорицаний, а Тавериан однажды прямо запретил возвращаться в библиотеку, пока Эллиан не проведёт в источ-

нике не меньше часа. Тогда требование показалось ему чрезмерным. Теперь он начал подозревать, что наставник просто искал способ на время отделить его от письменного стола.

— Ты идёшь с нами? — спросил Тарен у Сайлы.

— Не сегодня. Мне нужно переписать протокол до заседания. Кроме того, Риан уже вызвался показать дорогу.

Каэл насторожился.

— Мы знаем дорогу.

— Эллиан знает. Вы двое пока различаете корпуса по степени неодобрения на лицах служителей.

— У главной башни они смотрят строже, — сказал Тарен.

— У библиотеки — печальнее.

— Видишь? Уже освоились.

Сайла направилась к двери, но остановилась, коснувшись косяка.

— Ещё одно. В купальнях запрещены прорицания, зеркальные чары и любые попытки определить, кто первым выйдет из холодного бассейна. Последнее правило появилось после Риана.

— Я не участвовал, — раздался голос из коридора. — Я только предложил объективный способ измерения.

Риан стоял у стены, скрестив руки. На нём не было ученической мантии — только простая тёмная рубашка, брюки и лёгкий плащ, застёгнутый у горла. Без академических знаков он выглядел моложе и менее высокомерно, хотя выражение лица быстро исправляло второе впечатление.

— Ты пришёл раньше, — заметила Сайла.

— Я предположил, что Торвис попытается отказаться ради записей.

Эллиан посмотрел на стол.

— Не собирался.

Риан перевёл взгляд на пять исписанных листов.

— Разумеется.

— Я могу одновременно отдыхать и думать.

— Именно поэтому тебя иногда заставляли отдыхать в местах, где бумага размокает.

Сайла прошла мимо него и тихо сказала:

— Проследи, чтобы никто не утонул.

— Почему ты смотришь на меня?

— Потому что Эллиан будет анализировать течение, Каэл — проверять глубину, а Тарен, вероятно, решит, что подземная вода пытается ему что-то сообщить.

Тарен слегка нахмурился.

— Сначала я бы выслушал.

Сайла остановилась и посмотрела на него так, словно всерьёз решала, следует ли немедленно отменить собственный уход.

— Именно этого я и боюсь.

Тарен едва заметно улыбнулся. Сайла покачала головой и направилась по коридору.

— Теперь я понимаю, почему Тавериан иногда просто молчит, — сказала она через плечо. — Это единственная за-

щита от лишних сведений.

Нижнее крыло находилось на двух уступах ниже гостевого корпуса, в старейшей части Астрария, где здания не столько стояли на утёсе, сколько были вырублены внутри него. Дорога шла по крытому переходу, затем спускалась широкой лестницей, огибавшей скалу. Чем ниже они оказывались, тем теплее становился воздух. На стенах появлялись тёмные влажные пятна, серебряные прожилки уступали место молочно-белым кристаллам, а сквозь камень доносился глухой шум подземной воды. Окна исчезли. Вместо них в потолке горели круглые светильники, похожие на маленькие луны, и их мягкий свет отражался от пола так, будто лестница была покрыта тонким слоем инея.

Риан шёл впереди, время от времени здороваясь со встречными учениками и служителями. Здесь люди двигались медленнее, без книг и футляров, в простых домашних одеждах. Навстречу прошла пожилая архивистка с полотенцем на плече, за ней двое учеников спорили о том, можно ли считать сон после купальни частью исследовательского распорядка. Никто не обращал особого внимания на Каэла, Тарена или ветвистый знак на браслете. Эллиан впервые за два дня заметил, как напряжение в плечах Тарена немного ослабло.

— Почему «лунные»? — спросил Каэл, когда лестница вывела их к круглой двери из светлого камня. — Мы внутри

утёса. Луны здесь нет.

— Есть световые колодцы, — ответил Эллиан. — Они проходят через верхние ярусы и собирают ночной свет. В ясные вечера он попадает в центральный бассейн.

— Вы провели лунный свет через половину горы ради купания?

Риан оглянулся.

— В Астрарии провели лунный свет через половину горы ради наблюдения за тем, как он меняет свойства воды. Купаться разрешили позднее, когда выяснилось, что ученики всё равно туда пробираются.

— То есть это опасный научный объект со скамейками?

— В общих чертах — да.

У двери находилась бронзовая табличка с правилами. Кал остановился и прочитал их вслух:

— «Не использовать магию огня. Не охлаждать источники ниже допустимой температуры. Не перемещать каменные перегородки. Не вызывать духов воды. Не проверять подлинность отражений после десяти часов вечера», — он повернулся к Эллиану. — Последнее звучит особенно спокойно.

— Отражения в воде иногда задерживаются, — объяснил тот. — Обычно на несколько секунд.

— Ты мог упомянуть это раньше.

— Ты не спрашивал о купальнях.

— За десять недель дома ты успел рассказать о семи видах прорицательных зеркал, трёх способах неправильно запеча-

тать хронику и преподавателя, который предсказал собственное опоздание. Горячие источники почему-то не вошли в твой перечень.

— Моя выборка не была полным описанием Астрария.

— Теперь я вижу главный недостаток твоего отбора сведений.

Тарен приблизился к табличке и прочитал мелкую приписку внизу:

— «Не спрашивать смотрителя, какое происшествие стало причиной каждого правила».

— Он устал отвечать, — сказал Риан.

— Ты знаешь причины?

— Большинство.

— И расскажешь?

Риан открыл дверь.

— Только те, в которых не участвовал.

За дверью располагался широкий предбанник с каменными скамьями, шкафчиками и тремя арочными проходами. Воздух пах мылом, нагретым минералом и свежей мятой. У стойки сидел смотритель — плотный мужчина с седой бородой, читавший свиток через очки с одним треснувшим стеклом. Он поднял голову, проверил серебряную пластину Эллиана и отдельно осмотрел повязку Каэла.

— Лекарское разрешение?

Каэл протянул тонкую дощечку. Смотритель прочитал её и указал пальцем на последнюю строку.

— Только тёплый бассейн. Без холодной воды, ныряния и плавания. Повязку не снимать. Если знаки потемнеют — выйти сразу.

— А если потемнеют совсем немного?

Мужчина посмотрел поверх очков.

— Тогда выйдешь совсем немного раньше, чем я тебя вытащу.

Риан тихо кашлянул, скрывая смех. Каэл убрал дощечку.

— Формулировка достаточно точная.

— Я работаю с учениками сорок лет.

— Я не ученик.

— Вопросам соблюдения правил разницы нет.

Шкафчики не имели замков. Вместо них на дверцах находились простые знаки имени, которые исчезали после возвращения одежды владельцу. Полотенца выдавали у входа: длинные, светло-серые, достаточно широкие, чтобы обернуть вокруг бёдер или плеч.

К совместным купальням в Астрарии относились просто. Ученики, преподаватели, служащие и гости пользовались одними источниками, выбирая бассейны по свободному времени, а не по полу или положению. К наготe здесь быстро привыкали и обычно обращали на неё не больше внимания, чем на чужую одежду.

Когда Каэл начал снимать рубашку, Эллиан прежде всего заметил повязку и старые шрамы вокруг неё.

Он видел Каэла без рубашки прежде — на берегу Сарве-

на, после тренировок, во время перевязок и слишком многих летних дней, когда трое друзей сбрасывали одежду на берегу и наперегонки лезли в Сарвен. Но теперь Эллиан впервые за долгое время смог рассмотреть, насколько тот изменился. Каэл стал шире в плечах, сильнее и тяжелее, чем мальчишка, которого он помнил до отъезда. Мышцы двигались под загорелой кожей естественно, как следствие дороги, лука и постоянной работы. Через правый бок проходил тонкий белый шрам, ниже рёбер виднелся второй, неровный и более старый. На предплечьях оставались следы когтей, порезов и ожогов от тетивы. Некоторые Эллиан знал. Другие видел впервые. Их оказалось слишком много для человека, который обычно сообщал о ранениях словами «ничего серьёзного».

Каэл заметил его взгляд и посмотрел на себя, словно пытался определить, какой именно шрам привлёк внимание.

— Собираешься провести полный осмотр? — спросил он, проведя пальцем возле белой линии на боку.

— Пытаюсь понять, сколько ещё подобных вещей ты счёл недостаточно важными, чтобы упомянуть.

— Тогда это всё-таки расследование.

Когда рубашку снял Эллиан, Каэл окинул его взглядом и удивлённо поднял брови. За два года в Астрарии тот вытянулся и окреп, привык к ежедневным лестницам, тренировкам с посохом и фехтованию, которое Тавериан считал полезным для мага, слишком склонного оставаться неподвиж-

ным во время расчётов.

— Ты всё это время тренировался? — спросил Каэл с искренним удивлением.

— В Астрарии есть обязательная физическая подготовка. Риан рассмеялся.

— Эллиан даже посещал её добровольно. Иногда.

— Дважды в неделю, — возразил тот.

— После того как Тавериан пригрозил перенести семинары в фехтовальный зал.

— Угроза была педагогически сомнительной.

— Но эффективной.

Тарен снял рубашку последним. Рядом с Каэлом он казался почти тонким, однако впечатление исчезало, стоило ему поднять руки и собрать волосы. Под светлой кожей проступали крепкие мышцы плеч и спины; годы работы с посохом, землёй и тяжёлыми корзинами трав оставили след, не похожий ни на академическую выучку Эллиана, ни на силу Каэла.

Риан удивлённо поднял брови.

— Вы в Риверфолле вообще умеете выбирать занятия, не требующие таскать что-нибудь тяжёлое?

— Эллиан выбирает книги, — сказал Тарен.

— Они тоже тяжёлые, — отозвался Каэл.

— Поэтому он берёт несколько.

Главный зал купален был вырублен в огромной естественной полости. Каменные своды терялись в мягком сиянии све-

товых колодцев, а между белыми колоннами лежали пять бассейнов разной глубины. Центральный имел форму полумесяца. Вода в нём светилась изнутри бледно-голубым, отражая круглые отверстия в потолке. По краям располагались тёплые источники, небольшой прохладный бассейн и длинная дорожка для плавания. Из стены стекал тонкий водопад; пар поднимался над ним и собирался под потолком серебристым облаком.

В купальнях находилось около десятка человек. Несколько совершеннолетних учеников сидели у дальнего борта, преподавательница с короткими волосами читала записку, не обращая внимания на влажные края бумаги, двое служителей разговаривали возле водопада. Никто не посмотрел на вошедших.

Каэл снял полотенце и вошёл в тёплый бассейн, осторожно удерживая перевязанное плечо над водой. Эллиан последовал за ним и сел напротив, погрузившись почти до груди. После прохладных коридоров вода казалась слишком горячей, но напряжение в мышцах постепенно отступало.

Каэл устроился у борта и попытался положить обе руки на камень, однако сразу поморщился и вернул раненую ближе к груди.

— Болит? — спросил Эллиан.

— Только когда двигаю.

— Тогда не двигай.

— Поразительная лечебная методика.

— Могу записать, чтобы ты не забыл.

— Лучше не надо. Здесь и без того слишком много людей ведут записи о моём поведении.

Риан и двое старших учеников заняли соседнюю часть бассейна. Разговор быстро перешёл к утреннему происшествию, но Риан пресёк вопросы о зеркалах, заявив, что купальни — единственное место Астрария, где человек имеет право не обсуждать собственное будущее. Каэл немедленно спросил, распространяется ли право на чужое прошлое, и через несколько минут уже рассказывал, как Эллиан в тринадцать лет пытался доказать, что умеет нырять дольше всех, а затем зацепился плащом за корень.

— На мне не было плаща, — возразил Эллиан.

— Был.

— Мы купались в реке.

— Именно поэтому это выглядело особенно странно.

Тарен опёрся локтями о край бассейна.

— Это был мой плащ. Эллиан держал его, пока я заходил в воду.

Каэл задумался.

— Смысл истории сохраняется.

— Смысл истории состоит в том, что ты столкнул меня с берега.

— Я помог тебе начать испытание.

Риан посмотрел на Эллиана.

— Ты умеешь плавать?

— Достаточно хорошо.

— Он однажды переплыл Сарвен у старых порогов, — сказал Каэл, и в голосе прозвучала гордость, которую он не попытался скрыть. — Правда, потом три дня кашлял и утверждал, что холодная вода не имеет отношения к случившемуся.

— Я не утверждал этого.

— Ты составил список других причин.

— Корреляция не доказывает...

— Вот. Именно так и утверждал.

Риан перевёл взгляд с Эллиана на длинную плавательную дорожку.

— Когда плечо Каэла заживёт, устроим заплыв, — предложил Риан.

— Договорились.

— До полного выздоровления.

— Три дня.

Тарен вздохнул.

— Лекарю не стоило называть точный срок.

Каэл усмехнулся.

— Поздно.

Разговор стал легче. Один из старших учеников предложил проверить, кто дольше удержит на ладони плавающий камень без магии; другой проиграл Тарену, обнаружив, что тот умеет сохранять руку неподвижной почти бесконечно. Риан попытался объяснить поражение неправильной фор-

мой камня. Каэл заявил, что академическое образование даёт удивительное количество способов не признавать очевидное. Эллиан слушал, иногда отвечал и впервые с момента входа в Галерею перестал выстраивать версии произошедшего.

— Кстати, раз уж выяснилось, что Торвис умеет плавать, — сказал Риан, кивнув на длинный бассейн, — предлагаю всё же проверить это опытным путём.

— Нет, — одновременно ответили Эллиан и Каэл.

Риан посмотрел на следопыта.

— Ты то чего против?

— Потому что я уже знаю результат.

— Ты не видел, как он плавал последние два года.

Каэл опёрся здоровой рукой о край бассейна и слегка прищурился.

— А ты видел?

— Нет. Именно поэтому предлагаю проверку.

— Удивительно, как в Астрарии любопытство всегда пытается выдать себя за научную необходимость, — заметил Тарен.

Риан проигнорировал его и повернулся к Эллиану.

— Один заплыв до дальней стены. Без магии. Проигравший признаёт, что неверно оценил способности другого.

— Ты уже неверно их оценил, — сказал Эллиан. — Следовательно, испытание не требуется.

— Это утверждение требует доказательства.

Каэл тихо рассмеялся.

— Иди. Иначе он будет объяснять это до ужина.

Эллиан посмотрел на него.

— Минуту назад ты сказал «нет».

— Я пересмотрел решение после появления новых обстоятельств.

— Каких?

— Хочу увидеть лицо Риана, когда он проиграет.

В голосе Каэла звучала привычная насмешка, но на этот раз он не пытался остановить Эллиана или напомнить ему об осторожности. Наоборот, явно ждал, что тот сейчас утрёт Риану нос. Эллиан поймал себя на том, что ему это нравится. Наконец Каэл начал учиться не бросаться защищать его от каждой возможной неприятности.

Они перешли к плавательной дорожке. Вода там была прохладнее, чем в основном бассейне, и доходила Эллиану до груди. Риан встал рядом, собрал волосы и попросил одного из старших учеников дать знак. Каэл устроился у борта, держа раненое плечо над водой. Тарен сел рядом и предупредил, что не станет разнимать спор, если проигравший внезапно обнаружит ошибку в правилах.

— До дальней стены и обратно, — сказал Риан. — Касание камня обязательно.

— Никаких чар, — добавил старший ученик.

— Это подразумевалось.

Сигнал прозвучал неожиданно. Риан бросился вперёд

сильным, быстрым гребком, подняв за собой широкую волну. Эллиан ушёл под воду почти без всплеска. Первые секунды он слышал только гул источников и собственное дыхание. Тело вспомнило движение раньше мысли: вытянуться, оттолкнуть воду, не тратить силу на лишний подъём головы. В детстве Каэл учил его не бороться с течением Сарвена, а искать в нём опору. В Астрации к этому добавились упражнения на дыхание и равновесие, полезные для заклинаний, требующих долгой концентрации.

У дальней стены Риан оказался чуть впереди. Он коснулся камня и развернулся, но слишком широко. Эллиан оттолкнулся ногами, прошёл под его волной и вышел на поверхность уже на полкорпуса ближе к финишу. Последние гребки обожгли мышцы плеч. Он коснулся края и поднял голову.

Каэл смотрел на него с такой открытой радостью, будто победил сам.

— Я говорил, — объявил он, прежде чем Риан достиг стены. — В твоём лице сейчас недостаточно раскаяния, но начало хорошее.

Риан ухватился за край и выдохнул.

— Он использовал подводный разворот.

— Ты тоже мог.

— Я не знал, что он умеет.

— В этом и состояла твоя ошибка.

Эллиан выбрался на широкий каменный бортик. Вода стекала по спине и рукам, дыхание оставалось частым, но ров-

ным. Он провёл ладонью по волосам и посмотрел на Каэла.

— Ты выглядишь слишком довольным для человека, который даже не участвовал.

— Зато я два года утверждал, что ты умеешь плавать лучше, чем показываешь.

— Кому утверждал?

Каэл на мгновение задумался.

— В основном тебе в письмах.

Риан продолжал спорить о технике разворота, а старшие ученики предлагали повторить заплыв. Тарен выслушал первые три объяснения поражения и поднял плавающий камень.

— Теперь проверим другое утверждение. Кто из вас способен удерживать его на ладони, пока Риан перечисляет причины своего проигрыша?

— Это будет слишком долго, — сказал один из них.

— Именно поэтому испытание будет показательным.

Риан возмутился, Каэл засмеялся, и через несколько секунд все снова говорили одновременно.

Потом Каэл поднялся, чтобы пересест ближе к прохладному краю. На мокрой коже старые шрамы стали заметнее, и Эллиан снова увидел неровную линию под рёбрами.

— Этот откуда? — спросил он.

Каэл посмотрел вниз.

— Кабан.

— Когда?

— Прошлой осенью.

— Ты рассказывал, что охота прошла спокойно.

— В целом.

— Тебя распорол кабан.

— Не распорол. Зацепил.

— Каэл.

В его голосе было достаточно, чтобы разговоры рядом стихли. Каэл сел обратно и провёл здоровой рукой по мокрым волосам.

— Я вернулся домой сам. Рану зашили. Через неделю я снова ходил в лес.

— Именно это и беспокоит.

— Что я вернулся?

— Что ты считаешь возвращение доказательством отсутствия опасности.

— Я не скрывал это специально, — сказал Каэл тише. — Ты был далеко. К тому времени, когда мы увиделись, шрам уже перестал болеть.

— Это не делает его неважным.

— Знаю. В следующий раз скажу.

— До того, как всё заживёт.

Каэл поморщился, словно именно это условие показалось ему чрезмерным.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Другого пока не будет.

Тарен внезапно спросил Риана, действительно ли тот од-

нажды перевёл часы на башне ради продления доступа в библиотеку. Риан немедленно начал объяснять, что механизм был переведён не им лично и вообще речь шла об исследовании зависимости расписания от условного времени. Остальные ученики перебили его возмущёнными подробностями, и разговор постепенно вернулся к обычному шуму.

Они провели в воде почти час. Пар становился гуще, свет в потолочных колодцах медленно бледнел, готовясь принять настоящее сияние луны. Несколько посетителей ушли, другие перешли в прохладный бассейн. Каэл, выполняя лекарский запрет с оскорблённой точностью, ни разу не поплыл, зато дважды доказал, что может перемещаться по мелкой части, не погружая повязку. Эллиан решил считать это допустимым компромиссом.

Аномалия началась без звука.

Сначала исчезло течение у водопада. Струя продолжала падать со стены, но поверхность под ней больше не расходилась кругами. Капли входили в воду бесследно, словно проходили сквозь тонкое стекло. Затем остановились волны вокруг людей. Риан поднял руку, и вода стекла с пальцев, не оставив ни одной ряби. По залу прошёл шёпот. Кто-то у дальнего бассейна рассмеялся, решив, что это часть старого механизма, но смех оборвался, когда неподвижность распространилась на все пять источников.

Эллиан посмотрел вниз.

Вода под ним стала зеркалом. Его отражение лежало на тёмной глубине совершенно чётко: мокрые волосы, напряжённое лицо, серебряный свет над плечом. Каэл отражался рядом. Тарен — нет. Вместо его лица под поверхностью медленно проступали тонкие ветви.

— Не двигайтесь, — сказал Эллиан.

— Это уже становится любимым правилом академии, — отозвался Каэл, но голос его был тихим.

Все отражения в бассейне одновременно повернули головы.

Настоящие люди остались неподвижны. Отражённый Эллиан посмотрел вправо. Отражённый Каэл сделал то же самое. Риан, старшие ученики, преподавательница у дальнего борта — десятки зеркальных лиц обратились к одной точке в северной стене. Серебряные ветви на месте Тарена согнулись туда же.

В стене не было двери. Только гладкий лунный гранит и узкая полоса белых кристаллов.

Тарен медленно вдохнул.

— Там что-то есть.

— Что? — спросил Каэл, уже поднимаясь.

— Не знаю. Но вода его помнит.

Отражённый Каэл внизу не поднялся вместе с ним. Он остался сидеть и продолжал смотреть на стену.

Затем улыбнулся.

Глава VI. Слишком точное предсказание

Улыбка появилась на лице отражённого Каэла медленно, будто вода только что вспомнила, как её складывают человеческие губы.

Настоящий Каэл уже стоял по пояс в бассейне, развернувшись к северной стене. Раненую руку он прижимал к груди, здоровая тянулась к краю, где за пределами воды остались ножи и одежда. Под поверхностью его отражение не повторило ни одного движения. Оно продолжало сидеть, положив обе ладони на каменный бортик, и смотрело вверх с выражением спокойного узнавания. Вокруг него лежала неподвижная глубина, слишком тёмная для освещённого бассейна. Эллиан видел каждую линию чужого лица и всё же не мог избавиться от ощущения, что под водой находится не Каэл, а кто-то, научившийся выглядеть как он.

— Не приближайся к стене, — сказал Эллиан, поднимаясь рядом. Голос прозвучал ровнее, чем он ожидал. Он протянул руку, перехватил Каэла за здоровое предплечье и не позволил сделать следующий шаг. — И не смотри на отражение слишком долго.

— Я не собирался с ним знакомиться, — отозвался Каэл, не отрывая взгляда от воды. Насмешка в его тоне была привычной, но пальцы напряглись.

Тарен стоял с другой стороны. На месте его отражения ветви продолжали тянуться к северной стене, тонкие и серебряные, как трещины в промёрзшем стекле. Они росли не по воде, а будто глубже, в пространстве под нею, и исчезали там, где поверхность касалась каменного края. Тарен медленно провёл ладонью над бассейном, не касаясь его. Вода не отозвалась даже слабой дрожью.

— Здесь нет течения, — произнёс он. — Не только на поверхности. Вода остановилась целиком.

— Она не может остановиться целиком, — возразил Риан. Он выбрался из плавательной дорожки и теперь стоял возле ближайшей колонны, мокрый, раздражённый и значительно менее уверенный, чем несколько минут назад. — Источники проходят через зал непрерывно. Если перекрыть поток, уровень начнёт падать или подниматься.

— Тогда объясни ей это, — сказал Каэл.

Риан не ответил. У дальнего бассейна кто-то уже звал зрителя. Несколько учеников выбрались на каменный пол, торопливо оборачивая полотенца вокруг бёдер и плеч. Преподавательница, читавшая у борта, подняла защитный знак, но свет лёг на поверхность и остался в ней плоским отражением, не проникнув глубже. Все лица под водой продолжали смотреть в одну сторону. Только отражённый Каэл улыбался.

Эллиан опустил ладонь к поверхности. Он не собирался применять прорицание и не пытался вызвать зеркальный от-

вет; лишь выпустил тонкую нить холода, достаточно слабую, чтобы проверить, подчиняется ли вода обычной стихийной магии. Иней возник у кончиков пальцев, лёг белой дугой и замер. Вместо того чтобы расходиться по поверхности, он повторил очертание отражённой руки Каэла, лежавшей под водой. Улыбка стала шире.

Эллиан резко оборвал заклинание.

— Всем выйти из бассейнов, — приказал он, повисив голос. — Не касаться воды руками и не смотреть вниз.

Несколько человек подчинились сразу. Остальные задержались на мгновение, ожидая распоряжения служителя или преподавателя, и это короткое промедление показалось Эллиану странным: ещё вчера любой ученик Астрария отреагировал бы на магическую аномалию быстрее, пусть даже только ради возможности потом подробно её обсудить. Сейчас они словно ждали одного правильного решения, которое должен был назвать кто-то другой.

Смотритель купален выбежал из предбанника с бронзовым рычагом в руках. За ним следовали двое служителей в длинных серых рубашках. Мужчина оценил неподвижные бассейны, отражения и серебряные ветви вместо Тарена, после чего не стал задавать ни одного вопроса. Он вставил рычаг в гнездо возле центральной колонны и повернул всем весом. Внутри стены загрохотали механизмы. Обычно аварийный затвор отсекал источники от верхних чаш и направлял воду по обходному каналу. Сейчас звук прошёл по залу, но

уровень не изменился.

— Затвор закрылся, — выдохнул один из служителей.

— Я вижу, — сказал смотритель. Он схватился за рычаг снова, будто мог убедить механизм большей решительностью. — Вода должна уходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.